

Л.А.Введенская, Л.Г.Павлова,
Е.Ю.Кашаева

РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ

ВЫСШЕЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

ББК А5я 72-1
В 56

Рецензенты:

проф. *Г. Ф. Гаврилова*, доц. *Н. В. Мальчева*,
проф. *Н. Н. Маевский*

В 56 Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Катаева

Русский язык и культура речи: Учебное пособие для вузов. Изд. 6-е. Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2001. — 544 с.

В пособии описываются основные свойства современного русского литературного языка, рассматриваются различные аспекты речевой культуры (нормативный, коммуникативный, этический), говорится об организации эффективной речевой коммуникации, излагаются основы ораторского искусства, характеризуются особенности официально-деловой письменной речи.

Значительное место в пособии занимает Практикум, содержащий задания для самостоятельной работы. В Приложении даются акцентологический, орфографический, словарный минимумы, аннотированный список лингвистических словарей и справочников, материалы по деловому письму.

Пособие подготовлено с учетом требований Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (2000 г.).

Предназначено для студентов вузов нефилологического профиля. Может быть использовано на курсах повышения квалификации специалистов, а также при проведении занятий в школах, лицеях, гимназиях. Представляет интерес для широкого круга читателей.

ББК А5я 72-1

ISBN 5-222-03511-5

О Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова,
Е.Ю. Катаева, 2003
© Оформление, изд-во «Феникс», 2003

Предисловие

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

И. С. Тургенев

Непременная составляющая национального самосознания человека — чувство гордости за родной язык, который воплощает в себе культурные и исторические традиции народа.

Русский язык богат, велик и могуч. Это утверждение стало хрестоматийным и принимается без возражений.

Но можно ли считать, что язык, созданный великими предками, его потенциал, богатство неистощимы? Можно ли утверждать, что сегодня речь большинства наших соотечественников отражает богатство и величие национального языка?

Состояние современного русского языка (расшатывание традиционных литературных норм, стилистическое снижение устной и письменной речи, вульгаризация бытовой сферы общения) давно вызывает беспокойство как специалистов-филологов, так и представителей других наук, всех тех, чья профессиональная деятельность связана с речевым общением. Снижение уровня речевой культуры разных слоев русского общества, в том числе и интеллигенции, настолько очевидно и масштабно, что назрела необходимость возрождения непрерывной языковой подготовки на всех ступенях образования (от начального до высшего).

Кроме того, в настоящее время сложились условия, когда востребованность специалиста на рынке труда, его конкурентоспособность в значительной степени зависят от наличия гра-

Русский язык и культура речи

мотной речи (устной и письменной), умения эффективно общаться, от знания приемов речевого воздействия, убеждения. Именно сегодня интерес к родному языку становится осознанной необходимостью для миллионов молодых людей, стремящихся достичь успеха в жизни с помощью профессиональных знаний и навыков.

Вот почему курс «Русский язык и культура речи» вводится в программы подготовки специалистов нефилологического профиля.

При этом языковая подготовка студентов призвана решать не только обучающие, но и воспитательные задачи.

Знание языка, его законов, заложенных в нем возможностей, знание риторики — искусства владения речью — позволяет воздействовать на других людей, использовать слово как оружие: *Слово может спасти человека, может и убить; Слово не стрела, но пуще стрелы разит.* Поэтому очень важно, кто этим оружием владеет. Прежде чем вложить его в руки подрастающего поколения, следует воспитать в молодых людях те нравственные качества, которые не позволят обращать слово во вред другим.

Все сказанное определяет цель настоящего учебного пособия — дать необходимые знания о русском языке, его богатстве, ресурсах, структуре, формах реализации; познакомить с основами культуры речи, с различными нормами литературного языка, его вариантами; изложить основы ораторского искусства, дать представление о речи как инструменте эффективного общения, сформировать навыки делового общения.

ГЛАВА 1

Из истории русского языка

1.1. Происхождение русского языка

Современный русский язык по происхождению связан с общеславянским, который выделился несколько тысячелетий назад из индоевропейского языка-основы и служил средством общения славянских племен до V—VI веков н.э.

На основе общеславянского языка образовались восточнославянский (древнерусский) язык, а также языки южнославянской группы (болгарский, сербский и др.) и западнославянской (польский, словацкий, чешский и др.).

На древнерусском языке говорили восточнославянские племена, образовавшие в IX веке древнерусскую народность в пределах Киевского государства. В XIV—XV веках в результате распада Киевского государства на основе единого языка древнерусской народности возникло три самостоятельных языка: русский, украинский и белорусский, которые с образованием наций оформились в национальные языки.

Русский язык и культура речи

┌ Общеславянский язык

Южнославянские
языки

Восточнославянский язык

Западнославянский язык

Украинский
язык

Русский
язык

Белорусский
язык

1.2. Русский национальный язык XVIII-XIX веков

Состояние русского языка в настоящее время представляет собой острейшую проблему для государства, для всего общества. Это объясняется тем, что в языке сосредоточен и представлен весь исторический опыт народа: состояние языка свидетельствует о состоянии самого общества, его культуры, его менталитета. Разброд и шатание в обществе, падение нравственности, утрата характерных национальных черт — все это скажется и на языке, ведет к его упадку.

Сохранение языка, забота о* его дальнейшем развитии и обогащении — гарантия сохранения и развития русской культуры. Поэтому каждый гражданин Российской Федерации, кем бы он ни работал, какую бы должность ни занимал, несет ответственность за состояние языка своей страны, своего народа. Чтобы выполнить этот гражданский долг, осознанно принимать участие в языковой политике, необходимо иметь представление о развитии и положении русского языка в разные периоды его существования, поскольку настоящее глубоко и всесторонне осмысливается, познается только в сравнении с прошлым.

Начнем с положения русского языка в XVIII веке, когда прогрессивно настроенные круги общества старались поднять авторитет русского языка, доказать его состоятельность как языка науки и искусства. Особую роль в укреплении и распро-

Из истории русского языка

странении русского языка в этот период сыграл М.В. Ломоносов. Обладая талантом, огромными знаниями, страстно желая изменить отношение к русскому языку не только иностранцев, но и русских, он создает первую на русском языке «Российскую грамматику», в которой впервые представляет научную систему русского языка, создает свод грамматических правил, показывает, как следует пользоваться его богатейшими возможностями.

Особенно ценно то, что М.В. Ломоносов рассматривал язык как средство общения, постоянно подчеркивал, что он необходим людям для «согласного общих дел течения, которое соединением разных мыслей управляется», т.е. необходим для совместной деятельности, ее организации. По словам Ломоносова, без языка общество было бы похоже на несобранную машину, все части которой разрозненны и бездействуют, отчего и самое «бытие их тщетно и бесполезно».

Прекрасно понимая роль науки, просвещения в возвеличении Отечества, его процветании, Ломоносов добился не только создания университета в Москве, но и приема в число студентов разночинцев. По его мнению: «В университете тот студент почтеннее, кто больше научился, а чей он сын — в том нет нужды».

Желая поднять престиж русского языка и сделать лекции понятными для большинства студентов, М.В. Ломоносов доказывал, что в первом русском университете преподавать должны российские профессора и на русском языке. Увы! Ученые в основном были приглашены из-за границы и лекции читали на латинском или немецком языках. Русских профессоров было всего двое: Н.Н. Поповский (философия, словесность) и А. А. Барсов (математика, словесность).

Именно Н.Н. Поповский, ученик Ломоносова, начал свою первую лекцию в стенах открывшегося в 1755 г. Московского университета словами: «Прежде она (философия) говорила с греками; из Греции переманили ее римляне; она римский язык переняла весьма в короткое время и несметною красотой рассуждала по-римски, как не задолго прежде по-гречески. Не можем ли и мы ожидать подобного успеха в философии, какой получили римляне?.. Что же касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвалиться не могут. Нет

Русский язык и культура речи

такой мысли, кою бы по-русски изъяснить было невозможно.

... Итак, с Божиим споспешествованием, начнем философию не так, чтобы разумел только один из всей России или несколько человек, но так, чтобы каждый, российский язык разумеющий, мог удобно ею пользоваться».

Н.Н. Поповский стал читать лекции на русском языке. Такое нововведение вызвало недовольство со стороны профессоров-иностранцев. Спор о том, можно ли читать лекции на русском языке, тянулся свыше десяти лет. Только в 1767 г. Екатерина II разрешила читать лекции в университете на русском языке.

О превосходстве русского языка перед другими, о незаслуженно пренебрежительном отношении к русскому языку, о его недооценке со стороны не только иностранцев, но и самих русских писал М.В. Ломоносов в предисловии к «Российской грамматике»: «Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали». И далее: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, италийнским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италийнского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Что же представляет собой русский язык XVIII века? Какие особенности характерны для него в этот период?

В.К. Третьяков в статье «Слово о богатом, различном, искусном и несходственном витийстве» подчеркивает, насколько различными бывают ситуации, в которых приходится пользоваться русским языком: «Необходимо и богу обеты полагать, и государю в верности присягать, и сенаторов покорно просить,.. и на площади разговаривать, и комедию слушать, и у купца покупать,.. и работных людей нанимать,.. и на слуг кричать, и

Из истории русского языка

детей обучать ... все сие токмо, что природным языком». Но этот «природный язык» был в то время неупорядочен. В художественной литературе, официально-деловых документах, научных трактатах широко использовали так называемый славяно-русский язык. Это был русский язык, вобравший в себя культуру старославянского языка. Поэтому первостепенной задачей было создание единого национального русского языка.

Намечается концентрация общенародных элементов за счет отбора наиболее распространенных особенностей южнорусского и севернорусского наречий. Одновременно с этим начинается демократизация языка: в его лексический состав, грамматический строй в значительном количестве входят элементы живой устной речи городского купечества, служилых людей, низшего духовенства, грамотных крестьян.

Наряду с демократизацией начинается освобождение от влияния церковнославянского языка, языка религии и богослужения.

Многое сделал для упорядочения русского языка М.В. Ломоносов. Разработав теорию о трех стилях (высоком, среднем и низком), он ограничил использование старославянизмов, которые уже в то время были непонятными и усложняли, утяжеляли речь, особенно язык официальной, деловой литературы.

В XVIII веке происходит обновление, обогащение русского языка за счет западноевропейских языков: польского, французского, голландского, итальянского, немецкого. Особенно это проявилось при формировании научного языка, его терминологии: философской, научно-политической, юридической, технической. Однако чрезмерное увлечение иностранными словами не способствовало ясности и точности выражения мысли. Петр I даже вынужден был издать приказ, по которому «предписывалось писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов», поскольку от злоупотребления чужими словами «самого дела выразуметь невозможно».

В выработке русской терминологии значительную роль сыграл М.В. Ломоносов. Как ученый, сделавший немало открытий в разных областях знания, он вынужден был создавать научную и техническую терминологию. Ему принадлежат слова, не утратившие свою значимость и в настоящее время: *атмосфера, возгорание, градус, воздушный насос, материя, обстоятельство, трясение, электричество, термометр* и др.

Своими многочисленными научными трудами он способствует формированию научного языка.

В 1771 г. в Москве учреждается Вольное Российское собрание. Его членами становятся профессора, студенты университета, писатели, поэты, например М.М. Херасков, В.И. Майков, Д.И. Фонвизин, А.Н. Сумароков. Основная задача общества — составление словаря русского языка. Кроме того, оно стремилось привлечь внимание к русскому языку, способствовать его распространению и обогащению.

Пропаганде русского языка во многом помог журнал «Собеседник любителей Российского слова», первый номер которого вышел в 1783 г. В нем печатались сочинения только русских авторов, переводы отсутствовали. Цель журнала — служить на пользу родной речи.

К концу XVIII века предпочтительное использование в устной и письменной речи русского языка становится признаком патриотизма, уважительного отношения к своей нации, своей культуре. Именно это и подчеркивает публицист, участник Отечественной войны 1812 г. Ф.Н. Глинка, говоря о Суворове: «Суворов знал прекрасно французский язык, а говорил всегда по-русски. Он был русский полководец».

Писатель, историограф Н.М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» с горькой иронией пишет: «... в нашем так называемом хорошем обществе без французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? Зачем быть попугаями и обезьянами вместе? Наш язык и для разговоров, право, не хуже других». В другой статье «О любви к отечеству и народной гордости» он связывает отношение к родному языку с гражданственностью, уважением к своей стране, своему народу:

«Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности. Он богаче гармониею, нежели французский, способнее для изливания души в тонах, представляет более *аналогических* слов, то есть различных с выражаемым действием: выгода, которую имеют одни коренные языки! Беда наша, что мы все хотим говорить по-французски и не думаем трудиться над обработыванием собственного языка; мудрено ли, что не умеем изъяснять им некоторых тонкостей в разговоре? Один иностранный министр

сказал при мне, что язык наш должен быть весьма темен, ибо русские, говоря им, по его замечанию, не понимают друг друга и тотчас должны прибегать к французскому. Не мы ли сами подаем повод к таким нелепым заключениям? Язык важен для патриота» [68,57].

В XIX веке на всем протяжении столетия продолжают споры о том, что считать основой русского национального языка, какую роль должен играть церковнославянский язык в развитии его стилей, как относиться к простонародному языку и просторечию? Кто же принимает участие в этом споре, кто был озабочен состоянием и дальнейшим развитием русского языка? Прежде всего, это Н.М. Карамзин, его последователи и славянофилы во главе с А. С. Шишковым (писатель, общественный деятель, министр просвещения).

Н.М. Карамзин считал, что русский язык слишком тяжел для выражения мыслей и нуждается в обработке. «... Язык наш хотя и богат, — писал он, — однако ж не так обработан, как другие, и по сие время еще весьма немногие философические и физические книги переведены на русский» [68,55].

Преобразование языка, по мнению карамзинистов, требует его освобождения от последствий влияния церковнославянского языка. Ориентироваться следует на новоевропейские языки, особенно на французский. Русскому языку необходимо придать легкость, сделать его простым и понятным широкому кругу читателей. Для этого необходимо исключить архаические и профессиональные славянизмы и канцеляризмы, специальные термины различных ремесел и наук, грубое просторечие. С другой стороны, язык нуждается в создании новых слов, в расширении семантики старых слов для обозначения вводимых в обиход, в основном светского общества, понятий.

Карамзин создал и ввел в оборот слова: *влюбленность, общественность, будущность, промышленность, человечность, общепользный, достижимый, усовершенствовать*, которые и в настоящее время сохраняют свою актуальность.

Говоря о простонародных словах, какие из них допустимы в произведениях, в речи, а каких должно избегать, Карамзин основным критерием выбора считает те идеи, которые слово обозначает. Вот как он разъясняет свою мысль в письме И.И. Дмитриеву: «*Пичужечки* не переменай — ради бога не переменай!.. Имя *пичужечка* для меня отменно при-

ятно потому, что я слышал его в чистом поле от добрых поселян. Оно возбуждает в душе нашей две любезные идеи: о свободе и сельской простоте...

То, что не сообщает нам дурной идеи, не есть низко. Один мужик говорит *пичужечка* и *парень*: первое приятно, второе отвратительно. При первом слове воображаю красный летний день, зеленое дерево на цветущем лугу, птичье гнездо, порхающую малиновку или пеночку, и покойного селянина, который с тихим удовольствием смотрит на природу и говорит: *Вот гнездо! Вот пичужечка!* При втором слове является моим мыслям дебелий мужик, который чешется неблагопристойным образом или утирает рукавом мокрые усы свои, говоря: *Ай, парень! Что за квас!* Надобно признаться, что тут нет ничего интересного для души нашей!» [68,62]. В высказывании Карамзина проявляется его пристрастие к эстетизированному слову, нежелание широкой демократизации литературной речи.

Академик В.В. Виноградов в работе «Основные этапы истории русского языка» глубоко и всесторонне определил слабые стороны деятельности Карамзина в создании «нового слога российского языка»: «Отсутствие широкого демократизма и народности, пренебрежение к «простонародному» языку и его поэтическим краскам, слишком прямолинейное отрицание славяно-русской языковой культуры, еще продолжавшей снабжать словарным материалом язык науки и техники, а образами и фразеологией стили художественной прозы и особенно стиха, излишнее пристрастие к европеизмам в области фразеологии и синтаксиса, наконец, надоедливая легкость, сглаженность и манерность изложения в языке Карамзина — не удовлетворяли разные слои современного русского общества. Уже была осознана широкими кругами необходимость демократизации и всестороннего самобытного национального развития языка литературы — научной, политической и художественной — в соответствии с растущими вширь и вглубь общественными потребностями» [19,51].

Славянофилы, их вдохновитель А. С. Шишков, рассматривали старославянский как первобытный язык всего человечества и считал, что именно он должен стать основой русской литературной речи. По его представлению, между церковнославянским и русским языками существуют только стилистические различия. В доказательство Шишков предлагал срав-

нить выражения: «юная дева трепещет» и «молодая девка дрожит»; «склонясь на длань главою» и «опустя голову на ладонь». В первых противопоставленных фразах используются старославянизмы *юная*, *трепещет*, *длань*, *глава*, которые придают повествованию возвышенное, торжественное звучание. В других предложениях употребляются русские слова *молодая*, *дрожит*, *голова*, *ладонь*, которые делают высказывание сниженным, обиходно-разговорным.

Виноградов, называя Шишкова реакционным сторонником церковно-книжной культуры, тем не менее подчеркивал, что его статья «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка» (1803, 2-е изд. 1818) вскрыла «ряд существенных недостатков карамзинской реформы, связанных с недооценкой культурного наследия славянизмов, с непониманием исторической роли славяно-русского языка и его выразительных средств, а также с аристократическим отношением к народной речи и к народной поэзии». «Благодаря работам Шишкова, — продолжает Виноградов, — были глубже осознаны соответствия в строе и словаре русского и церковнославянского языков, точнее определились семантические границы между русским и западно-европейскими языками» [19, 51—52].

Представители демократически настроенной русской интеллигенции, высказывая свое отношение к деятельности Карамзина и Шишкова в области реформирования русского литературного языка и его стилей, подчеркивали, что вопрос о новом литературном языке не должен решаться без учета проблемы народности, без определения роли живой народной речи в структуре общенационального языка. В этом отношении показательно творчество великих писателей первой половины XIX века Грибоедова и Крылова, которые доказали, какими неисчерпаемыми возможностями обладает живая народная речь, насколько самобытен, оригинален, богат язык фольклора. Вот как оценивает творчество Крылова и как определяет его значение в истории русской литературы и русского языка Белинский: «Но басни Крылова, кроме поэзии, имеют еще другое достоинство, которое вместе с первым заставляет забыть, что они — басни, и делает его великим русским поэтом: мы говорим о народности его басен. Он вполне исчерпал в них и вполне выразил ими целую сторону русского национального духа: в его баснях, как в чистом, полированном зеркале, отражается русский практи-

ческий ум, с его кажущейся неповоротливостью, но и с острыми зубами, которые больно кусаются; с его сметливостью, остроюю и добродушно-саркастическою насмешливостью; с его природного верностию взгляда на предметы и способностью коротко, ясно и вместе кудряво выразиться. В них вся житейская мудрость, плод практической опытности, и своей собственной и завещанной отцами из рода в род. И все это выражено в таких оригинально-русских, не передаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах; все это и представляет собой такое неисчерпаемое богатство идиомов, руссизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство, — что сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении» [68, 223],

А. С. Пушкина по праву считают создателем *современного* русского литературного языка. О реформаторском характере творчества Пушкина писали его современники.

Н.В. Гоголь: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключается все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее всех раздвинул ему границы и более показал всё его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский ченовек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла» [68, 181].

В. Г. Белинский: «Трудно охарактеризовать общими чертами великость реформы, произведенной в поэзии, литературе, версификации и языке русском. <... > Ни один поэт не имел на русскую литературу такого многостороннего, сильного и плодотворного влияния. Пушкин убил на Руси незаконное владычество французского псевдоклассицизма, расширил источники нашей поэзии, обратил ее к национальным элементам жизни, показал бесчисленные новые формы, сдружил ее впервые с русскою жизнью и русскою современностию, обогатил идеями, пересоздал язык до такой степени, что и безграмотные не могли уже не писать хорошими стихами, если хотели

писать <... > Из русского языка Пушкин сделал чудо. <... > Он ввел в употребление новые слова, старым дал новую жизнь...» [68, 227].

И.С. Тургенев: «Заслуги Пушкина перед Россией велики и достойны народной признательности. Он дал окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силе, логике и красоте формы признается даже иностранными филологами едва ли не первым после древнегреческого» [68,302].

А. С. Пушкин в своем поэтическом творчестве и в отношении к языку руководствовался принципом *соразмерности и сообразности*. Он писал: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности». Поэтому он в отличие от карамзинистов и шишковистов не отвергал старославянизмов, не выступал против употребления слов, заимствованных из французского языка, не считал невозможным или зазорным использование простонародных и просторечных слов. Любое слово допустимо в поэзии, если оно точно, образно выражает понятие, передает смысл. Особенно богата в этом отношении народная речь. Пушкин не только сам собирает, записывает народные песни, сказки, пословицы, поговорки, но и призывает писателей, особенно молодых, изучать устное народное творчество, чтобы увидеть, почувствовать национальные особенности языка, познать его свойства.

Знакомство с его произведениями показывает, насколько творчески, оригинально включал Пушкин просторечные слова в поэтическую речь, постепенно разнообразя и усложняя их функции. Никто до Пушкина не писал таким реалистическим языком, никто так смело не вводил обычную бытовую лексику в поэтический текст. Вспомним строчки из «Графа Нулина». Героиня поэмы Наталья Павловна

... скоро как-то развлекалась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворовою собакой
И ею тихо занялась.
Кругом мальчишки хохотали,
Меж тем печально, под окном,
Индейки с криком выступали
Вослед за мокрым петухом;
Три утки полоскались в луже;

Шла баба через грязный двор
Белье повесить на забор.

Профессор Московского университета С. П. Шевырев (1806—1864) писал: «Пушкин не пренебрегал ни единым словом русским и умел, часто взявши самое простонародное слово из уст черни, оправлять его так в стихе своем, что оно теряло свою грубость. В этом отношении он сходствует с Дантом, Шекспиром, с нашим Ломоносовым и Державиным. Прочтите стихи в «Медном всаднике»:

... Нева всю ночь
Рвалася к морю против бури,
Не одолев их буйной дури,
И спорить стало ей невмочь.

Здесь слова *буйная дурь* и *невмочь* вынуты из уст черни. Пушкин вслед за старшими мастерами указал нам на простонародный язык как на богатую сокровищницу» [20, 292—293].

XIX век — серебряный век русской словесности и русского языка.

В это время происходит небывалый расцвет русской литературы. Всеобщую признательность приобретает творчество Гоголя, Лермонтова, Гончарова, Достоевского, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Островского, Чехова и др. Необыкновенных высот достигает русская публицистика: статьи Белинского, Писарева, Добролюбова, Чернышевского. Мировое признание получают достижения русских ученых Докучаева, Менделеева, Пирогова, Лобачевского, Можайского, Ковалевского, Ключевского и др.

Развитие литературы, публицистики, науки способствует дальнейшему становлению и обогащению русского национального языка. Словарный состав пополняется новой общественно-политической, философской, экономической, технической терминологией: *мировоззрение, целостность, самоопределение, пролетариат, гуманность, образование, обособление, действительность, бесправие, крепостник, крепостничество, собственник, самообладание, самоуправление, впечатлительность, аграрный, артикуляция, агломерат, кристаллизация, горизонт, экземпляр* и мн. др. Обогащается фразеология: *центр тяжести*

ти, привести к одному знаменателю, отрицательная величина, достигнуть апогея, вступить в новый фазис, по наклонной плоскости и др.

Научная и публицистическая литература увеличивает запас интернациональной терминологии: агитировать, интеллигенция, интеллектуальный, консервативный, максимальный, минимальный, прогресс, интернационал, коммунизм, культура, цивилизация, реальный, индивидуальный, и мн. др.

Художественная литература служит базой для пополнения русской фразеологии и образования новых слов. Например: *А ларчик просто открывался; Наделала синица славы, а моря не зажгла; Ай, Моська, знать, она сильна, что лает на слона; А Васька слушает да ест; Услужливый дурак опаснее врага; Слона-то я и не заметил; Худые песни соловью в когтях у кошки; Как белка в колесе (Крылов); Горе от ума; Шумим, братцы, шумим; Шел в комнату, попал в другую; Карету мне, карету; Ну как не порадеть родному человечку; Нельзя ли для прогулок подалее выбрать закоулок (Грибоедов); административный восторг (Достоевский); головотяпы, карась-идеалист, недреманное око, благоглупости, Иудушка, мягкотелый интеллигент (Салтыков-Щедрин).*

Бурное развитие науки, устойчивый рост журнально-газетной продукции способствовали формированию функциональных стилей литературного языка — научного и публицистического.

Одним из важнейших признаков литературного языка как высшей формы общенародного языка является его нормативность. На протяжении всего XIX века идет процесс обработки общенародного языка с целью создания единых грамматических, лексических, орфографических, орфоэпических норм. Эти нормы теоретически обосновываются в трудах Востокова, Буслаева, Потебни, Фортунатова, Овсяннико-Куликовского, Шахматова; описываются и утверждаются в грамматиках Востокова, Греча, Калайдовича, Грота и др.

Богатство и разнообразие словарного состава русского языка находит отражение в словарях (исторических, этимологических, синонимических, иностранных слов), которые появляются в XIX веке.

Известные филологи того времени (Давыдов, Востоков, Срезневский, Грот и др.) публикуют статьи, в которых опре-

деляют принципы лексикографического описания слов, принципы отбора лексики с учетом целей и задач словаря. Таким образом, впервые разрабатываются вопросы теории лексикографии.

Самым крупным событием было издание в 1863—1866 гг. четырехтомного «Толкового словаря живого великорусского языка» **В.И. Даля**. Словарь был высоко оценен современниками. Его автор в 1863 г. получил Ломоносовскую премию Российской императорской Академии наук и звание почетного академика.

Трудно даже представить, что такой богатейший материал (свыше 200 тысяч слов!) собрал, описал один человек. И не просто описал, а указал, где то или иное слово **бытует**, как оно произносится, что означает, в каких пословицах, поговорках встречается, какие производные имеет. Справедливо написал об этом словаре проф. П.П. Червинский: «Есть книги, которым суждена не просто долгая жизнь, они не просто памятники науки, это вечные книги. Вечные они потому, что их содержание не подвластно времени, над ними не властны ни социальные, ни политические, ни даже исторические изменения любых масштабов. <... > К таким книгам, без сомнения, следует отнести и «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля» [51,6].

1.3. Русский язык советского периода

При характеристике русского языка XX века следует разграничивать два хронологических периода: I — с октября 1917 г. по апрель 1985 и II — с апреля 1985 г. по настоящее время. Что же происходит с русским языком в эти периоды? Как шло его развитие?

Октябрьская революция 1917 г. приводит к ломке всего старого, происходят коренные преобразования в государственном, политическом, экономическом устройстве страны. Этим обусловлены два процесса в русском языке.

С одной стороны, многие слова, обозначавшие вчера еще значимые, важные понятия, сегодня становятся ненужными, уходят в пассив, поскольку оправляются в небытие, исчезают

или становятся неактуальными их денотаты, понятия. Например: *царь, монах, губернатор, гофмаршал, коллежский асессор, камер-юнкер, уезд, волость, гимназия, лицей, гимназист, лицеист, городской, дворянин, купец, дворянство, купечество, фабрикант, полиция, лавочник, хлебник* и мн. др.

Отделение церкви от государства, разрушение храмов, отмена преподавания закона божьего в учебных заведениях также приводит к забвению церковной, богослужебной лексики: *архимандрит, архиерей, протоирей, подьячий, благовест, благовещение, благочестие, Богоматерь, богомолье, богослов, богочеловек, великопостный, Воздвиженье, евхаристия, епархия, игуменья, иночество* и пр.

С другой стороны, появление новых органов власти, создание новых общественных организаций, изменения в экономике, культуре — все это сопровождается рождением новых слов, активно пополняющих словарный состав русского языка: *губком, райком, исполком, большевик, пионер, комсомолец, колхоз, колхозник, совхоз, подразверстка, нэпман, декадник, милиция, партпрос, агитбригада, агропром, белогвардейщина, буденовец* и мн. др.

Отличительной чертой русского языка этого периода считается наводнение казенными сокращениями слов и словосочетаний: *ЦК, ВКЩб, ВЦИК, ВОХР* (внутренняя охрана), *ВРШ* (вечерняя рабочая школа), *ГОМЗА* (государственное объединение машиностроительных заводов), *горком* (городской комитет), *ГОРОНО* (городской отдел народного образования), *Совнарком, партком, домком, НКВД, КГБ, ОСОАВИАХИМ, РСДРП, ШКРАБ* (школьный работник) и мн. др.

Для русского языка советского периода характерна интерференция (взаимодействие) **противопоставленного**.

Признаком восприятия действительности, ее отражения в средствах массовой коммуникации на протяжении всего советского периода была контрастность, поляризация явлений по параметрам: у **нас** (идеологически близкое, нравственное, партийное, идейное) — у них (идеологически чуждое, безнравственное, антипартийное, безыдейное). Это нашло отражение и в словарном составе, особенно в общественно-политической лексике

После октябрьского переворота в русском языке постепенно складывались две лексические системы: одна для наимено-

вания явлений капитализма, другая — социализма. В научных трудах, словарях, особенно в публицистике четко просматривалось это разграничение. Так, если речь шла о капиталистических странах, тогда их разведчики назывались *шпионами*, войска — *оккупационными*, воины — *оккупантами*, партизаны — *террористами*. У них — *капитализм, конкуренция, милитаризм, бизнес, коррупция, мафия, рэкет, апартеид, геноцид, дискриминация, наркомания, коммерция, эксплуатация*, у нас — *социализм, демократия, интернационал, братство, дружба, мир, свободный труд*.

Лингвистические словари того времени последовательно отражали интерференцию противопоставленного, социальную окрашенность слов. Даже были выработаны способы и средства подачи идеологизированных слов в словарях современного русского языка. Так, определение значения начиналось или сопровождалось пометой: *в кап. странах, в бурж. об-ве, в странах Запада*. Ср.: Богема — собир. *В бурж. об-ве*: интеллигенция, не имеющая устойчивого материального обеспечения и постоянного местожительства (преимущественно актеры, музыканты, художники и пр.). Профверхушка — *Наиболее влиятельная часть руководства какого-либо профсоюза (в кап. странах)*.

В других случаях социально-идеологическая оценка включалась в словарное определение: Реформизм — *Враждебное марксизму течение в рабочем движении, отвергающее революционную классовую борьбу...* Акция 1. *Ценная бумага, приносящая дивиденд, свидетельство об участии ее владельца в акционерном обществе; цена акции зависит от величины прибыли предприятия и банковского процента, поэтому акции являются предметом спекуляции в капиталистических странах.*

Интересны случаи, когда словарное толкование содержит компонент социально-идеологической дифференциации понятия, который следует за понятийной частью толкования и включает информацию о различии признаков называемого денотата при его функционировании в обществах с различной идеологической ориентацией: Бюрократизм — *Система политического, экономического и социального управления, основанная на открытии центров исполнительной власти от воли членов общества; в условиях эксплуататорского общества осуществляется посредством разветвленной сети чиновников, полицейского ап-*

парата и администрации; бюрократические методы управления характеризуются произволом и волюнтаризмом. *При социализме* созданы все предпосылки для ликвидации всех форм бюрократизма, сохранившихся от старого общества или возникающих в результате отступления от принципов социализма. Орудие борьбы с бюрократизмом — развитие социалистической демократии, развертывание критики и самокритики.

Противопоставленность явлений антагонистических систем подчеркивалась оценочными определениями к их наименованиям, которые постепенно стали **обязательными**: *развитой* социализм — *загнивающий* капитализм, *светлое* будущее коммунизма — *прогнивший насквозь* капитализм. Постоянное использование определений *советский* привнесло в его лексическое значение оценочность — «лучший»: *советская молодежь, советский человек, советская наука, советский спорт, советский образ жизни, советское хозяйство* означало не только «относящийся к советскому государству», но и «лучший». Дополнительный оттенок, положительно характеризующий предмет, явление, поддерживались популярным лозунгом того периода: «Советское — значит лучшее».

В годы советской власти одним из принципов номинации становится **переименование денотата**. Это было обусловлено стремлением партийной и правительственной олигархии через язык, через слово воздействовать на общественное сознание. В результате переименований, во-первых, удавалось разорвать связь с дореволюционным прошлым, уничтожить преемственность во многих сферах жизни; во-вторых, предать забвению, вычеркнуть из памяти многое из того, что могло напоминать о царской России, ее символикe; в-третьих, возникало впечатление полного обновления всех сторон жизни общества; в-четвертых, перемена наименований должна **отражать** существенные изменения объекта номинации, поэтому с переменной названий возникала иллюзия постоянного качественного изменения в самом обществе в соответствии с догмами диалектического материализма.

Лингвистическая проблема — проблема номинации, используемая в целях формирования не только массового сознания, но и самого общества, становится политической, идеологической проблемой, служит интересам партийно-правительственной **элиты**.

Показательна в этом отношении история наименования людей, отличившихся в работе. В первые годы пятилетки, когда рождались грандиозные планы, выполнение которых требовало мобилизации сил всего народа, возникает понятие «ударный труд» и появляются первые *ударники*.

Новое значение слова *ударник* впервые фиксирует «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова: «Передовой работник социалистического производства, перевыполняющий нормы, активно овладевающий техникой и показывающий образцы производственной дисциплины». Иллюстрацией употребления слова в таком значении служит цитата из работ И.В. Сталина: «Теперь знатными людьми являются деятели колхозов и совхозов, школ и клубов, старшие трактористы да комбайнеры, бригадиры по полеводству и животноводству, лучшие ударники и ударницы колхозных полей».

Последующие толковые словари и словари омонимов представляют лексему *ударник* в новом ее значении как омоним, появившийся в результате распада многозначности. Слово это оказывается довольно активным в словообразовательном отношении. Появляются слова *ударница*, *ударничество*, *по-ударному*, **ОМОНИМЫ** *ударность*, *ударный*, *ударно*.

В этот же период в русском языке рождается слово *передовик* в значении «человек, проявляющий раньше других инициативу в чем-нибудь, показывающий в работе пример другим». Возникают словосочетания: *передовик производства*, *передовик соцсоревнования*, *рабочие-передовики*.

В 30-х гг. советскому народу внушается мысль о новом небывалом росте трудового энтузиазма, о прогрессивности ударного труда. Это потребовало своего наименования и на смену *ударникам* и *ударницам* приходят *стахановцы* и *стахановки*. Примечательно, что словарная дефиниция слова *стахановец* наглядно демонстрирует стремление составителей словаря подчеркнуть качественное изменение в отношении к труду со стороны трудящихся масс: «Работник социалистической эпохи, который в социалистическом соревновании добивается наивысшей производительности труда, наилучшего использования техники и превышений производственных планов путем преодоления старых технических норм и существующих проектных мощностей». И вновь цитируется И.В. Сталин: «Стахановцы являются новаторами в промышленности».

В 60-х гг. встречается новое образное наименование ударников — *маяк*. Словарь «Новые слова и значения. Словарь-справочник» (1971) дает следующее толкование: «О передовике производства, трудовой деятельности».

Последующее десятилетие характеризуется появлением *бригад коммунистического труда*. Новая номинация как бы подчеркивает, что речь идет о приближении высшей фазы развития общества, о коммунистическом отношении к труду, и участие в нем принимают не индивиды, а целые коллективы. Так изменение наименования создавало видимость бурной деятельности, полного благополучия в развитии социалистического хозяйства, подчеркивало постоянный рост трудового энтузиазма советских людей, их стремление приблизить светлое будущее.

О полнейшем обновлении жизни страны после Октябрьской революции, о коренных преобразованиях должны были свидетельствовать периодические замены старых названий. Это касалось административно-территориального деления страны (вместо *губерний, уездов, волостей* появляются *республики, области, районы*), государственных учреждений (*совнарком, совнархоз*), самой партии (*Российская социал-демократическая рабочая партии (большевиков) — РСДРП(б), Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) — ВКП(б), Коммунистическая партия Советского Союза — КПСС*). Изменяются воинские звания (вместо *солдат* вводятся *красногвардеец, красноармеец, вместо офицер, майор, полковник появляются командир, комвзвода, комполка, а вместо полицейский — милиционер*).

Переименовываются многие города, например: *Петербург — Петроград — Ленинград, Царицын — Сталинград — Волгоград, Самара — Куйбышев, Нижний Новгород — Горький*. Получают новые названия улицы. Так, в большинстве городов разнообразные названия центральных улиц получают одни и те же названия: *Ленина, Энгельса, Маркса, Октября*.

Переименование становится отличительной чертой советского образа жизни и приобретает иногда анекдотический характер. Например, когда вступил в силу антиалкогольный указ, не только резко сократилось производство пива, но и «само слово «пиво», — как пишет С. Плужников, — стало крамольным, и его вытравивали из всей научно-технической документации, за-

менив названием «солодовый напиток», профессия пивовара стала называться сложно и путано — «инженер-технолог промышленного биокатализа» (Комс. пр., 28.05.91).

Суть процесса переименования, его истоки и результат мастерски показали А. Генелин и В. Мамонтов в статье «Обмен как средство продвижения к светлому будущему»: «Но что удивляться? Жизнь нашей страны — сплошной обмен. Началось с глобального, в масштабе государства: Николая II — на Керенского, Керенского — на Совнарком... Прошло время — *икрестьян* поменяли *на колхозников, рабочих на авангард, интеллигенцию на прослойку конкуренцию — на соцсоревнование, уборку хлеба — на битву за урожай, нормальную работу — на трудовой энтузиазм*. В общем, после каждого революционного обмена мы убеждались: *этот обмен — в общем-то, обман*. И с новым энтузиазмом включались в новую обменную компанию: *застой — на перестройку*» (Комс. пр., 28.03.91).

Процесс переименований как средство воздействия на общественное сознание исчерпал себя. История возвращает нам утраченное, в том числе и старые названия. Однако уроки прошлого показательны и поучительны и их не следует забывать.

1.4. Русский язык конца XX века

Период перестройки придал особое значение тем процессам, которые сопровождают развитие языка на всех этапах его существования, сделал их более значимыми, четче выраженными, ярче, нагляднее представленными.

Существование языка немислимо без постоянного обогащения, развития словарного состава, самой его подвижной части. Но особенно возрастает пополнение словаря в периоды коренных социальных изменений. Однако каждый такой период имеет свои особенности. Если интенсивное обогащение словарного состава остается общей чертой для всех эпохальных периодов в жизни народа, то различными бывают источники его пополнения, способы образования новых слов, пути развития словарного состава. Что же является отличительной чертой современного состояния лексики русского языка?

Прежде всего, следует говорить о значительном пополнении словарного состава русского языка новыми словами, об

актуализации большого количества слов, находившихся ранее в пассиве.

Новая лексика отражает все сферы жизни общества: политику, государственное устройство, идеологию (*госструктура, авторитаризм, инаугурация, плановость, десоветизация*); экономику (*бартер, бизнес-центр, квазиденги, инвалюта, квотирование, конвертация, кейс-метод*), медицину (*иглорефлексотерапия, иммунодефицит, антиспидовый, хоспис, кридология*); религию (*иеговизм, исламизация, кармический, чакра*), науку, технику (*клон, килобайт, файл, директория, диск, дискета, интерактивный, интернет, картридж, видеокассета*); быт (*йогурт, кейс, киви, адидасы, гамбургер*) и т.д.

Помимо новых слов возвращены к жизни многие слова, которые, казалось, навсегда вышли в тираж или находились в пассиве: *гимназия, лицей, гильдия, гувернантка, корпорация, трест, департамент, муниципалитет, полиция, забастовка, частник, крестьянин, стачком, арендатор, благотворительность, дворянское собрание, наемный рабочий, амвон, владыка, литургия, всенощная, освятить, причастие, благословение, святитель, масленица* и др.

Обогащение словаря русского языка происходит и в результате появления новых значений у старых слов. Так, слово *империя* имело два значения: 1) крупное монархическое государство; 2) крупная империалистическая колониальная держава с ее владениями. В последнее время *империя* употребляется в значении «могущественное государство с тоталитарным режимом, состоящее из территорий, лишенных политической и экономической самостоятельности и управляемых из центра».

Процессу пополнения словаря противостоит процесс выбывания слов из словарного состава русского языка. Уже в первые годы перестройки уходят в пассив слова, характеризующие советскую действительность: *обком, горком, райком, комсомол, пионер, активист, соцсоревнование, соцобязательство, правофланговый, сверхплановый, отоварить, отщепенец, передовик* и мн. др.

Отличительная черта современного состояния лексики русского языка — переориентировка слов из характеризующих социальные явления капиталистического строя в наименование явлений российской действительности последних десятилетий. Происходит разрушение двух лексических систем, сформиро-

вавшихся в советскую эпоху и вызванных стремлением советских идеологов подчеркнуть полярность капиталистической и социалистической действительности.

Такие изменения не могли остаться незамеченными. В толковых словарях слова из лексической системы, отражающей понятия капиталистического мира, чаще всего имели отрицательный оценочный компонент, социально-ограничительную коннотацию, определяющую их прежнее восприятие. Так, например, слово *менеджер*, впервые зафиксированное «Словарем новых слов и значений» (1984), толковалось как «наемный управляющий современным промышленным, торговым и т.д. капиталистическим предприятием». В настоящее время слово *менеджер* приобрело социально нейтральное значение «специалист по вопросам организации управления (в производстве и других областях)». Отсюда стало возможным сочетание *наши менеджеры*. От русского слова *управляющий* оно отличается тем, что указывает на признак: руководитель деловой, предприимчивый, инициативный, высокой квалификации. Например: «Но есть еще ряд обстоятельств, которые говорят о том, что менеджер играет немаловажную роль в управлении всеми перестроечными процессами. Перестраиваясь, мы сталкиваемся со старыми порядками, стереотипами, нежеланием расставаться с устоявшимся прошлым. Лед должен растапливать менеджер. Он не просто субъект нового хозяйственного механизма, а локомотив перестройки» (Огонек. 1989. № 9).

Если в период застоя лекторы, агитаторы, пропагандисты, используя в своих выступлениях слова *коммерция*, *бизнес*, *наркомания*, *коррупция*, *буржуа*, *бизнесмен*, старались подчеркнуть социально-оценочную окраску, то теперь это вызовет у слушателей отрицательную реакцию, так как с появлением новых социальных денотатов в нашей действительности изменилось и социальное восприятие самих слов, произошла нейтрализация социально-ограничительных коннотаций. Подтверждением служит не только пресса, но и справочная литература, словари. Особенно наглядно это проявляется при сопоставлении словарных дефиниций (определений), представленных в разных изданиях одного и того же словаря. Обратимся для иллюстрации к «Словарю иностранных слов». Вот как толковались одни и те же слова в раннем (1954) и более позднем (1988) издании:

Буржуа — 1) принадлежащий классу буржуазии, собствен-

ник, эксплуататор, враг трудящихся (1954) и 2) принадлежащий к классу буржуазии (1988).

Бизнесмен — «делец, коммерсант, предприниматель, капиталист, воротила, стремящийся из всего извлечь крупные барыши, не гнушаясь никакими средствами в целях личной наживы» (1954) и «в капиталистических странах дельец, коммерсант, предприниматель» (1988).

Тенденциозность толкований в первом случае очевидна: в определениях наряду с нейтральными используются оценочные, стилистически окрашенные слова, словосочетания: *эксплуататор, враг трудящихся, воротила*.

Обратим внимание еще на одну особенность. Рост общественного самосознания, постепенное, но неуклонное утверждение и расширение прав человека, свобода в высказывании мнений, собственных суждений привели к тому, что стали по-новому осмысливаться, критически оцениваться слова, которые ранее никаких сомнений не вызывали, казались бесспорными по своему содержанию, четкими и ясными.

Следовательно, изменения происходят не только в языке, но изменяется и отношение к языку как средству выражения мысли, к слову как содержательной единице, несущей информацию. Так С. Залыгин в статье «Из записок минувшего года» справедливо утверждает: «Истинный смысл слов в значительной мере утрачен нашим обществом благодаря социальной системе, в которой пребывало несколько поколений советских людей».

Иллюстрацией к этому служат рассуждения о словах, словосочетаниях: *воин-интернационалист, афганец, культ личности, гордость*.

Художественный руководитель театра-студии «У Никитских ворот» Марк Розовский: «Боже, как много разговоров о войнах-интернационалистах! Рядом со святым словом «интернационализм» мы ставим страшное слово «воин». Или интернационализм — или война, эти понятия нельзя соединить. Употребление этого словосочетания продолжает коверкать наши души и унижать нашу нравственную позицию. Мне кажется также этически некорректным и пущенное в оборот слово «афганец», употребляемое не в своем основном значении... Или еще один неуклюжий термин — «культ личности». Да у личности обязан быть культ! Это же прекрасно. А то, что мы называем культом

личности, было культом посредственности — все одинаково серо, все подгоняемо под сапог, — культ безличности. Ведь это не просто лексическая неряшливость, а следствие нашей поверхностной морали. Сначала мы не задумываемся о формах слов и содержании дел, а потом удивляемся, почему в нашем обществе, с детства поющем «Интернационал», вместо ожиданий «дружбы народов» махровым цветом распускается обыкновенный шовинизм» (Огонек. 1989. № 47).

Журналист Станислав Рассадин: «Странное, между прочим, дело. Открываю современный словарь «ГОРДОСТЬ. 1. Чувство собственного достоинства, самоуважение... 2. Чувство удовлетворения от сознания достигнутых успехов, чувство своего превосходства в чем-либо». Заметим: это все о чувствах, как говорится, заслуженной гордости, и только третье, стало быть, третьестепенное значение таково: «Чрезмерно высокое мнение о себе и пренебрежение к другим; заносчивость, высокомерие».

Любопытно или закономерно, что в начале нашего века, в пору отнюдь не рабскую, очередное издание словаря В. Даля обнаруживало куда более определенное отношение к этому слову-понятию: «Гордиться чем-либо, быть гордым, кичиться, зазнаваться, чваниться, спесивиться; хвалиться чем-либо, тщеславиться; ставить себе что-либо в заслугу, в преимущество, быть самодовольным». Да что Даль! Откройте Новый завет, в течение столетий ложившийся в основу нашей нравственности и даже фразеологии, и в так называемой «симфонии», т.е. в именном и предметном указателе, узрите: «ГОРДОСТЬ грех...». Не лезу в глубины этимологии, не делаю скоропалительно-однозначных выводов, но одно, увы, достаточно ясно. Ясней некуда. Ромен Роллан, который, пребывая в СССР, из последних старческих сил старался сохранять лояльность и к строю, и к Сталину, он, француз, человек со стороны, все же видел; не мог не видеть: «Даже Горький, — писал он в своем московском дневнике, напечатанном в майском номере «Вопросов литературы», — сожалел при мне о злоупотреблении чувством гордости, перерождающимся в тщеславие, которое поддерживается у рабочих... К тому же не только индивидуальная или рабочая гордость, но и гордость советского гражданина подогрывается ценой искажения истины... Миллионы честных советских тружеников твердо верят, что все лучшее, что у них

есть, создано ими самими, а остальной мир лишен этих благ (школы, гигиена и т.д.). У молодежи нет возможности свободно сопоставлять свои интеллектуальные достижения и мысли с достижениями их товарищей на Западе. Бойтесь потрясения, когда это в один прекрасный день вдруг произойдет!». Как в воду глядел: произошло!» (Огонек. 1989. № 43).

Средством выхода из семантической недифференцированности (особенно в период перестройки) служит определение, разъяснение *ключевого*, т. е. всего того, что представляет ключевой смысл, что социально значимо. Обостренное внимание к слову, его семантике, неприятие и неприязнь в отношении пустых, мало значащих, ничего не значащих, равно как и недостаточно определенных слов и их значений становится постоянной тенденцией.

Стремление быть правильно понятым, не перетолкованным, порождает в условиях массовой коммуникации необходимость уточнений.

« — Де-факто власть до 1989 года целиком принадлежала, да и сейчас в значительной мере принадлежит партии, точнее — партаппарату. Я бы не назвал эту партию правящей. В условиях, когда власть у нее никем не оспаривается, партаппарат безраздельно царствует над страной» (Комс. пр., 24.02.90).

Контрастируют семантически близкие и противопоставляются слова: «партия» и «партаппарат», «правлящий» и «безраздельно царствующий». Они оказываются взаимоисключающими, несовместимыми. Необходимость дать реальную оценку ведет к уточнению «да и сейчас еще в значительной мере принадлежит...».

Открытое проявление дефинитивности, требование точности в употреблении слова обычно сопровождается сопоставлением, контрастированием, оттенением, оценкой, высказыванием прямого отношения: «Не знаю, как вы, — пишет В. Аграновский, — а я весьма скептически отношусь к официальным решениям, содержащим глухие формулировки типа «улучшить», «усилить внимание», «повысить», «углубить» или «ускорить». Изначально обреченным на неисполнение в силу своей абсолютной неконкретности и, я бы даже сказал, обезоруживающей безликости. У нас любят говорить: проделана «определенная» работа, в наличии «определенные» недостатки, — вам известно, как следует это понимать?». Далее автор подчер-

квивает: популярность и распространенность подобных слов и выражений объясняется тем, что люди «были отучены шевелить мозгами». «Вникать и задумываться, — пишет он, — мы стали только теперь... Мы сегодня точно знаем, если проделана «определенная» работа — значит, ничего не сделано, нам просто пудрят мозги. Если имеются «определенные» недостатки — значит, и сами не желают их видеть, и нам не хотят показывать» (Огонек, 14.04.89).

В настоящее время в связи со значительными изменениями условий функционирования языка актуальной становится еще одна проблема, проблема языка как средства общения, языка в его реализации, проблема речи.

Какие же особенности характеризуют функционирование современного русского языка в конце XX века?

Во-первых, никогда не был так многочислен и разнообразен (по возрасту, образованию, служебному положению, политическим, религиозным, общественным взглядам, по партийной ориентации) состав участников массовой коммуникации.

Во-вторых, почти исчезла официальная цензура, поэтому люди более свободно выражают свои мысли, **их** речь становится более открытой, доверительной, непринужденной.

В-третьих, начинает преобладать речь спонтанная, самопроизвольная, заранее не подготовленная. Если же выступление и было подготовлено (даже написано), то стараются говорить, а не читать. Об этом свидетельствуют выступления государственных деятелей всех рангов, депутатов, политиков, ученых по телевидению, на различных встречах, диспутах, конференциях, переговорах.

В-четвертых, разнообразие ситуаций общения приводит к изменению характера общения. Оно освобождается от жесткой официальности, становится раскованнее.

Новые условия функционирования языка, появление большого количества неподготовленных публичных выступлений приводят не только к демократизации речи, но и к резкому снижению ее культуры.

В чем это проявляется? Прежде всего, в нарушении орфоэпических (произносительных), грамматических норм русского языка. Об этом пишут ученые, журналисты, поэты, простые граждане. Особенно много нареканий вызывает речь депутатов, работников телевидения, радио.

Справедливо пишет А. Эмирова: «Я знаю, что общество озабочено вопросами повышения правовой и политической культуры депутатов. К сожалению, выступления многих депутатов обнаружили их низкую речевую и, следовательно, общую культуру. Я не могу доверять дела государственной важности человеку, который коряво излагает свои мысли, допускает грубые речевые ошибки». Далее приводятся ошибки: соболезновАние, Арест, средствА, ходатАйство, сеГодня, равноправного, одновременно, <...> НИКОМУ не секрет; то же касается и С транспортом и др. (Поиск, 7—13.12.90).

Свою обеспокоенность состоянием русского языка в настоящее время не без юмора выразил Е. Весник в «Оде русскому языку»:

О, бедный мой язык родной,
О, прелесть русской речи чистой!
Кто не глумился над тобой —
Шпана, чиновники, лингвисты...
Кто бедолагу не ломал,
Не выворачивал, не мучил:
«ОблЕгчить, нАчать, взад, принЯл,
ПравЫ, сочуйСтвовать, подключил».
Ну, ладно б жулик, или вор,
Иль алкаши и наркоманы,
Но педагог, но прокурор,
Но дикторы с телеэкрана!..
Рабочий и интеллигент
Родную речь, как шавку, лупят:
«Осужденный и инцидент,
БлагА, сочуйСтвовать, оглУпят».
Ну, ладно б только бюрократ —
Кувшинное тупое рыло.
Но журналист, но депутат
Язык недавно исказили.
От сердца я хочу воззвать
Ко всем, кто сын России верный:
Пора не нАчать, а начАть
Язык наш очищать от скверны.
Друзья, следите за собой,
Когда по-русски говорите.
Ведь это наш язык родной —
Его для внуков сохраните!

В научной литературе, в печати появляются статьи, заметки, авторы которых по-разному оценивают то, что происходит в языке. Одни считают, что русский язык приходит в упадок, ему грозит гибель. Вот, например, что пишет проф. Л.В. Савельева: «Мощный напор низкосортной теле- и кинопродукции с полуграмотным переводом, а также наступление обезличенно-массовой, денационализированной псевдокультуры планомерно и скрупулезно разрушают нашу языковую экологию, обесценивают русское слово, его духовную суть, его генную намять о прошлом» [71, 41—42].

А.И. Солженицын в 1995 г. издал «Русский словарь языкового расширения». В нем он поместил 30000, по мнению автора, «еще жизнеспособных, полнокровных слов, которым грозит преждевременное отмирание». Как пишет Солженицын, ему «захотелось восполнить *иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутья к нему*» (подчерк. — авт.).

Другие более трезво оценивают ситуацию, раздумывают над тем, что необходимо сделать, чтобы ее изменить. Известный лингвист О.Б. Сиротинина пишет: «По-моему, ни об упадке, ни об оскудении, обеднении, тем более, вырождении его (языка — авт.) говорить нельзя. Вмешательство, и очень серьезное, необходимо в речевую культуру (специальные курсы для депутатов, штрафы для ошибающихся работников радио и телевидения, квалификационные собеседования для учителей и т.д.)» [69, 17].

Чтобы выработать свое отношение к языку, определить свое речевое поведение, необходимо разобраться в тех процессах, которые характеризуют нашу речь.

Одна из особенностей связана с демократизацией языка. Проблема демократизации русского литературного языка приобрела особую остроту в XIX веке. Ее блестяще разрешил А. С. Пушкин. На рубеже XX и XXI веков демократизация языка достигла таких размеров, что правильнее назвать процесс либерализацией, а еще точнее — вульгаризацией.

На страницы периодической литературы, в речь образованных людей потоком хлынули жаргонизмы, просторечные элементы и другие внелитературные средства: *бабки, штука, кусок, стольник, чирик, лимон, зеленые, зелененькие, баксы, при-*

шить, бухать, кайф, балдеж, балдеть, выкачивать, отмывать, отстегивать, прокрутиться и мн. др.

Общепотребительными даже в официальной речи стали слова *тусовка, тусоваться, разборка, беспредел*. Последнее слово в значении «не имеющее пределов беззаконие» приобрело особую популярность (в какой-то степени «беспредел» творится и в языке). Для говорящих, публично выступающих изменилась мера допустимости, если не сказать, совсем отсутствует.

Ругательства, «матерный язык», «непечатное слово» сегодня можно встретить на страницах независимых газет, свободных изданий, в текстах художественных произведений. В магазинах, на книжных базарах продаются словари, содержащие не только жаргонные, блатные слова, но и нецензурные.

Об этом пишет В. Распутин: «Многие писатели поддались на приманку: книги на языке сленга пользуются спросом, на них можно заработать. А по мне даже ради денег, даже когда тебя не печатают — лучше обойтись без этого. Не напрасно ведь говорят: *непечатное слово*. А маститые... Сошлюсь на Виктора Петровича Астафьева. В компании его слушать — одно удовольствие. Но когда он привнес матерщину в литературу, да еще в цветистом витиеватом виде — это уже не годится».

Да что художественная литература! «Комсомольская правда» (11.04.95) печатает под рубрикой «Уроки изящной словесности» (без кавычек!) статью И. Климова «Препо и студенты базарят на одном языке» с подзаголовком «Без словаря доцента Максимова отцы и дети никогда не поняли бы друг друга». Рецензия-реклама на очередной словарь молодежного жаргона начинается так: «Добираться до Магнитогорска на поезде офигенно долго. Значительно клеветнее сходить на муху. Да и бабок платить почти одинаково... Байконур встретил меня туманом — самолет некоторое время стремался идти на посадку. Дальше, правда, все было нормалек. Пединститут отыскался сразу же. Оставалось только порюхаться препода Максиму Борису Борисовичу (студенты чаще именуют его Быр-Быром)...» Под статьей фотография юноши, стоящего в немыслимой позе с вывернутыми руками и ногами (вероятно, символизирует «вывернутый» стиль рецензии), и подпись «Во клёво крейзит».

Моду на «беспредел» переняли и рекламщики. Газета «Вабанк по-ростовски» (03.04.99) на первой странице печатает рек-

ламу: «Мигульные мотыги и махаси! МАКСИМ двигает немецко-прибамбасов, для флэта и конторы. Сканируйте: 1. видаки, ящики, «мыльницы» и всякая такая тема; 3. вся компьютерная подоплека; 4. Солнечные чичи; 5. кислотные движения для кухни; 6. тара; 7. пленка и фольга; 8. мигульные койки; 9. тематичные фонари. Имеются наши темы. Качество — просто вышак! Прайсы — душевные! Манируйте сюда! Нас от вас плюшит и колбасит одновременно!»

Для «темных», «неграмотных» людей рядом напечатан перевод на нормальный русский язык: «Дамы и господа! Торговый дом МАКСИМ предлагает Вашему вниманию широкий выбор товаров для дома и офиса: 1. аудио-, видео-, бытовая и фототехника; 3. компьютерная и оргтехника; 4. солнцезащитные очки; 5. бытовая химия (ср-ва для посудомоечных машин, стир. порошки — универсальные, детские, гипоаллергенные); 6. посуда; 7. фольга и пленка; 8. мягкая мебель; 9. осветительные приборы. В продаже — товары отечественного производства. Качество европейское. Цены доступные. Приходите в торговый дом МАКСИМ! Мы всегда рады Вам!»

Вот так ненавязчиво, оригинальничая, печать распространяет, пропагандирует жаргонную речь.

Газета «Аргументы и факты» (1997, № 44) опубликовала статью Сергея Осипова «Западно, блин, в натуре!» Автор пишет: «Вульгаризмами не пренебрегают и государственные мужи. Как-то однажды Борис Немцов посетовал: «Я иногда сам не понимаю этот птичий язык». <...> Ну неужели так сложно понять, о чем идет речь, если один политик (Жириновский) жалуется, что «его заказали»? Другой (Гулеев) уточняет: «Трем киллерам». А все почему? «Потому что не делились», — объясняет третий, бывший член правительства (Лифшиц). «Все должны платить», — вторит четвертый (Макашов). Пятый не согласен: «Их надо гасить!» (Починок). А уж на том, что «Чубайса необходимо сдать», сходятся решительно все, кроме самого Чубайса. Да что там отдельные политики, символ движения НДР — вообще крыша».

Оригинальным оправданием вульгаризации языка служит мысль, высказанная одним общественным деятелем: «Для оценки положения в стране нет слов! Остались одни выражения!»

Вот материал для размышлений. Согласиться с этими вы-

оказываниями или поспорить, вступить с авторами в полемику?!

Не менее яркой чертой нашего сегодняшнего языкового развития считается засорение речи заимствованиями. В научной, публицистической литературе, в выступлениях современный русский язык называют *интеррусским* языком, *германо-романо-русским* или *англо-русским* сленгом, а то кратко — *русангл*.

«Иностранизация» русского языка вызывает беспокойство у многих россиян. Время от времени газеты печатают письма, запросы читателей, в которых с юмором, а в некоторых и не без ехидства затрагивают эту проблему.

Так, например, читатель газеты «Советская Россия» Г. Павлов пишет: «Что только не придумывают, чтобы выразиться позаграничней. Вот, например, спокойно и достойно открывает центральная газета рубрику — «Наш дайджест». Хорошо, конечно, что у нас теперь будет собственный дайджест. Только, простите, что это такое? Смотрим в Большой англо-русский словарь (БАРС). Загадочный «дайджест» оказывается просто «кратким изложением, резюме...» Выходит, рубрику-то можно было назвать попросту «коротко». И далее: «А то ли еще прочтешь, скажем, в **экссклюзивном материале**!»

Авторы зарубежных репортажей, желая передать местный колорит, отыскивают слова и позагадочней: «На юге Франции выслежен и разгромлен ганг...» — читаем в журнале «Нева». Радоваться нам или огорчаться? Никому неизвестно. Сразу фирменные новые индийские магазины «Ганга» на ум приходят. Оказывается, никакие не магазины. В словаре «Новые слова и значения» все заботливо объясняется: «Ганг — это группа лиц, объединившихся для преступной деятельности». Сначала, конечно, легче становится — разгромили, значит, кого надо. А потом невольно задумываешься: чем новый «ганг» лучше старой «банды»? Тем более что и произносится это слово по-английски не «ганг», а «гэнг». Так что, **извините**, несколько иной колорит!» (16.02.85).

Газета «Правда» в рубрике «Читая почту» опубликовала подборку писем, авторы которых также выражают свое отрицательное отношение к обилию иностранных слов в устной и письменной речи:

Менеджер. Что это: зазывала, вышибала или какое-то устройство?

Спонсор. Обманщик или гуманный человек?

Шоу. Большая толпа на остановке, очередь за дефицитом?

Неужели в русском языке не хватает ясных, чистых, понятных каждому человеку слов? <... >

Сыплющиеся, как из рога изобилия, к месту и не к месту, заимствования порой затуманивают, а то и просто искажают смысл сказанного или написанного. <... >

Конечно, не стоит доводить до абсурда и пытаться приучить называть автомобиль самобеглой коляской, но: вместо гостиницы — отель, продажный — коррумпированный, чванливый — амбициозный, маскировка — камуфляж, сплочение — консолидация и далее без конца. Зачем? (17.03.89).

Добавим, что подобные заимствования нередко заменяют обрусевшие иностранные слова: *сленг* (жаргон), *наблисити* (реклама), *шоу* (зрелище), *дисплей* (экран), *сэндвич* (бутерброд), *хит* (шлягер).

По мнению ученых, порог допустимости иностранных слов явно завышен, что дает повод к сочинению стихов, пародий. Например:

Бурное новословие

У торговцев, у послов
 (да в любой газете)
 Появилось много слов,
 Непонятных, умных слов,
 Вот таких, как эти:
 Ноу хау, чартер,
 Тюнер, плеер, бартер,
 Аннус, саммит, зомби,
 Картер, брокер, лобби,
 Сервис, ксерокс, принтер,
 Блейзер, сканнер, спринтер,
 Фьючерс, дайджест, рейтинг
 Имидж, спонсор, серфинг,
 Шоу, таймер, бизнес,
 Брифинг, картридж, фитнес
 Модем, файтер, клиринг,
 Селинг, лизинг, дилинг,
 Плоттер, триллер, дилер,
 Пейджер, рэкет, киллер...

Нет от них покоя мне
Наяву, да и во сне,
И никак я не пойму,
Что к чему и почему...

(Н.П.Колесников)

«Литературная газета» печатает поздравление женщинам к 8 марта, в котором высмеивается мода на иностранные слова: «Сударыни! Женщины! Гражданочки! Просто леди и железные леди! Миссы и миссисы! Желаем вам счастья в менеджменте, хорошего семейного консенсуса и плюрализма в личной жизни! И чтоб у вас никогда не было стагнации, а наоборот — презентации по всем статьям! Крепкого вам имиджа в труде, красивого фейса и отличного спонсора в быту! Короче, отличной вам альтернативы в семейной жизни...» (8.03.90).

Эта же газета публикует пародию «Предвыборная считалочка»:

Рокер, брокер,
Киллер, дилер,
Популизм, консенсус, бартер,
Референдум, клиринг, хиллер,
Пролонгация и чартер,
Панки, бомби, сервилат,
Йогурт, лобби, демократ —
Политический раздрай —
Кого хочешь — выбирай.

(Лит. газ., 6.09.95)

Чтобы определить правильное, научно обоснованное отношение к заимствованиям, обратимся к истории русского языка.

Прочитируем «Частную риторику» (1840) Н. Кошанского: «Язык наш в самом начале много заимствовал из Греческого; далее принял несколько слов Татарских, в 16-м веке служил ему образцом Польский. Со времен Петра вошло в него много слов Немецких, особенно Голландских. Со времен Елисаветы образовался он по примеру Немецкого и Французского».

Действительно, русский язык на всем протяжении своей истории обогащался не только за счет внутренних ресурсов, но

и за счет других языков. Нужно еще добавить, что значительное влияние на наш язык оказали латинский и старославянский языки. Но в какие-то периоды это влияние, особенно заимствование слов, было чрезмерным, казалось, что оно захлестывает русский язык, переполняет его. Тогда и появляется мнение о том, что иностранные слова ничего нового не добавляют, поскольку есть тождественные им русские слова, что многие русские слова не выдерживают конкуренции с модными заимствованиями и вытесняются ими.

Какой же видится выход? На первый взгляд, единственный: определить, какие заимствования имеют соответствия в русском языке, и их исключить и употреблять только русские.

Глубокий и обоснованный ответ на поставленный вопрос дает В.Г. Белинский в статьях «Взгляд на русскую литературу 1847 года» и «Общее значение слова «литература»:

Нет сомнения, что охота пестрить русскую речь иностранными словами без нужды, без достаточного основания противна здравому смыслу и здравому вкусу, но она вредит не русскому языку и не русской литературе, а только тем, кто одержим ею. Но противоположная крайность, то есть неумеренный пуризм, производят те же следствия, потому что крайности сходятся. Судьба языка не может зависеть от произвола того или другого лица. У языка есть хранитель надежный и верный: это его же собственный дух, гений. Вот почему из множества вводимых иностранных слов удерживаются только немногие, а остальные сами собою исчезают. Тому же самому закону подлежат и новосоставляемые русские слова: одни из них удерживаются, другие исчезают. Неудачно придуманное русское слово для выражения чуждого понятия не только не лучше, но решительно хуже иностранного слова [68, 201].

В языке не может быть двух слов, совершенно тождественных по своему значению. Если вошедшее в какой-нибудь язык иностранное слово может замениться собственным того языка словом, иностранное уступает место национальному, и, как уже излишнее, а потому и ненужное, само собой выходит из употребления. Так исчезли из русского языка иностранные слова: *виктория* (вместо *победа*), *презент* (вместо *подарок*), *аттенция* (вместо *внимание*, *уважение* к кому-либо), *ондироваться* (вместо *волноваться*), *решпект* (вместо *уважение*) и множество других. Но иностранное слово «литература» удержалось, и всякий, кто только понимает значение «словесности» и употребляет это слово, понимает также и значение слова «литература» и также употребляет его. Значит: между этими двумя словами есть разница в их значении, как бы они ни

были между собою сходны, есть оттенок, и они только сходны друг с другом, но отнюдь не тождественны. Знание точного значения слов и их различия между собою, хотя бы и самого легкого, есть необходимое условие всякого истинного мышления, ибо слова суть выражения понятий, а можно ли мыслить, не умея отличать, во всей тонкости, одного понятия от другого? [68, 196—197].

Очень эмоционально об отношении к иностранным словам в наше время пишет К. И. Чуковский:

Только простакам и невеждам можно навязывать мысль, будто русский язык терпит хоть малейший ущерб от того, что наряду со словом *вселенная* в нем существует *космос*, наряду с *плясками* — *танцы*, наряду с *мышцами* — *мускулы*, наряду с *сочувствием* — *симпатия*, наряду с *вопросами* — *проблемы*, наряду с *воображением* — *фантазия*, наряду с *предположением* — *гипотеза*, наряду с *полосою* — *зона*, наряду со *спором* — *дискуссия*, наряду с *указателем цен* — *прейскурант*, наряду с *языковедом* — *лингвист*.

Нужно быть беспросветным ханжой, чтобы требовать изгнания подобных синонимов, которые обогащают наш язык, тем более что у этих синонимов, как бывает почти постоянно, очень разные смысловые оттенки.

Из процитированного делаем вывод: с одной стороны, заимствование без меры засоряет речь, делает ее не для всех понятной; с другой стороны, разумное заимствование обогащает речь, придает ей большую точность.

Крупный русский мыслитель И. А. Ильин в статье «О России» очень оригинально выразил мысль о глубокой, органической связи языка — народа — Родины: «Пусть же другие народы поймут и запомнят, что им только тогда удастся увидеть и постигнуть Россию, когда они познают и почувствуют нашу речь. А до тех пор Россия будет им непонятна и недоступна, до тех пор они не найдут к ней ни духовного, ни политического пути.

Пусть мир познает наш язык и через него впервые коснется нашей Родины. Ибо тогда, и только тогда он услышит не о ней, а Ее» [31, 10-11].

А не кажется ли нам, россиянам, что в первую очередь мы сами должны «познать и почувствовать» русский язык, ибо мы сами недостаточно его знаем, плохо им владеем, небрежно к нему относимся, а ведь мы и только мы, россияне, несем от-

ответственность за состояние родного языка, его дальнейшее развитие, обогащение, за его место в мире.

1.5. Русский язык в современном мире

Русский язык — это национальный язык русского народа, государственный язык Российской Федерации. Он используется как средство межнационального общения в самой России и в ближайшем зарубежье. В настоящее время русский язык — один из языков европейского и мирового значения. Он входит наряду с английским, французским, испанским, китайским в число официальных международных языков. Он звучит с трибуны ООН.

За свою многовековую историю русский язык никогда не испытывал таких значительных преобразований, как в XX столетии. Это связано с коренными политическими, экономическими, культурными изменениями, которые происходили в государстве. Россия пережила два крупных потрясения: революционный переворот в 1917 г. и революционную перестройку 90-х гг., в результате революции было создано мощное тоталитарное государство СССР со всеми характерными для него атрибутами. Перестройка привела к распаду СССР, восстановлению Российской Федерации как самостоятельного государства, демократизации общества, утверждению гласности, открытости межгосударственных связей и отношений.

В первый период, особенно когда советский народ одержал победу во 2-й мировой войне, а затем стал оказывать поддержку государствам, ставшим или становящимся на путь построения социализма, необыкновенно возрос интерес к русскому языку во всем мире. Его стали воспринимать как язык великой державы, многовековой культуры и богатейшей литературы, как один из самых информативных языков (60—70% мировой информации публикуется на английском и русском языках).

Советское государство много сделало для усиления роли русского языка как одного из языков мирового значения.

Во всех республиках СССР было немало школ, в которых все преподавание велось на русском языке. С 1938 г., когда было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обя-

зательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», русский язык как обязательный предмет изучался во всех национальных школах. В результате с каждым годом увеличивалось число лиц нерусской национальности, владеющих русским языком. Так по фактам переписи населения в СССР в 1970 г. и в 1989 г. количество лиц нерусской национальности, считающих русский вторым родным языком, возросло с 41,9 млн до 68,8 млн человек; а в целом в 1989 г. нерусских, свободно владеющих русским языком, было 87,5 млн человек.

Огромная тяга к изучению русского языка во всем мире способствовала созданию в 1967 г. в Париже Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Генеральная ассамблея (высший орган), президиум (исполнительный орган), Секретариат (рабочий орган) находятся в Москве. Первым президентом ассоциации был академик В.В. Виноградов. Задача МАПРЯЛ — объединить преподавателей русского языка за рубежом, оказывать им методическую помощь, содействовать изданию учебников, разнообразных учебных материалов, словарей. С 1967 г. начинает выходить журнал «Русский язык за рубежом». В 1973 г. открывается Институт русского языка им. А.С. Пушкина. Это учебный и научно-исследовательский центр. В нем разрабатываются новейшие методы преподавания русского языка иностранцам, создаются учебники, словари, кинофильмы и другие пособия по русскому языку для иностранцев; принимают в аспирантуру, докторантуру, на курсы повышения квалификации зарубежных русистов, на стажировку иностранных студентов.

Важную роль в пропаганде русского языка играет созданное в 1974 г. издательство «Русский язык», которое в основном специализируется на издании различной учебной литературы, особенно словарей для изучающих русский язык как иностранный.

Во многие вузы страны, начиная с 60-х гг., стали приезжать иностранцы, чтобы приобрести ту или иную специальность и овладеть русским языком. Количество приезжающих с каждым годом увеличивалось.

После распада СССР, когда союзные республики стали самостоятельными государствами, произошла переоценка многих прежних ценностей, что привело к заметному снижению

интереса к русскому языку в этих государствах. Если до начала 90-х гг. русский язык в бывших республиках Советского Союза воспринимался как средство приобщения к ценностям культуры, получения образования, престижной должности, то в последнее десятилетие эта мотивационная база в известной степени утратила свою действенность.

Негативное отношение к русскому языку проявили в странах Балтии. В Литве, Латвии, Эстонии государственным языком становится только соответствующий национальный язык. Резко сокращается в школах и вузах преподавание на русском языке и само изучение русского языка. Перестают издавать на русском языке научную и общественно-политическую литературу, использовать **его** при оформлении **производственно-хозяйственной** и официальной документации.

Неприятие русского языка, особенно со стороны представителей правительства, приводит к анекдотическим ситуациям. На официальных встречах президенты Латвии, Литвы, Эстонии, прекрасно говорящие на русском языке, демонстративно ведут переговоры с помощью переводчиков, при этом каждый президент имеет двух переводчиков.

Тенденция к сокращению влияния русского языка, его изучения и функционирования в качестве языка межнационального общения наблюдается и в других бывших союзных и автономных республиках. В их средствах массовой информации русский язык начинают называть «имперским языком», «языком тоталитаризма», «языком оккупантов».

На Украине в 1989 г. проходит конференция по национально-языковым проблемам. В итоговой резолюции национально-русское двуязычие было названо «политически вредным» и «научно несостоятельным». Появляются официальные предписания значительно сократить количество часов на преподавание русского языка в национальных школах, не считать его изучение обязательным и даже предлагается исключить предмет «русский язык» из школьных и вузовских программ.

Однако жизнь вносит свои коррективы. В постперестроечный период становится очевидным, что русский язык необходим как для народов России, так и для Союза Независимых Государств. Известный писатель абхазец Ф. Искандер пишет: «Русский язык исторически объединял всех нас, через него мы друг друга понимали. Сейчас же происходит переход республик,

народов на средства своего, национального языка. Это ставит преграды в развитии культуры, искусства, экономики, в общении людей друг с другом. И, в конечном итоге, приводит к тем трагическим результатам, которые мы имеем сегодня» (Аргументы и факты, 11.03.93). Об этом же говорит директор института этнологии и антропологии РАН В. Тишков: «Национально-русское двуязычие, в том числе и официальное, — это тот вариант, который может стать самым сильным средством в пользу политики культурного плюрализма и позволит избежать этнических конфликтов. Директора предприятий в Аджарии и Хакасии будут договариваться между собой о поставках все равно на одном языке — русском. Это реально существующее средство межгосударственного и человеческого общения, которое ныне не связано с имперским центром и демонтировать его невозможно, да и не рационально» (Комс. пр., 16.03.94).

Трезвое отношение к русскому языку, понимание его значения для народов суверенных государств, для развития их культуры, экономики, торгово-промышленных отношений определяют языковую политику в Казахстане, Азербайджане, Армении. «У нас все казахи, — говорит президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, — прекрасно знают русский язык, и это преимущество, мы, казахи, никогда не должны его потерять. В республике выходит сегодня 467 газет на русском языке, на казахском только 211, 32 телекомпании вещают на русском, на казахском всего 5. Кстати, единственное государство в СНГ, официальным языком которого принят русский, — это Казахстан» (Комс. пр., 20.05.97).

Ассоциация русистов в Армении, созданная в 1991 г., в своей декларации записала: «Существующий ныне уровень владения русским языком требуется непременно сохранить. Это необходимо, в первую очередь, в интересах обмена научной и культурной информацией, использования всего богатства знаний, накопленных в республике. Решено, что Ассоциация будет содействовать преподаванию русского языка и литературы в школах и вузах, развитию переводческой деятельности, способствовать расширению сотрудничества армянской и русской культуры, устанавливать контакты с аналогичными организациями и предприятиями за пределами Армении» (Ханбабян А. Не забывать язык друзей // Правда, 26.12.91).

Заслуженный деятель науки Якутии, профессор Н.Г. Сам-

сонов в книге «Русский язык на пороге XX века» (Якутск, 1998 г.) с горечью и болью пишет о том, чем обернется для того или иного немногочисленного народа отрицательное отношение к русскому языку, стремление ограничить его использование, его **изуление**: «Тенденция опираться лишь на одну свою **нацию**, свою республику, родной национальный язык не может привести ни к чему, кроме искусственной и вредной изоляции **соот-** **ствующего** народа, к условиям, когда для народа окажутся **значительной** мере закрытыми достижения мировой культуры, науки, техники, а его собственные достижения останутся только в рамках национальной республики, следовательно, использование русского языка в качестве языка посредника — явно в интересах каждого народа в наших многонациональных республиках Российской Федерации и Республики Саха (Якутия). И внушение того, что с ним связано ущемление национальных чувств, является плодом невежества или результатом сознательной фальсификаторской оценки». И далее автор говорит о значении русского языка для существования и дальнейшего развития языков других народов. «Наличие языка-посредника не означает свертывание функции национальных языков. Наоборот, всестороннее экономическое и культурное сотрудничество наций, обмен научными, политическими и экономическими знаниями ведет к взаимному обогащению национальных языков, приводит их в соответствие с современным уровнем общественного прогресса. Достоинство народа заключается не в этнической самоизоляции, а в духовной раскованности, во взаимосотрудничестве народов, в совместном равноправном творчестве».

Русский язык продолжает вызывать интерес в современном мире. По свидетельству публикаций в российской прессе, число граждан США, Франции, Испании, Швеции, Финляндии, Австрии, Кореи, начавших изучать русский язык и литературу, в последнее время увеличилось в несколько раз.

«Русский язык, сохраняя свою уникальность и идентичность на протяжении громадного пространства и длительного времени, вобрал в себя богатства языков Запада и Востока, освоил греко-византийское, латинское, восточное и старославянское наследие. Он воспринял достижения новых языков романского и германского ареалов Европы. Однако главным источником его развития, обработки и шлифовки явилось созидатель-

ное творчество русского народа, прежде всего поколений русских и всех российских деятелей науки, политики, техники, культуры и литературы — русский язык стал высокоразвитым, богатым, раскрытым в своих потенциях, упорядоченным, стилистически дифференцированным, исторически сбалансированным языком, способным обслуживать все потребности — не только национальные, но и общечеловеческие» [70, 446].

Контрольные вопросы и задания

- 1. Расскажите о происхождении русского языка.*
- 2. Какова роль М. В. Ломоносова в истории русского языка?*
- 3. В чем заключается различие взглядов «карамзинистов» и «шишковистов» на развитие русского языка?*
- 4. Почему А. С. Пушкина считают создателем современного русского литературного языка?*
- 5. Каковы основные особенности русского языка советского периода?*
- 6. Какие явления характерны для русского языка конца XX в. ?*

ГЛАВА 2

Структурные и коммуникативные свойства языка

2.1. Язык — знаковая система

Русский язык, как и любой другой язык, представляет собой систему. Система — (от греческого *systema* — целое, составленное из частей; соединение) объединение элементов, находящихся в отношениях и связях, образующих целостность, единство. Следовательно, каждая система:

- состоит из множества элементов;
- элементы находятся в связи друг с другом;
- элементы образуют единство, одно целое.

Характеризуя язык как систему, необходимо определить, из каких элементов он состоит, как они связаны друг с другом, какие отношения устанавливаются между ними, в чем проявляется их единство.

Язык состоит из единиц:

- звук;
- морфема (приставка, корень, суффикс, окончание);
- слово;
- фразеологическая единица (устойчивое словосочетание);
- свободное словосочетание;
- предложение (простое, сложное);
- текст.

Структурные и коммуникативные свойства языка А1

Единицы языка связаны друг с другом. Однородные единицы (например, звуки, морфемы, слова) объединяются и образуют уровни языка.

Единицы языка	Уровни	Разделы
Звуки, фонемы	Фонетический	Фонетика
Морфемы	Морфемный	Морфемика
Слова	Лексический	Лексикология
Формы и классы слов	Морфологический	Морфология
Предложение	Синтаксический	Синтаксис

Язык — знаковая система. Уже в давние времена исследователи рассматривали единицы той или иной системы как знаки, несущие информацию. Знаковостью обладает всё, что нас окружает: природа, человек, животное, машина.

Существует два типа знаков: естественные (знаки-признаки) и искусственные (знаки-информанты)¹

Например, на дереве появились желтые листья. Это естественный знак. Он — часть предмета, составляет одно целое с ним, является его признаком. О чем информирует этот знак? Желтые листья на деревьях означают наступление осени. Но если это происходит в июле? Значит, на данной территории засуха, давно не было дождя. Бывает и так: на одной улице города каштаны радуют Глаз зеленью листвы, а на другой все листья у них пожухли, а некоторые даже лежат на земле. Это знак того, что на одной из улиц интенсивное движение транспорта и воздух отравлен выхлопными газами. Возможен еще вариант: все деревья в саду зеленые, а у одного листья пожелтели. Что это за знак? Дерево заболело, его надо лечить.

Каждый из читающих это пособие, конечно, объяснит, какую информацию несут естественные знаки: листья в книге приобрели желтоватый оттенок и стали ломкими; ласточки летают низко над землей; у телевизора исчез звук; фрукты окажутся слишком мягкими; компьютер не выполняет команду, «завис».

Естественные знаки неотделимы от предметов, явлений они их часть. Искусственные знаки, в отличие от естествен

ных, условны. Они создаются для формирования, хранения и передачи информации, для представления и замещения предметов и явлений, понятий и суждений. Условные знаки служат средством общения и передачи информации, поэтому их называют еще коммуникативными или информативными.

Информативные знаки — это соединение определенного смысла и определенного способа его выражения. Смысл — означаемое, а способ выражения — означающее. Например, раздастся вой сирены (означающее — звуковой сигнал, означаемое — опасность); на флаге черная лента (означающее — цвет, означаемое — траур).

Языковые знаки — самые сложные. Они могут состоять из одной единицы (слово, фразеологизм) или их комбинации (предложение). Языковой знак указывает на какой-то предмет, качество, действие, событие, положение дел, когда об этом начинают говорить или писать. Языковой знак, как и любой другой знак, имеет форму (означающее) и содержание (означаемое). Самостоятельный языковой знак — слово. Морфема самостоятельно не функционирует в языке. Она проявляет себя только в слове, поэтому считается минимальным, несамостоятельным языковым знаком. Предложение, высказывание, текст — составные знаки разной степени сложности.

Язык по своей природе полифункционален.

Он служит средством общения, позволяет говорящему (индивиду) выражать свои мысли, а другому индивиду их воспринимать и, в свою очередь, как-то реагировать (принимать к сведению, соглашаться, возражать). В данном случае язык выполняет коммуникативную функцию.

Язык служит и средством сознания, способствует деятельности сознания и отражает ее результаты. Таким образом, язык участвует в формировании мышления индивида (индивидуальное сознание) и мышления общества (общественное сознание). Это познавательная функция.

Язык, кроме того, помогает сохранять и передавать информацию, что важно как для отдельного человека, так и для всего общества. В письменных памятниках (летописи, документы, мемуары, газеты, художественная литература), в устном народном творчестве фиксируется жизнь народа, нации, история носителей данного языка. Функция — аккумулятивная.

Помимо этих трех основных функций

- коммуникативной;
- познавательной (когнитивной);
- аккумулятивной

язык выполняет:

- эмоциональную функцию (выражает чувства и эмоции);
- функцию воздействия (волеятативную).

Вот, например, как, образно характеризуя язык, Эзоп, герой драмы бразильского театрального критика, писателя Гильермо Фигейреду «Лиса и виноград», подчеркивает его полифункциональность:

Язык — это то, что объединяет нас, когда мы говорим. Без языка мы не могли бы передавать наши мысли. Язык — ключ науки, орудие правды и разума. Язык помогает созидать города. Языком выражается любовь. Языком учат, убеждают, наставляют. Языком молятся, разъясняют, поют. Языком описывают, восхваляют, доказывают, утверждают. Языком мы произносим «любимая» и священное слово «мать». Это языком мы говорим «да». Это языком приказывают войскам победить.

Первое предложение указывает на коммуникативную функцию языка, второе и третье — на когнитивную; пятое — на эмотивную (эмоциональную), шестое — на волеятативную.

Все сказанное о языке можно представить в таком виде:

	знаковая	состоит из единиц, уровней	
	естественная		
	самобытная		
Язык	общения коллектива (социума)	коммуникативная	
	мышления индивида и общества	когнитивная	
средство	сохранения и передачи культурно-исторических традиций народа (этноса)	аккумулятивная	

Не случайно язык во всех развитых странах был и остается объектом постоянного внимания со стороны общественности и государства. О том, какое социальное и политическое значение ему придавали, свидетельствуют факты:

— первые академии (во Франции, Испании), были созданы с целью изучения и совершенствования языка;

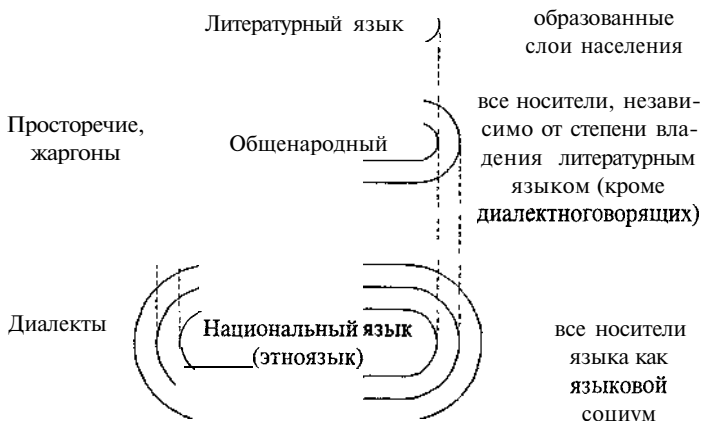
— первые звания академиков были присвоены лингвистам (XVI в.);

— первые школы были созданы для обучения литературному языку, и в этом смысле историю литературного языка можно рассматривать как историю просвещения, образованности и культуры;

— Российская Академия (С.-Петербург, 1783 г.) была также основана для изучения русского языка и словесности. Ее крупным вкладом в лексикографию было создание 6-томного «Словаря Академии Российской» (1789—1794), содержащего 43 тысячи слов.

2.2. Формы существования языка

Язык — сложное явление. Национальный язык как достояние народа существует в нескольких формах. К ним относятся: диалекты (территориальные), просторечие (речь неграмотных или недостаточно грамотных слоев городского населения), жаргоны (речь отдельных профессиональных, социальных групп с целью языкового обособления) и литературный язык.

Структура языка

Всякий современный развитой язык предполагает наличие **территориальных диалектов**, которые представляют собой наи-

более архаичные и естественные формы языкового существования.

Диалекты русского языка складывались как устойчивые территориальные образования в достаточно ранний период — период феодальной раздробленности. В XX в. в связи с ростом образования, развитием радио, телевидения увеличивается влияние литературного языка и активизируется процесс деградации диалектов.

Территориальные диалекты существуют только в устной форме, служат для обиходно-бытового общения (среди односельчан, в крестьянской семье). От жаргонов, просторечия они отличаются тем, что имеют характерный для каждого диалекта набор фонетических, грамматических, лексических различий. Вот, например, что пишет В.И. Даль о донском диалекте: «Говор на *а*; *г* перед гласного обращается в придыхание; окончание 3 лица глагола мягкое. У донцов есть особые слова, как, например: *дротик* — копьё, *пропасть* — отлучиться, *полоса* — сабля, и много хорошо составленных речений, по своему ремеслу, отчасти принятых впоследствии в военном языке: *скрасть караулы*, *добыть языка*, *стоять на слуху*, *пойти* или *наступит лавой*; *побежка лошади* вместо *аллюр*, *опознаться* вместо чересчур нерусского: *ориентироваться*».

Изучение диалектов представляет интерес:

— с исторической точки зрения: диалекты хранят архаические черты, литературным языком не отраженные;

— с точки зрения формирования литературного языка: на базе какого основного диалекта и затем общенародного языка складывался литературный язык, какие черты других диалектов заимствует, как влияет в дальнейшем литературный язык на диалекты и как диалекты влияют на литературный язык.

Просторечие — одна из форм национального русского языка, которая не имеет собственных признаков системной организации и характеризуется набором языковых форм, нарушающих нормы литературного языка. Такое нарушение нормы носители просторечия не осознают, они не улавливают, не понимают различия между нелитературными и литературными формами.

Просторечными считаются:

— в фонетике: *шофер, положить, приговор; ридикулит, коллитор, резетка, друшлаг;*

— в морфология: *мой мозоль, с повидлой, белое, на пляжу, шофера, без пальта, бежат, ляжъ, ложи;*

— в лексике: *подстамент вместо постамент, полуклиника вместо поликлиника.*

Жаргон — речь социальных и профессиональных групп людей, объединенных общностью занятий, интересов, социального положения и т.п. Для жаргона характерно наличие специфической лексики и фразеологии. В отличие от территориальных диалектов он не имеет свойственных только ему фонетических и грамматических особенностей. Существуют жаргоны музыкантов, актеров, студентов, спортсменов, охотников и др.

Иногда как синоним к слову *жаргон* используется слово *арго*. «В строго терминологическом смысле арго — это речь низов общества, деклассированных групп и уголовного мира: нищих, воров и мошенников, картежных шулеров и т.п. (ср. возникшие в этой среде арготизмы *блат, блатная музыка, феня*). Арго старых торговцев-ходебщиков (офеней-коробейщиков), ремесленников-отходников (Шаповалов, жестянщиков, портных, шорников, шерстобитов и др.) называют условными, или тайными, языками» [70, 36]:

Интересное описание некоторых условных (искусственных языков) находим у В.И. Даля:

Столичные, особенно питерские, мошенники, карманники и воры различного промысла, известные под именами мазуриков, изобрели свой язык, впрочем, весьма ограниченный и относящийся исключительно до воровства. Есть слова, общие с офенским языком: *клёвый* — хороший, *жулик* — нож, *лепень* — платок, *ширман* — карман, *проулитъ* — продать, но их немного, больше своих: *бутырь* — городской, *фараон* — будочник, *стрела* — казак, *канна* — кабан, *камышовка* — лом, *мальчишка* — долото. Этим языком, который называется у них *байковым*, или попросту *музыкой*, говорят также все торговцы Апраксина двора, как надо полагать, по связям своим и по роду ремесла. *Знать музыку* — знать язык этот; *ходить по музыке* — заниматься воровским ремеслом.

Затем В. И. Даль приводит разговор на таком «тайном» языке и дает его перевод:

— Что стырил? Срубил шмель да выначил с куржаную ло-

ханку. Стрема, каплюжник. А ты? Угнал скамейку да проначил на веснухи.

— Что украл? Вытащил кошелек да серебряную табакерку. Чу, полицейский. А ты? Украл лошадь да променял на часы.

Незнание различных форм национального языка, неумение перейти на ту форму, которую использует собеседник, создает речевой дискомфорт, затрудняет понимание говорящими друг друга. Так, Д. Лукин в статье «На каком языке они говорят?» пишет:

Захожу в один из многочисленных московских государственных...

Преподаватели, студенты — все такие важные... Одна студентка (лица не разобрать: только пудра, помада и тушь) говорит подруге:

— Я чисто, на первую пару забила. Лажа все это! Он опять пургу гнал...

Подхожу спрашиваю: нельзя ли по-русски? У девушки, к счастью, было хорошее настроение, и я не «отлетел» на сто метров, она меня не «отбрила», а «стрельнув пичку» у подруги, положила сигарету в сумку и ответила:

— А что, разве можно говорить нормально, живя в ненормальном обществе? <... > С родителями я нормально говорю», а то они уроются и не фига не въедут. (Лит. газ., 27.01.99).

В приведенном отрывке представлены жаргон и литературный язык. В романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» герои говорят на диалекте:

Григорий, посапывая, стянул с подвески будничные шаровары, вобрал их в белые шерстяные чулки и долго надевал чирик, выправляя подвернувшийся задник.

— А приваду маманя варила? — сипло спросил он, выходя за отцом в сенцы.

— Варила. Иди к баркасу, я зараз.

Старик ссыпал в кубышку распаренное пахучее жито, по-хозяйски смел на ладонь упавшие зерна и, припадая на левую ногу, захромал к спуску. Григорий, нахохлясь, сидел в баркасе.

— Куда править?

— К Черному яру. Спробуем возле этой карши, где надысь сидели.

Баркас, черканув кормюю землю, осел в воду, оторвался от берега. Стремя понесло его, покачивая, норовя повернуть боком. Григорий, не огребаясь, правил веслом.

— Не будет, батя, дела... месяц на ущербе.

— Серники захватил?

— Ага.

— Дай огню.

Старик закурил, поглядывая на солнце, застрявшее по ту сторону коряги.

Чтобы понять разговор Григория с отцом, надо знать: *чирик* — чувяк; *привада* — приманка для рыбы; *зараз* — сейчас, скоро; *жито* — зерна ржи; *кариша* — упавшее в воду дерево; коряга; *надысь* — недавно; *серники* — спички.

Понимая, что диалектные слова не всем носителям русского языка понятны, М.А. Шолохов, работая над текстом «Поднятой целины», некоторые из них заменял общеупотребительными словами:

1. Меня кубыть ветром несло.	1. Меня будто ветром несло.
2. Я отошал вовзят, не дойду.	2. Я отошал совсем, не дойду.
3. Глухо побрякивая привязанным к шее балабоном, бежал жеребенок.	3. Глухо побрякивая привязанным к шее колокольчиком, бежал жеребенок.
4. Теперь надо навалиться на волочбу. И чтобы обязательно волочить в три следа.	4. Теперь надо навалиться на боронование. И чтобы обязательно борошить в три следа.
5. Хозяин охаживал коня руками.	5. Хозяин гладил коня руками.

Известный юрист, автор статей по судебному красноречию А.Ф. Кони (1844—1927) рассказывал случай, когда судья угрожал ответственностью за лжеприсягу свидетелю, который на вопрос, какая была погода в день кражи, упорно отвечал: «Ни какой погоды не было».

Слово *погода* в литературном языке имеет значение «состояние атмосферы в данном месте в данное время» и не указывает на характер погоды, хорошая она или плохая. Именно так и воспринимали это слово судьи. Однако по свидетельству В.И. Даля, в южных и западных диалектах *погода* означает «Хорошее, ясное, сухое время, ведро», а в северных и восточных — «ненастье, дождь, снег, буря». Поэтому свидетель, зная только одно из диалектных значений, упорно отвечал, что «ни какой погоды не было».

А.Ф. Кони, давая советы служителям правосудия по ора-

торскому искусству, указывал, что они должны знать местные слова и выражения для того, чтобы избежать ошибок в своей речи, чтобы понимать речь местного населения, чтобы не создавать подобных ситуаций.

Высшей формой национального русского языка является литературный язык. Он обслуживает различные сферы человеческой деятельности:

- политику;
- культуру;
- делопроизводство;
- законодательство;
- **словесное искусство**;
- бытовое общение;
- межнациональное общение.

Литературный язык имеет две формы — устную и письменную. Их названия свидетельствуют о том, что первая — звучащая речь, а вторая — графически **оформленная**. Это их основное различие. Устная форма изначальна. Для появления письменной формы необходимо было создать графические знаки, которые бы передавали элементы звучащей речи. Для языков, не имеющих письменности, устная форма — единственная форма их существования.

Письменная речь обычно обращена к отсутствующему человеку. Пишущий не видит своего читателя, он может только мысленно представить **его** себе. На письменную речь не влияет реакция тех, кто ее читает. Напротив, устная речь предполагает наличие собеседника, слушателя. Говорящий и слушающий не только слышат, но и видят друг друга. Поэтому устная речь нередко зависит от того, как ее воспринимают. Реакция одобрения или неодобрения, реплики слушателей, их улыбки и смех — все это может повлиять на характер речи, изменить ее в зависимости от этой реакции, а то и прекратить.

Говорящий создает, творит свою речь сразу. Он одновременно работает над содержанием и формой. Пишущий имеет возможность совершенствовать написанный текст, возвращаться к нему, исправлять.

Таким образом, письменная и устная формы литературного языка различаются по трем параметрам:

Параметры	Письменная форма	Устная форма
1. Форма реализации	графически закреплённая; подчиняется нормам: орфографическим, пунктуационным	звучащая; подчиняется нормам: орфоэпическим, интонационным
2. Отношение к адресату	опосредованное; отсутствие адресата не оказывает влияния	непосредственное; присутствие адресата оказывает влияние
3. Порождение формы	возможны обработка, редактирование	создается спонтанно

2.3. Условия функционирования книжной и разговорной речи, их особенности

При реализации каждой из форм литературного языка пишущий или говорящий отбирает для **выражения** своих мыслей слова, сочетания слов, составляет предложения. В зависимости от того, из какого материала строится речь, она приобретает **книжный** или **разговорный** характер. Сравним для примера пословицы: *Желание сильнее принуждения* и *Охота пуще неволи*. Мысль одна и та же, но оформлена по-разному. В первом случае использованы отглагольные существительные на *-ние* (*желание, принуждение*), придающие речи книжный характер. Во втором — **слова** *охота, пуще*, придающие оттенок разговорности. Нетрудно предположить, что в научной статье, дипломатическом диалоге будет использована первая пословица, а в непринужденной беседе — вторая. Следовательно, сфера общения обуславливает отбор языкового материала, а он в свою очередь формирует и определяет тип речи.

Книжная речь обслуживает политическую, законодательную, научную сферы общения (конгрессы, симпозиумы, конференции, заседания, совещания), а разговорная речь используется на полуофициальных заседаниях, совещаниях, на неофициальных или полуофициальных юбилеях, торжествах, дружеских застольях, встречах, при доверительных беседах начальника с подчиненными, в обиходно-бытовой, семейной обстановке.

Книжная речь строится по нормам литературного языка, их нарушение недопустимо; предложения должны быть закончены, логически связаны друг с другом. В книжной речи не допускаются резкие переходы от одной мысли, которая не доведена до логического конца, к другой. Среди слов встречаются отвлеченные, книжные слова, в том числе научная терминология, официально-деловая лексика.

Разговорная речь не столь строга в соблюдении норм литературного языка. В ней разрешается использовать формы, которые квалифицируются в словарях как разговорные. В тексте такой речи преобладает общеупотребительная лексика, разговорная; отдается предпочтение простым предложениям, избегаются причастные и деепричастные обороты.

Лингвисты, изучающие книжную и разговорную речь, определили следующие различия между ними:

Для книжной речи характерны:	Для разговорной речи характерны:
конструкции с союзом <i>без</i> — «без такого журнала», «без такого понимания»	такие конструкции используются в три раза реже; заменяются конструкциями «если не будет такого журнала», «если нет такого понимания»
конструкции «при соответствующих условиях»	практически отсутствуют
деепричастные обороты с условным значением: «борясь в одиночку, невозможно добиться цели»	практически отсутствуют
сложноподчиненные предложения с союзом <i>если</i>	в 1,5 раза больше
сложноподчиненные предложения с союзами <i>оттого что, поскольку, ибо</i>	не используются
конструкции <i>по требованию, по предложению, в связи с</i>	в 2,5 раза меньше

согласованные определения и приложения с союзом <i>как</i> : «как редактор он ответил на вопросы корреспондентов»	не используются
конструкции со словами <i>вследствие, в результате, по причине...</i>	используются намного реже, заменяются придаточными
конструкции <i>не только..., но и...; как..., так и...; в то время как; если..., то.</i>	не используются
причастные обороты	заменяются придаточными
используются реже	риторические вопросы
используются реже	лексические, синтаксические повторы

Книжная и разговорная речь имеют письменную и устную формы.

Например, ученый-геолог пишет статью для специального журнала о залежах минералов в Сибири. Он использует книжную речь в письменной форме. С докладом на эту тему ученый выступает на международной конференции. Его речь книжная, но форма устная. После конференции он пишет о своих впечатлениях письмо коллеге по работе. Текст письма — разговорная речь, письменная форма. Дома, в кругу семьи геолог рассказывает, как он выступил на конференции, с кем из старых друзей встретился, о чем говорили, какие подарки привез. Его речь — разговорная, ее форма — устная.

2.4. Функциональные стили литературного языка

Наша речь в официальной обстановке (выступление на научной конференции, на деловом совещании, на встрече парламентариев, чтение лекции, урок в школе) отличается от той, которая используется в неофициальной обстановке (разговор за праздничным столом, дружеская беседа, диалог за обедом, ужином дома).

В зависимости от целей и задач, которые ставятся и решаются в процессе общения, происходит отбор различных языковых средств. В результате создаются разновидности единого литературного языка, называемые функциональными стилями.

Термин *функциональный стиль* подчеркивает, что разновидности литературного языка выделяются на основе той функции (роли), которую выполняет язык в каждом конкретном случае.

Обычно различают следующие функциональные стили: 1) научный, 2) официально-деловой, 3) публицистический; 4) разговорно-обиходный.

Стили литературного языка прежде всего сопоставляются на основе анализа их лексического состава, так как именно в лексике заметнее всего проявляется различие между ними.

Закрепленность слов за определенным стилем речи объясняется тем, что в лексическое значение многих слов, помимо предметно-логического содержания, входит и эмоционально-стилистическая окраска. Сравните: *мать, мама, мамочка, мамуля, ма; отец, папа, папочка, папуля, па*. Слова каждого ряда имеют одно и то же значение, но различаются стилистически, поэтому используются в разных стилях. *Мать, отец* преимущественно употребляются в официально-деловом стиле, остальные слова — в разговорно-обиходном.

Если сопоставить синонимические слова: *обличье — облик, нехватка — дефицит, напасть — злоключение, потеха — развлечение, переделка — преобразование, вояка — воин, глазник — окулист, врун — лжец, большущий — гигантский, растрянжирить — расточить, плакаться — сетовать*, то нетрудно заметить, что эти синонимы тоже отличаются друг от друга не по

смыслу, а своей стилистической окраской. Первые слова каждой пары употребляются в разговорно-обиходной, а вторые — в научно-популярной, публицистической, официально-деловой речи,

Помимо понятия и стилистической окраски, слово способно выражать чувства, а также оценку различных явлений реальной действительности. Выделяются две группы эмоционально-экспрессивной лексики: слова с положительной и отрицательной оценкой. Сравните: *отличный, прекрасный, превосходный, чудесный, изумительный, роскошный, великолепный* (положительная оценка) и *скверный, гадкий, отвратительный, безобразный, наглый, нахальный, противный* (отрицательная оценка). Приведем слова с разной оценкой, которые характеризуют человека: *умница, герой, богатырь, орел, лев я глупец, пигмей, осел, корова, ворона*.

В зависимости от того, какая эмоционально-экспрессивная оценка выражается в слове, оно употребляется в различных стилях речи. Эмоционально-экспрессивная лексика наиболее полно представлена в разговорно-обиходной речи, которая отличается живостью и меткостью изложения. Характерны экспрессивно окрашенные слова и для публицистического стиля. Однако в научном, техническом и официально-деловом стилях речи эмоционально окрашенные слова, как правило, неуместны.

В обиходно-бытовом диалоге, характерном для устной речи, употребляется преимущественно разговорная лексика. Она не нарушает общепринятых норм литературной речи, однако ей свойственна известная свобода. Например, если вместо выражений *промокательная бумага, читальный зал, сушильный аппарат* употребить слова *промокашка, читалка, сушилка*, то, вполне допустимые в разговорной речи, они неуместны при официальном, деловом общении.

Помимо слов, составляющих специфику разговорного стиля во всем объеме их значения и не встречающихся в других стилях, например: *крохобор, буквоед, огорошить*, — имеются и такие слова, которые являются разговорными только в одном из переносных значений. Так, слово *развинченный* (причастие от глагола *развинтить*) в основном значении восприни-

мается как стилистически нейтральное, а в смысле «утративший способность сдерживаться» — как разговорное.

Слова разговорного стиля отличаются большой смысловой емкостью и красочностью, придают речи живость и экспрессивность.

Разговорные слова противопоставляются книжной лексике. К ней относятся слова научного, технического, газетно-публицистического и официально-делового стилей, представленных обычно в письменной форме. Лексическое значение книжных слов, их грамматическая оформленность и произношение подчиняются установившимся нормам литературного языка, отклонение от которых недопустимо.

Сфера распространения книжных слов неодинакова. Наряду со словами, общими для научного, технического, газетно-публицистического и официально-делового стилей, в книжной лексике есть и такие, которые закреплены только за каким-нибудь одним стилем и составляют их специфику. Например, терминологическая лексика употребляется главным образом в научном и техническом стилях. Ее назначение состоит в том, чтобы дать точное и ясное представление о научных понятиях (например, технические термины — *биметалл, центрифуга, стабилизатор*; медицинские термины — *рентген, ангина, диабет*; лингвистические термины — *морфема, аффикс, флексия* и др.).

Для публицистического стиля характерны отвлеченные слова с общественно-политическим значением (*гуманность, прогресс, народность, гласность, миролюбивый*).

В деловом стиле — официальной переписке, правительственных актах, речах — употребляется лексика, отражающая официально-деловые отношения (*пленум, сессия, решение, постановление, резолюция*). Особую группу в составе официально-деловой лексики образуют канцеляризмы: *заслушать* (доклад), *зачитать* (решение), *препровождать, входящий* (номер).

В отличие от разговорно-бытовой лексики, для которой характерна конкретность значения, книжная лексика является преимущественно абстрактной. Термины книжная и разговорная лексика являются условными, так как они не обязательно связываются с представлением только об одной какой-либо

форме речи. Книжные слова, типичные для письменной речи, могут употребляться и в устной форме речи (научные доклады, публичные выступления и др.), а разговорные — в письменной (в дневниках, бытовой переписке и т. д.).

К разговорно-обиходной примыкает просторечная лексика, которая находится за пределами стилей литературного языка. Просторечные слова употребляются обычно в целях сниженной, грубоватой характеристики явлений и предметов реальной действительности. Например: *братва, обжора, барахло, брехня, мразь, глотка, плюгавый, бузить* и др. В официально-деловом общении эти слова недопустимы, а в обиходно-разговорной речи их следует избегать.

Однако не все слова распределяются между различными стилями речи. В русском языке имеется большая группа слов, употребляемых во всех стилях без исключения и характерных как для устной, так и для письменной речи. Такие слова образуют фон, на котором выделяется стилистически окрашенная лексика. Их называют стилистически нейтральными. Сопоставьте приведенные ниже нейтральные слова с их стилистическими синонимами, относящимися к разговорной и книжной лексике:

Разговорная лексика	Стилистически нейтральная лексика	Книжная лексика
брести	идти	шестьствовать
уйма	много	множество
морда	лицо	лик
гляделки	глаза	очи

Если говорящие затрудняются определить, можно ли данное слово употребить в том или ином стиле речи, то они должны обратиться к словарям и справочникам. В толковых словарях русского языка даются пометы, указывающие на стилистическую характеристику слова: «книж.» — книжное, «разг.» — разговорное, «офиц.» — официальное, «спец.» — специальное,

«прост.» — просторечное и др. Например, в «Словаре русского языка» АН СССР с такими пометами даются слова:

автократ (книж.) — лицо с неограниченной верховной властью, самодержец;

баловник (разг.) — шалун, проказник;

исходящий (офиц.-дел.) — документ, бумага, отправляемые из учреждения;

замерить (спец.) — произвести измерение чего-л.;

балаганщина (прост.) — грубое, пошлое шутовство.

Чтобы нагляднее представить особенности каждого функционального стиля литературного языка, приведем примеры текстов, относящихся к разным стилям.

1. Научный стиль

Педагогика — совокупность теоретических и прикладных наук, изучающих воспитание, образование и обучение. Педагогикой называется также учебный курс, который преподается в педагогических институтах и других учебных заведениях по профилированным программам. Педагогика включает проблемы учебно-воспитательной, культурно-просветительной, агитационно-пропагандистской работы со взрослыми...

Воспитание изучают и другие науки: социология рассматривает воспитание как функцию общества и государства; психология — как условие духовного развития личности. Педагогика исследует закономерности процесса воспитания, его структуру и механизмы, разрабатывает теорию и методику организации учебно-воспитательного процесса, его содержание, принципы, организационные формы, методы и приемы (Педагогическая энциклопедия: В 4 т. Т. 3. М., 1966. С. 282).

Для данного текста характерна научная терминология: *педагогика, воспитание, образование, обучение, учебно-воспитательная работа, общество, государство, социология, психология* и др. Преобладает абстрактная лексика: *теория, проблемы, функция, развитие, процесс, структура, механизмы, методика, содержание, принципы, формы, методы, приемы*. Слова употребляются в прямом, номинативном значении, образные средства языка, эмоциональность отсутствуют. Пред-

ложения носят повествовательный характер, преимущественно имеют **прямой** порядок слов.

2. Официально-деловой стиль

С благодарностью подтверждаем получение Вашего письма с приложенными каталогами и сообщаем, что этот информационный материал мы направили на рассмотрение нашим заказчикам.

В случае проявления ими интереса к изделиям Вашей фирмы мы Вам сообщим об этом дополнительно (Официальное письмо-подтверждение).

Особенность этого текста — сжатое, компактное изложение, экономное использование языковых средств. Используются характерные для данного стиля клише (с *благодарностью подтверждаем; сообщаем, что...; в случае проявления; сообщим дополнительно*), отглагольные существительные (*получение, рассмотрение, проявление*). Документ характеризуется «сухостью» изложения, отсутствием выразительных средств, употреблением слов в прямом значении.

3. Газетно-публицистический стиль

Но каким же образом уловить тайну личности поэта в его творениях? Что должно делать для этого при изучении произведений его?

Изучить поэта, значит не только ознакомиться, через усиленное и повторяемое чтение, с его произведениями, но и перечувствовать, пережить их. Всякий истинный поэт, на какой бы ступени художественного достоинства ни стоял, а тем более всякий великий поэт никогда и ничего не выдумывает, но облекает в живые формы общечеловеческое. И потому, в созданиях поэта, люди, восхищающиеся ими, всегда находят что-то давно знакомое им, что-то свое собственное, что они сами чувствовали или только смутно и неопределенно предощущали или о чем мыслили, но чему не могли дать ясного образа, чему не могли найти слово и что, следовательно, поэт умел только выразить. Чем выше поэт, то есть чем общечеловеческое содержание его поэзии, тем проще его создание, так что читатель удивляется, как ему самому не вошло в голову создать что-нибудь подобное: ведь это так просто и легко!

(Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина //Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1948. С. 376).

Характерными особенностями приведенного отрывка являются актуальность содержания, острота и яркость изложения, авторская страстность. Цель текста — оказать воздействие на разум и чувства читателя, слушателя. Используется весьма разнообразная лексика: термины литературы и искусства (*поэт, произведение, образ, поэзия, художественное достоинство*), общелитературные слова (*тайна, личность, творение, чтение*) Многие слова имеют окраску высокого стиля: *переувствовать, облекать, предощущать, восхищаться*. Активно применяются средства речевой выразительности, например, художественное определение (*истинный поэт, живые формы, ясный образ, общечеловечественное содержание*, предощущали *смутно и неопределенно*), инверсия (Что должно делать для этого при изучении *произведений его?*). В тексте преобладают развернутые стилистические конструкции, употребляются вопросительные и восклицательные предложения.

4. Разговорно-обиходный стиль

Петербург 13 августа, понедельник/73.

Милый мой голубчик Анечка, получил твое милое письмо, и очень мне грустно было читать, как детишки заплакали, когда я уехал. Милые голубчики! Скажи им сейчас же, что папа их помнит, целует и в Петербург зовет. Обнимаю и целую непрерывно и благословляю. Я, Аня, все нездоров: нервы очень раздражены, а в голове как туман, все точно кружится. Никогда еще даже после самых сильных припадков не бывало со мной такого состояния. Очень тяжело. <... > Точно сон и дремота и меня все разбудить не могут. Отдохнуть бы надо хоть недельки две от работы и заботы непрерывной — вот что (Достоевский Ф. М. Поли. собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Кн. 1. М., 1986. С. 289).

В тексте письма в основном используется нейтральная лексика, хотя есть и разговорные слова (*папа, хоть, надо*). Эмоциональный характер тексту придают слова с оценочными суффиксами (*голубчик, голубчики, Анечка, неделька*), глаголы, передающие состояние автора (*помнит, целует, благословля-*

ет), образные средства языка, например, сравнения (*в голове как туман, точно сон и дремота*), экспрессивное обращение (*милый мой голубчик Анечка, милые голубчики*). Для синтаксиса текста характерно использование различных типов предложений, свободного порядка слов. Есть предельно краткие предложения (*Очень тяжело*), встречаются даже незаконченные (...*вот что*).

Для чего же необходимо знать различные стили литературного языка и владеть ими? По этому поводу Л. В. Щерба писал:

Можно сказать — и многие лингвисты так и думают, — что все эти разновидности, в сущности, не нужны и что лучше было бы, если бы все писалось на некотором общем языке. <... > но в основном каждая разновидность вызывается к жизни функциональной целесообразностью [88, 118—119]

Каждый конкретный акт речевой деятельности требует совершенно определенных средств выражения. Говорящие должны следить за тем, чтобы слова, употребляемые ими, были по своим стилистическим свойствам однородны, чтобы не возникал стилевой разнобой, а использование стилистически окрашенных слов было оправдано целью высказывания.

Книжные, разговорные, просторечные слова, правильно введенные в ткань высказывания, придают речи особый колорит, повышают ее выразительность, экспрессивность. Однако далеко не все в достаточной степени обладают языковым чутьем, чувством меры в использовании стилистически окрашенной лексики. Например: «Но Славик не удивлялся этому. После того как он уехал из Красной Поляны и поступил учиться в техникум, он вообще перестал удивляться чудесам, происходившим вокруг него. Его сознание и все элементы восприятия мира как бы очутились в другой плоскости». Первые два предложения написаны в разговорном стиле, последнее — в книжном, что и создает **разностильность**.

Другой пример: «А когда вечером они разогревали загустевшее за день — аж ложка стоит — варево, небо блистало в окнах ясными слезами звезд». И в этом предложении поэтические слова *блистало, ясные слезы звезд* не гармонируют с просторечными и разговорно-бытовыми *аж, варево, ложка*.

Употребление разностилевой лексики, немотивированное использование разговорных и просторечных слов — довольно распространенная стилистическая ошибка.

Совершенно недопустимо употребление разговорной и просторечной лексики в текстах официально-делового стиля. Приведем примеры.

Судебный акт: «Хищения производились путем непосредственного изъятия *из кладовки* (надо: *кладовой*), продажи продуктов за наличный расчет и присвоения денег».

Деловое письмо: «Вам необходимо выделить сорок человек для погрузки *морковки и картошки* (надо: *моркови и картофеля*)».

Анкета: «Должность родителей, *мама* — врач, *папа* — инженер (надо: *мать, отец*)».

Адрес на конверте: «Ростовская обл., г. Каменск-Шахтинский, ул. Садовая, общежитие *девчат* (надо: *женское общежитие*)».

Не всегда уместным бывает употребление в разговорно-обиходной речи специфических слов из других стилей литературного языка. Например: «Я сегодня запрограммировала пойти к окулисту»; «В нашем зеленом массиве много грибов и ягод», «На семейное мероприятие прибыло много гостей»; «Надо заострить внимание детей на этом вопросе».

Следует иметь в виду, что функционально-стилистические границы современного литературного языка очень подвижны. Как подчеркивал В. В. Виноградов, «разные функциональные стили речи находятся в живом соотношении и взаимодействии». Функциональные стили не представляют собой замкнутой системы. Основная часть языкового материала — общезыковые, межстилевые средства. Поэтому очень важно знать и тонко чувствовать специфические особенности каждого функционального стиля, умело пользоваться языковыми средствами разных стилей в зависимости от ситуации общения и целей высказывания. Владение функциональными стилями является необходимым составным элементом культуры профессиональной речи дипломата, политика, преподавателя, журналиста, адвоката, руководителя предприятия.

Контрольные вопросы и задания

1. *В чем проявляется системность языка?*
2. *Назовите и охарактеризуйте формы существования языка.*
3. *Что такое «литературный язык»? Какие сферы человеческой деятельности он обслуживает?*
4. *Назовите основные признаки литературного языка.*
5. *Чем устная речь отличается от письменной?*
6. *В чем заключается различие между книжной и разговорной речью?*
7. *Что такое функциональные стили и чем обусловлено их наличие?*
8. *Подберите образцы текстов, написанных в разных стилях. Охарактеризуйте эти тексты.*

ГЛАВА 3

Культура речи

3.1. Характеристика понятия «культура речи»

С литературным языком тесно связано понятие культуры речи. Умение четко и ясно выразить свои мысли, говорить грамотно, умение не только привлечь внимание своей речью, но и воздействовать на слушателей, владение культурой речи — своеобразная характеристика профессиональной пригодности для людей самых различных профессий: дипломатов, юристов, политиков, преподавателей школ и вузов, работников радио и телевидения, менеджеров, журналистов.

Культурой речи важно владеть всем, кто по роду своей деятельности связан с людьми, организует и направляет их работу, ведет деловые переговоры, воспитывает, заботится о здоровье, оказывает людям различные услуги.

Что такое культура речи?

«Под культурой речи понимается владение нормами литературного языка в его устной и письменной форме, при котором осуществляются выбор и организация языковых средств, позволяющих в определенной ситуации общения и при соблюдении этики общения обеспечить необходимый эффект в достижении поставленных задач коммуникации» [70, 204].

Культура речи содержит три составляющих компонента: нормативный, коммуникативный и этический.

Культура речи предполагает прежде всего **правильность** речи, т. е. соблюдение норм литературного языка, которые воспринимаются его носителями (говорящими и пишущими) в качестве «идеала», образца. Языковая норма — это цент-

ральное понятие речевой культуры, а нормативный аспект культуры речи считается одним из важнейших.

Однако культура речи не может быть сведена к перечню запретов и определений «правильно-неправильно». Понятие «культура речи» связано с закономерностями и особенностями функционирования языка, а также с речевой деятельностью во всем ее многообразии. Оно включает в себя и предоставляемую языковой системой возможность находить для выражения конкретного содержания в каждой реальной ситуации речевого общения новую языковую форму.

Культура речи вырабатывает навыки отбора и употребления языковых средств в процессе речевого общения, помогает сформировать сознательное отношение к их использованию в речевой практике в соответствии с коммуникативными задачами. Выбор необходимых для данной цели ЯЗЫКОВЫХ средств — основа **коммуникативного аспекта** культуры речи. Известный филолог, крупный специалист по культуре речи Г. О. Винокур писал: «Для каждой цели свои средства, таков должен быть ЛОЗУНГ лингвистически культурного общества».

Коммуникативная целесообразность считается одной из главных категорий теории культуры речи, поэтому важно знать основные коммуникативные качества речи и учитывать их в процессе речевого взаимодействия

В соответствии с требованиями коммуникативного аспекта культуры речи носители языка должны владеть функциональными разновидностями языка, а также ориентироваться на прагматические условия общения, которые существенно влияют на оптимальный для данного случая выбор и организацию речевых средств.

Этический аспект культуры речи предписывает знание и применение правил языкового поведения в конкретных ситуациях. Под этическими нормами общения понимается речевой этикет (речевые формулы приветствия, просьбы, вопроса, благодарности, поздравления и т.п.; обращение на «ты» и «вы»; выбор полного или сокращенного имени, формы обращения и др.).

На использование речевого этикета большое влияние оказывают экстралингвистические факторы: возраст участников речевого акта (целенаправленного речевого действия), их социальный статус, характер отношений между ними (официаль-

ный, неофициальный, дружеский, интимный), время и место речевого взаимодействия и т.д.

Этический компонент культуры речи накладывает строгий запрет на сквернословие в процессе общения, осуждает разговор на «повышенных тонах».

3.2. Нормативный аспект культуры речи

Понятие о языковой норме

Языковая норма (норма литературная) — это правила использования речевых средств в определенный период развития литературного языка, т. е. правила произношения, словоупотребления, использования традиционно сложившихся грамматических, стилистических и других языковых средств, принятых в общественно-языковой практике. Это единообразное, образцовое, общепризнанное употребление элементов языка (слов, словосочетаний, предложений).

Норма обязательна как для устной, так и для письменной речи и охватывает все стороны языка. Различают нормы:

орфоэпические
(произношение)

орфографические
(написание)

словообразовательные

лексические
морфологические
↑
(грамматические)

1
синтаксические

интонационные

пунктуационные

Характерные особенности нормы литературного языка:'

- *относительная устойчивость,*
- *распространенность,*
- *общеупотребительность,*
- *общеобязательность,*
- *соответствие употреблению, обычаю и возможностям языковой системы.*

Языковые нормы не выдумываются учеными. Они отражают закономерные процессы и явления, происходящие в языке, и поддерживаются речевой практикой. К основным источникам языковой нормы относятся произведения писателей-классиков и современных писателей, анализ языка средств массовой информации, общепринятое современное употребление, данные живого и анкетного опросов, научные исследования ученых-языковедов.

Нормы помогают литературному языку сохранять свою целостность и общепонятность. Они защищают литературный язык от потока диалектной речи, социальных и профессиональных арго, просторечия. Это позволяет литературному языку выполнять свою основную функцию — культурную.

Литературная норма зависит от условий, в которых осуществляется речь. Языковые средства, уместные в одной ситуации (бытовое общение), могут оказаться нелепыми в другой (официально-деловое общение). Норма не делит средства языка на хорошие и плохие, а указывает на их коммуникативную целесообразность.

Языковые нормы — явление историческое. Изменение литературных норм обусловлено постоянным развитием языка. То, что было нормой в прошлом столетии и даже 15—20 лет назад, сегодня может стать отклонением от нее. Например, в 30—40-е годы употреблялись слова *дипломник* и *дипломант* для выражения одного и того же понятия: «Студент, выполняющий дипломную работу». Слово *дипломник* было разговорным вариантом слова *дипломант*. В литературной норме 50—60-х гг. произошло разграничение в употреблении этих слов: прежнее разговорное *дипломник* теперь обозначает учащегося, студента в период защиты дипломной работы, получения диплома. Словом *дипломант* стали называть преимущественно победителей конкурсов, призеров смотров, состязаний, отмеченных дипломом (например, *дипломант Всесо-*

южного конкурса пианистов, дипломант Международного конкурса вокалистов).

Изменилась и норма употребления слова *абитуриент*. В 30—40-е годы *абитуриентами* называли и тех, кто оканчивал среднюю школу, и тех, кто поступал в вуз, так как оба эти понятия в большинстве случаев относятся к одному лицу. В послевоенные годы за оканчивающими среднюю школу закрепилось слово *выпускник*, а слово *абитуриент* в этом значении вышло из употребления. *Абитуриентами* стали называть тех, кто сдает вступительные экзамены в вузе и техникуме.

Интересна в этом отношении история слова *диалектический*. В XIX веке оно было образовано от существительного *диалект* и означало «принадлежащий к тому или иному диалекту». От философского термина *диалектика* также образовалось прилагательное *диалектический*. В языке появились омонимы: *диалектический* (*диалектическое слово*) и *диалектический* (*диалектический подход*). Постепенно слово *диалектический* в значении «принадлежащий к тому или иному диалекту» устарело, было заменено словом *диалектный*, а за словом *диалектический* закрепилось значение «свойственный диалектике; основанный на законах диалектики».

Со временем изменяется и произношение. Так, например, у А. С. Пушкина в его письмах встречаются слова одного корня, но с разным написанием: *банкротя банкротство*. Чем это объяснить? Можно подумать, что поэт описался или допустил ошибку. Нет. Слово *банкрот* было заимствовано в XVIII в. из голландского или французского языка и первоначально в русском языке звучало *банкрут*. Аналогичное произношение имели и производные: *банкрутство*, *банкрутский*, *обанкрутиться*. Во времена Пушкина появляется произносительный вариант с «о» вместо «у». Можно было говорить и писать *банкрут* и *банкрот*. К концу XIX в. окончательно победило произношение *банкрот*, *банкротство*, *банкротский*, *обанкрутиться*. Это стало нормой.

В одном из номеров «Литературной газеты» в статье о правильности речи был рассказан такой случай. На трибуну поднялся лектор и начал говорить так: «Некоторые плюют на нормы литературной речи. Нам, мол, все позволено, мы семьями так говорим, нас так и похоронят. Я вздрогнул, услышав такое, но не стал выступать против...»

Сперва аудитория недоумевала, затем послышался ропот

возмущения и, наконец, раздался смех. Лектор подождал, пока аудитория успокоится, и сказал: «Вы зря смеетесь. Я говорю самым лучшим литературным языком. Языком классиков...» И он стал приводить цитаты, в которых находились «неправильные» слова из его лекции, сопоставляя их с показаниями словарей той поры. Таким приемом выступающий продемонстрировал, как за 100 с лишним лет изменилась норма языка.

Изменяются не только лексические, орфографические, акцентологические, но и морфологические нормы. Возьмем для примера окончание именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода:

огород — огороды, сад — сады, стол — столы, забор — заборы, рог — рога, бок — бока, берег — берега, глаз — глаза.

Как видим, в именительном падеже множественного числа существительные имеют окончание *-ы* или *-а*. Наличие двух окончаний связано с историей склонения. Дело в том, что в древнерусском языке, помимо единственного и множественного, было еще двойственное число, которое употреблялось в том случае, когда речь шла о двух предметах: *стол* (один), *стола* (два), *столы* (несколько). С XIII века эта форма начинает разрушаться и постепенно устраняется. Однако следы ее обнаруживаются, во-первых, в окончании именительного падежа множественного числа существительных, обозначающих парные предметы: *рога, глаза, рукава, берега, бока*; во-вторых, форма родительного падежа единственного числа имен существительных при числительных два (*два стола, два дома, два забора*) исторически восходит к форме именительного падежа двойственного числа. Это подтверждается различием в ударении: *два часа* и *часа не прошло, в два ряда* и *вышел из ряда*.

После исчезновения двойственного числа наряду со старым окончанием *-ы* у существительных мужского рода в именительном падеже множественного числа появилось новое окончание *-а*, которое как более молодое стало распространяться и вытеснять окончание — *ы*.

Так, в современном русском языке *поезд* в именительном падеже множественного числа имеет окончание *-а*, в то время как в XIX веке нормой было *-ы*. «Поезды на железной дороге останавливаются по причине больших выпавших снегов на четверо суток», — писал Н. Г. Чернышевский в письме отцу 8 февраля 1855 г. Но не всегда окончание *-а* побеждает старое окон-

чание *-ы*. Например, слово *трактор* было заимствовано в XX веке из английского языка, в котором *traktor* — суффиксальное производное от латинского *traho, trahere* — «тянуть, тащить». В 3-м томе «Толкового словаря русского языка», вышедшем в 1940 г., как литературная форма признается только *тракторы*, а окончание на *-а (трактора)* считается просторечной. Через двадцать три года выходит 15-й том «Словаря современного русского литературного языка». В нем обе формы (*тракторы* и *трактора*) даются как равноправные, а еще через двадцать лет «Орфоэпический словарь русского языка» (1983 г.) окончание *-а* ставит на первое место как более распространенное. В других случаях форма именительного падежа множественного числа на *-а* так и остается за пределами литературного языка, квалифицируется как неправильная (*инженера*) или жаргонная (*шофера*).

Если старую, первоначальную норму обозначить буквой А, а конкурирующий вариант буквой Б, то соревнование между ними за место в литературном языке проходит в четыре этапа и графически выглядит так:

1 этап Норма — А	2 этап Варианты А—Б	3 этап Варианты Б—А	4 этап Норма — Б
д	→ д		→ Б
Б <i>непр.</i>	→ Б <i>доп., разг., и</i>	Х	
		<i>устар.</i>	

На первом этапе господствует единственная форма А, ее вариант Б находится за пределом литературного языка и считается неправильным. На втором этапе вариант Б уже проникает в литературный язык, считается допустимым (помета *доп.*) и в зависимости от степени его распространения квалифицируется как разговорный (помета *разг.*) по отношению к норме А или равноправный с ней (помета *И*). На третьем этапе старшая норма А теряет свою главенствующую роль, окончательно уступает место младшей норме Б и переходит в разряд устаревших норм. На четвертом этапе Б становится единственной нормой литературного языка.

Источники изменения норм литературного языка различ-

ны: живая, разговорная речь; местные говоры; просторечие; профессиональные жаргоны; другие языки.

Изменению норм предшествует появление их вариантов, которые реально существуют в языке на определенном этапе его развития, активно используются его носителями. Варианты норм отражаются в словарях современного литературного языка.

Например, в «Словаре современного русского литературного языка» как равноправные фиксируются акцентные варианты таких слов, как *нормировать* и *нормировать*, *маркировать* и *маркировать*, *мышление* и *мышление*. Некоторые варианты слов даются с соответствующими пометами: *творог* и (разг.) *тво-рог*, *договор* и (прост.) *договор*. Если же обратиться к «Орфоэпическому словарю русского языка» (М., 1983), то можно проследить за судьбой этих вариантов. Так, слова *нормировать* и *мышление* становятся предпочтительными, а *нормировать* и *мышление* имеют помету «доп.» (допустимо). Из вариантов *маркировать* и *маркировать* становится единственно правильным *маркировать*. В отношении *творог* и *творог* норма не изменилась. А вот вариант *дбговор* из просторечной формы перешел в разряд разговорной, имеет в словаре помету «доп.».

Сдвиги в нормировании наглядно прослеживаются на примере произношения сочетания *-чн*.

Представим это в таблице:

Слово	Толк. сл. рус. яз. 1935-1940	Орфоэпический словарь рус. яз. 1983
будничный	[шн]	[чн] и доп. [шн]
булочная	[шн]	[шн] и доп. [чн]
закусочная	[шн]	[чн]
игрушечный	[шн]	[чн]
нарочно	[шн]	[шн]
порядочно	[шн]	[шн] и [чн]
порядочный	[шн]	[шн] и [чн]
сливочный	[шн]	доп. устар. [шн]
яичница	[шн]	[шн]
яблочный	[шн]	доп. [шн]

Как видим, из 10 слов только в двух {нарочно, яичница}

сохраняется произношение [шн]; в одном случае {булочная} преимущество отдается произношению [шн], но допускается и Гчн], в двух — оба произношения считаются равноправными (см. *порядочно, порядочный*), в остальных пяти побеждает произношение [чн], при этом в двух словах {закусочная, игрушечный} оно считается единственно правильным, а в трех {будничный, сливочный, яблочный} допускается и произношение [шн].

Показатели различных нормативных словарей дают основание говорить о трех степенях нормативности:

норма 1 степени — строгая, жесткая, не допускающая вариантов;

норма 2 степени — нейтральная, допускает равнозначные варианты;

норма 3 степени — более подвижная, допускает использование разговорных, а также устаревших форм.

Историческая смена норм литературного языка — закономерное, объективное явление. Оно не зависит от воли и желания отдельных носителей языка. Развитие общества, изменение социального уклада жизни, возникновение новых традиций, совершенствование взаимоотношений между людьми, функционирование литературы, искусства приводят к постоянному обновлению литературного языка и его норм.

По свидетельству ученых, процесс изменения языковых норм особенно активизировался в последние десятилетия.

Характеристика основных норм литературного языка

Грамматические нормы — это правила использования морфологических форм разных частей речи и синтаксических конструкций.

Наиболее часты грамматические ошибки, связанные с употреблением рода имен существительных. Можно услышать неправильные словосочетания: *железнодорожная рельса, французская шампунь, большой мозоль, заказной бандероль, лакированный тужель*.

Но ведь существительные *рельс, шампунь* — мужского рода, *мозоль, бандероль* — женского рода, поэтому следует говорить: *железнодорожный рельс, французский шампунь, большая мозоль, заказная бандероль*. Слово *тужель* в такой форме считается неправильным. Правильно говорить: *туфля*

с ударением на первом слоге: нет одной *туфли*; купила красивые *туфли*; зимних *туфель* много в магазине; рада новым *туфлям*.

Не всегда правильно используются в речи и глаголы, например, возвратные и невозвратные. Так, в предложениях «Дума должна определиться с датой проведения заседания», «Депутатам необходимо определиться по предложенному законопроекту» возвратный глагол *определиться* носит разговорный характер. В приведенных примерах глагол следует употреблять без *-ся*: «Дума должна определить дату проведения заседания», «Депутатам необходимо определить отношение к предложенному законопроекту». Разговорно-просторечный оттенок имеет глагол *определиться* в предложении типа: «Нам надо определиться», т. е. «Нам надо определить свое отношение к кому/чему-либо».

Нарушение грамматических норм нередко связано с употреблением в речи предлогов. Так, не всегда учитывается различие в смысловых и стилистических оттенках между синонимическими конструкциями с предлогами *из-за* и *благодаря*. Предлог *благодаря* сохраняет свое первоначальное лексическое значение, связанное с глаголом *благодарить*, поэтому он употребляется для указания причины, вызывающей желательный результат: *благодаря помощи товарищей, благодаря правильному лечению*. При резком противоречии между исходным лексическим значением предлога *благодаря* и указанием отрицательной причины употребление этого предлога нежелательно: *не пришел на работу благодаря болезни*. В данном случае правильнее сказать — *из-за болезни*.

Кроме того, предлоги *благодаря, вопреки, согласно, навстречу* по современным нормам литературного языка употребляются только с дательным падежом: «благодаря деятельности», «вопреки правилам», «согласно расписанию», «навстречу юбилею».

Лексические нормы, т. е. правила применения слов в речи, требуют особого внимания. М. Гурвич учил, что слово необходимо употреблять с точностью самой строгой. Слово должно использоваться в том значении (в прямом или переносном), которое оно имеет и которое зафиксировано в словарях русского языка. Нарушение лексических норм приводит к искажению смысла высказывания. Можно привести немало примеров не-

точного употребления отдельных слов. Так, наречие *где-то* имеет одно значение «в каком-то месте», «неизвестно где» (*где-то заиграла музыка*). Однако в последнее время это слово стали употреблять в значении «около, приблизительно, когда-то»: «Где-то в 70-х годах XIX века», «Занятия планировали провести где-то в июне», «План выполнен где-то на 102 %».

Речевым недочетом следует считать частое употребление слова *порядка* в значении «немногим больше», «немногим меньше». В русском языке для обозначения этого понятия имеются слова: *приблизительно, примерно*. Но некоторые вместо них используют слово *порядка*. Вот примеры из выступлений: «В школах города до революции училось порядка 800 человек, а теперь порядка 10 тысяч»; «Жилая площадь возведенных домов порядка 2,5 миллиона квадратных метров, а зеленое кольцо вокруг города порядка 20 тысяч гектаров»; «Ущерб, нанесенный городу, составляет порядка 300 тысяч рублей».

Слова *где-то, порядка* в значении «около», «приблизительно» часто встречаются и в разговорной речи:

- Сколько примеров подобрано по теме?
- Где-то порядка 150.
- Сколько печатных листов проверено?
- Порядка 3 печатных листов
- Какая погода ожидается?
- В ближайшее время погода будет порядка где-то около нуля градусов. (Запись устной речи).

Ошибкой является и неправильное употребление глагола *ложить* вместо *класть*. Глаголы *дожить* и *класть* имеют одно и то же значение, но *класть* — общеупотребительное литературное слово, а *ложить* — просторечное. Нелитературно звучат выражения: «Я ложу книгу на место», «Он ложит папку на стол» и т. д. В этих предложениях следует применить глагол *класть*: «Я кладу книги на место», «Он кладет папку на стол». Необходимо обратить внимание и на использование приставочных глаголов *положить, сложить, складывать*. Некоторые говорят «докладу на место», «слаживать числа», вместо правильного «положу на место», «складывать числа».

Нарушение лексических норм порой связано с тем, что говорящие путают слова, близкие по звучанию, но различные по значению. Например, не всегда правильно употребляются гла-

голы *предоставить* и *представить*. Иногда мы слышим неверные выражения типа: «Слово представляется Петрову», «Разрешите предоставить вам доктора Петрова». Глагол *предоставить* означает «дать возможность воспользоваться чем-либо» (*предоставить квартиру, отпуск, должность, кредит, заем, права, независимость, слово* и т. д.), а глагол *представить* имеет значение «передать, дать, предъявить что-либо, кому-либо» (*представить отчет, справку, факты, доказательства; представить к награде, к ордену, к званию, на соискание премии* и т. д.). Приведенные выше предложения с этими глаголами правильно звучат так: «Слово предоставляется Петрову», «Разрешите представить вам доктора Петрова».

Порой неверно употребляются существительные *сталагмит* и *сталактит*. Эти слова различаются значениями: *сталагмит* — конический известковый нарост на полу пещеры, галереи (конусом вверх); *сталактит* — конический известковый нарост на потолке или своде пещеры, галереи (конусом вниз).

Различны по своему значению слова: *колледж* (среднее или высшее учебное заведение в Англии, США) и *коллеж* (среднее учебное заведение во Франции, Бельгии, Швейцарии); *эффективный* (действенный, приводящий к нужным результатам) и *эффектный* (производящий сильное впечатление, эффект); *обидный* (причиняющий обиду, оскорбительный) и *обидчивый* (легко обижающийся, склонный видеть обиду, оскорбление там, где их нет).

Для уточнения лексических норм современного литературного языка рекомендуется использовать толковые словари русского языка, специальную справочную литературу.

Орфоэпические нормы — это произносительные нормы устной речи. Их изучает специальный раздел языкознания — орфоэпия (греч. *orthos* правильный и *eros* речь).

Один из крупнейших исследователей произносительных норм Р. И. Аванесов определяет орфоэпию как

совокупность правил устной речи, обеспечивающих единство ее звукового оформления в соответствии с нормами национального языка, исторически выработавшимися и закрепившимися в литературном языке [1, 75].

Соблюдение единообразия в произношении имеет важное значение. Орфоэпические ошибки всегда мешают воспринимать

содержание речи: внимание слушающего отвлекается различными неправильностями произношения, и высказывание во всей полноте и с достаточным вниманием не воспринимается. Произношение, соответствующее орфоэпическим нормам, облегчает и ускоряет процесс общения. Поэтому социальная роль правильного произношения очень велика, особенно в настоящее время в нашем обществе, где устная речь стала средством самого широкого общения на различных собраниях, конференциях, съездах.

Каковы же правила литературного произношения, которых надо придерживаться, чтобы не выйти за рамки общепринятого, а следовательно, и общепонятного русского литературного языка?

Перечислим только те, которые чаще всего нарушаются.

Произношение согласных

Основные законы произношения согласных — оглушение и уподобление.

В русской речи происходит обязательное оглушение звонких согласных в конце слова. Мы произносим хле[п] - *хлеб*, са[т] — *сад*, смо[к] — *смог*, любо[ф'] — *любовь* и т. д. Это оглушение является одним из характерных признаков русской литературной речи. Нужно учесть, что согласный [г] в конце слова всегда переходит в парный ему глухой звук [к]: лё[к] — *лёг*, поро[к] — *порог* и т. д. Произнесение в этом случае звука [х] недопустимо как диалектное: лё[х], поро[х]. Исключение составляет слово *бог* — бо[х].

Живое произношение в его прошлом и современном состоянии находит отражение в поэтической речи, в стихах, где та или другая рифма говорит о произношении соответствующих звуков. Так, например, в стихах А. С. Пушкина об оглушении звонких согласных свидетельствует наличие таких рифм, как *клад — брат, раб — арап, раз — чае*. Оглушение [г] в [к] подтверждается рифмами типа *Олег — век, снег — рек, друг — звук, друг — мук*.

В положении перед гласными, сонорными согласными и [в] звук [г] произносится как звонкий взрывной согласный. Только в нескольких словах, старославянских по происхождению — бо[γ]а, [γ]осподи, бла[γ]о, бо[γ]атый и производных от

них, звучит фрикативный заднеязычный согласный [у]. Причем в современном литературном произношении и в этих словах [у] выпесняется [г]. Наиболее устойчивым он является в слове [у]осподи.

[Г] произносится как [х] в сочетаниях *гк* и *гч*: лё[хк']ий — *легкий*, ле[хк]о — *легко*.

В сочетаниях звонкого и глухого согласных (так же, как и глухого и звонкого) первый из них уподобляется второму.

Если первый из них звонкий, а второй — глухой, происходит оглушение первого звука: ло[ш]ка — *ложка*, про[п]ка — *пробка*. Если первый — глухой, а второй — звонкий, происходит озвончение первого звука: [з]доба — *сдоба*, [з]губить — *сгубить*.

Перед согласными [л], [м], [н], [р], не имеющими парных глухих, и перед [в] уподобления не происходит. Слова произносятся так, как пишутся: све[гл]о, [шв]ырять.

Уподобление происходит и при сочетании согласных. Например: сочетания *ни* и *зи* произносятся как долгий твердый согласный [ш̄]: ни[ш̄]ий — *низший*, вы[ш̄]ий — *высший*, ра[ш̄]уметься — *расшуметься*.

Сочетание *сж* и *жс* произносятся как двойной твердый [ж]: ра[ж̄]ать — *разжать*, [ж]изнью — *с жизнью*, *сжарить* — [ж̄]арить.

Сочетания *жз* и *жж* внутри корня произносятся как долгий мягкий звук [ж']. В настоящее время вместо долгого мягкого [ж'] все шире употребляется долгий твердый звук [ж̄]: по[ж]и и по[ж]е — *позже*, дро[ж̄']и и дро[ж]и — *дрожжи*.

Сочетание *сч* произносится как долгий мягкий звук [ш̄'], так же, как звук, передаваемый на письме буквой *щ*: [ш̄']ась — *счастье*, [ш̄']ет — *счет*.

Сочетание *зч* (на стыке корня и суффикса) произносится как долгий мягкий звук [ш']: прика[ш']ик — *приказчик*, обра[ш']ик — *образчик*.

Сочетания *тч* и *дч* произносятся как долгий звук [ч']: докла[ч']ик — *докладчик*, ле[ч']ик — *летчик*.

Сочетания *тц* и *дц* произносятся как долгий звук [ц̄]: два[ц̄]ать — *двадцать*, золо[ц̄]е — *золотце*.

В сочетаниях *стн*, *здн*, *стл* согласные звуки [т] и [д] выпад-

дают: преле[сн]ый — *прелестный*, по[зн]о — *поздно*, че[сн]-ый — *честный*, уча[сл]ивый — *участливый*.

Сочетания *дс* и *тс* на стыке корня и суффикса произносятся как [ц]: горо[н]кой — *городской*, све[ц]кий — *светский*. Сочетание *тс* на стыке окончания 3 лица глаголов с частицей *-ся* произносится как долгий [ц]: катя[цъ] — *катятся*, бере[цъ] — *берется*. Так же произносится группа *-ться* (на стыке окончания неопределенного наклонения и частицы *-ся*): учи[цъ] — *учиться*.

Следует обратить внимание на сочетание *чн*, так как при его произношении нередко допускаются ошибки. В произношении слов с этим сочетанием наблюдается колебание, что связано с изменением правил старого московского произношения.

По нормам современного русского литературного языка сочетание *чн* обычно так и произносится [чн], особенно это относится к словам книжного происхождения (*алчный, беспечный*), а также к словам, появившимся в недавнем прошлом (*маскировочный, посадочный*).

Произношение [шн] вместо орфографического *чн* в настоящее время требуется в женских отчествах на *-ична*. Ильини [шн]а, Лукини[шн]а, Никити[шн]а, Савви[шн]а, Фомини[шн]а, — и сохраняется в отдельных словах: горчи[шн]ый, коне[шн]о, пере[шн]ица, праче[шн]ая, пуся[шн]ый, скворе[шн]-ик, яи[шн]ица.

Некоторые слова с сочетанием *чн* в соответствии с современными нормами литературного языка произносятся двойко: було[шн]ая и було[чн]ая, копее[шн]ый и копее[чн]ый, моло[шн]ый и моло[чн]ый, порядо[шн]ый и порядо[чн]ый, сливо[шн]ый и сливо[чн]ый.

В отдельных случаях различное произношение сочетания *чн* служит для смысловой дифференциации слов: сердце[чн]ый удар — сердце[шн]ый друг.

Произношение заимствованных слов

Заимствованные слова, как правило, подчиняются орфоэпическим нормам современного русского литературного языка и только в некоторых случаях отличаются особенностями в произношении. Наиболее существенное из них — сохранение в

произношении звука [o] в безударных слогах и твердых согласных перед гласным переднего ряда [e].

В безударном положении звук [o] сохраняется, например, в таких словах, как м[o]дель, м[o]дёрн, [o]азис, б[o]а, [o]тель, ф[o]нема, м[o]дёрнизм и в иностранных собственных именах: Фл[o]бер, В[o]льтер, Т[o]льятти, Ш[o]пен, М[o]пассан. Такое же произношение [o] наблюдается и в заударных слогах: ка-ка[o], ради [o]. Однако большинство заимствованной лексики, представляющее собой слова, прочно усвоенные русским литературным языком, подчиняется общим правилам произношения [o] и [a] в безударных слогах: б[a]кал, к[ǎ]стюм, к[a]нсервы, б[a]ксер, р[a]ль, пр[a]гресс, к[ъ]бинет, ф[ъ]рмулировать и др.

В большинстве заимствованных слов перед [e] согласные смягчаются: ка[т']ет, па[т']ефон, факульт[г']ет, [т']еория, [д']емон, [д']еспот, [н']ервы, пио[н']ер, [с']екция, [с']ерия, му[з']ей, га[з']ета, [р']ента, [р']ектор.

Всегда перед [e] смягчаются заднеязычные согласные: па[к']ет, [к'е]гли, [к'е]кс, ба[г'е]т, [г'е]рцог, с[х'е]ма. Звук [л] также обычно произносится в этом положении мягко: [л'е]ди, мо[л'е]кула, ба[л'е]т и т. п.

Однако в ряде слов иноязычного происхождения твердость согласных перед [e] сохраняется: ш[тэ]псель, о[тэ]ль, с[тэ]нд, ко[дэ]кс, мо[дэ]ль, ка[рэ], [дэ]миург, [дэ]мпинг, каш[нэ], э[нэ]ргия, [дэ]марш, мор[зэ], к[рэ]до и др. Причем обычно в заимствованных словах сохраняют твердость перед [e] зубные согласные [т], [д], [с], [з], [н], [р].

Описание орфоэпических норм можно найти в литературе по культуре речи, в специальных лингвистических исследованиях, например, в книге Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение», а также в толковых словарях русского литературного языка.

Особенности русского ударения

Снижает культуру устной речи не только неправильное произношение, но и неправильное ударение в словах.

Особенности и функции ударения изучает отдел языкознания, который называется акцентологией (от лат. *accentus* ударение).

Ударение в русском языке свободное, что отличает его от некоторых других языков, в которых ударение закреплено за каким-то определенным слогом. Например, в эстонском, латышском, чешском, финском ударным всегда бывает первый слог, в польском, грузинском — предпоследний, в армянском, французском — последний. В русском языке ударение может падать на любой слог, поэтому его называют **разноместным**. Сопоставим ударения в словах: *компас, добыча, документ, медикамент*. В этих словах ударение соответственно падает на первый, второй, третий, четвертый слоги. Разноместность его, как отмечает Р. И. Аванесов, делает ударение в русском языке индивидуальным признаком каждого отдельно взятого слова.

Кроме того, ударение в русском языке бывает подвижным и неподвижным. Если в различных формах слова ударение падает на одну и ту же часть, то такое ударение является неподвижным {берегу, береж^ешь, береж^ет, береж^ем, береж^ете, берегут — ударение закреплено за окончанием). Ударение, меняющее свое место в разных формах одного и того же слова, называется подвижным {прав, правы, права; могу, можешь, могут).

Большая часть слов русского языка имеет неподвижное ударение: *д^елать, делаю, д^елала, сд^елал. отд^елка, перед^елка* и т. п.

В публичных выступлениях, деловом общении, обиходной речи довольно часто наблюдается отклонение от норм литературного языка. Неверное ударение мешает восприятию смысла. Например, нередко нарушается норма ударения в таких словах, как *валовой, договорённость, начал, начала, понял, поняла, принял, принять, призыв, созыв*.

Затруднение вызывает постановка ударения в именительном падеже множественного числа существительных *договоры (договор), лекторы (лектор), инструкторы (инструктор), шофёры (шофёр), инспектора (инсп^ектор)*.

Некоторые ошибаются, считая, что надо говорить *ср^едства производства, но денежные средства, прошли три квартала, но третий квартал этого года*. Слова *средства* и *квартал* независимо от значения имеют только одно ударение.

Ошибки в ударении могут привести к искажению смысла высказывания. Например, в одной из телепередач демонстрировались произведения испанских художников. Показали кар-

тину, на которой был изображен берег реки, дерево с богатой кроной, сквозь листья которой просматривалось голубое небо и зелень других растений. Под деревом сидел монах. Ведущий передачу сказал: «Эта картина называется «Отшельник в пустыне». Каждый, кто смотрел передачу, вероятно, удивился и подумал: какая же это пустыня? Все дело в том, что на картине изображена не пустыня, а уединенное, безлюдное место, где живет отшельник, которое называется *пустынь* или *пустыня*. Неправильно произнесенное слово создало впечатление о несоответствии названия картины ее содержанию.

Существуют сложности с ударением в самых простых словах из-за того, что многие не знают точно их принадлежности к той или иной части речи. Так, например, прилагательное *развитой* пишется с окончанием *-ой*, которое и принимает на себя ударение. Это слово имеет несколько значений и употребляется в разных словосочетаниях. Так, в примерах *развитая промышленность*, *развитое сельское хозяйство* его значение — «достигший высокой степени развития», а в *сочетаниях развитой юноша*, *развитой человек* — «духовно зрелый, просвещенный, культурный». Наряду с прилагательным в русском языке имеется причастие *развитый*, образованное от глагола *развить*, имеющее окончание *-ый*. Произносится оно с ударением на первом слоге (*развитый*) или на втором (*развитый*). Например: *развитая нами деятельность*, *развитый лектором вопрос* и *развитая веревка*, *развитый локон*. Как видим, ударение 'зависит от того, прилагательное это или причастие.

В русском алфавите есть буква ё. Она считается факультативной, т. е. необязательной. Эта буква обозначает ударный звук [о] после мягкого согласного или шипящего: *сестры* [с'б]стры, *весла* [в'б]сла, *шёлк* [шо]лк. Приказом Народного комиссара просвещения от 24 декабря 1942 г. было введено обязательное употребление буквы ё в школьной практике. В 1945 г. издается словарь под названием «Употребление буквы ё». Печатаение буквы е вместо ё в художественной литературе, официальных бумагах, газетах привело к тому, что во многих словах стали произносить на месте [о] [э], не *жёлчь* [жо]лчь, *жёлчный* [жо]лчный, а *желчь* [жэ]лчь, *желчный* [жэ]лчный, не *акusher* аку[шор], а *акusher* аку[шёр]. Необязательное написание буквы ё привело к переносу ударения в некоторых словах и неправильному их произношению: *завороженный*, *недооценен-*

ный, непревзойденный вместо правильного **заворожённый, недооценённый, непревзойденный**.

Вариативность ударений

Однако все ли разночтения в ударениях следует безоговорочно считать ошибкой? Конечно, нет. Для ударения тоже существует понятие вариантности, означающее наличие в некоторых словах вариантов ударения, применяемых в разных ситуациях общения.

Чтобы не допустить ошибки в постановке ударения, следует знать не только норму, но и типы вариантов, а также условия, при которых может быть использован тот или иной из них. Для этого рекомендуется пользоваться специальными словарями и справочниками. Лучше всего прибегать к помощи «Орфоэпического словаря русского языка». В нем дается система нормативных помет (единая для оценки вариантов произносительных, акцентных и морфологических), которая выглядит следующим образом.

1. Равноправные варианты. Они соединяются союзом **и**: *волнам* и *волнам*; *искристый* и *искристый*; *автаркия* и *автаркия*; *баржá* и *баржа*; *бижутерия* и *бижутерия*; *лосось* и *лосось*. С точки зрения правильности эти варианты одинаковы.

2. Варианты нормы, из которых один признается основным:

а) помета «допустимо» (доп.): *творог* и доп. *творог*; *отдал* и доп. *отдал*; *будней* и доп. *буден*; *кулинария* и доп. *кулинария*. Первый вариант является предпочтительным, второй оценивается как менее желательный, но все-таки находится в пределах правильного. Чаще всего используется в разговорной речи;

б) помета «допустимо устаревшее» (доп. устар.): *индустрия* и доп. устар. *индустрия*, *собрался* и доп. устар. *собрался*; *ханжество* и доп. устар. *ханжество*.

Помета указывает, что оцениваемый ею вариант постепенно утрачивается, а в прошлом он был основным.

Словарь включает в себя также варианты, находящиеся за пределами литературной нормы. Для указания этих вариантов вводятся так называемые запретительные пометы:

1) «не рекомендуется» (не рек.) — *алфавит!* не рек. —

алфавит; баловать] не рек. *баловать*; *подростковый*] не рек. *подростковый*; *договорный*] не рек. *договорной*.

Эта помета может иметь дополнительную характеристику «устаревающее» (не рек. устар.).

Варианты, имеющие эту помету, содержат ударение, которое было правильным в прошлом. Сегодня они находятся за пределами нормы, например: *диалог*] не рек. устар. *диалог*; *остриё*] не рек. устар. *остриё*; *револьвер*] не рек. устар. *револьвер*, *украинцы*] не рек. устар. *украинцы*;

2) «неправильно» (неправ.) — *атлет*] **неправ.** *атлёт*; не **прав.** *атлет*; *кухонный*] **неправ.** *кухонный*; *договорённость*] не **прав.** *договоренность*; *добыча*] **неправ.** *добыча*;

3) «грубо неправильно» (грубо неправ.) — *документ*] грубо **неправ.** *документ*; *инженеры*] грубо **неправ.** *инженера*; *инструмент*] грубо **неправ.** *инструмент*; *ходатайство*] грубо **неправ.** *ходатайство*.

Всем, чья речь должна быть образцовой, не следует употреблять варианты, имеющие запретительные пометы.

Целый ряд вариантов ударения связан с профессионально-сферой употребления. Есть слова, специфическое ударение в которых традиционно принято только в узкопрофессиональной среде, в любой другой обстановке оно воспринимается как ошибка. Словарь фиксирует эти варианты. Например:

дубляж, -а | в *профессион. речи* дубляжа

искра | в *профессион. речи* искра

аммиак, -а | у *химиков* аммиака

эпилепсия | у *медиков* эпилепсия

шприц, -а, мн. -ы, -ев | у *медиков* ед. *шприца*, мн. — *ы*,

-*бв*

флэйтовый, -ая, -о | у *музыкантов* флейтовый

компас, -а, мн. -ы, -ов | у *моряков* компас.

Кроме «Орфоэпического словаря русского языка» ценным пособием является «Словарь ударений для работников радио и телевидения» (составители Ф. А. Агеенко, М. В. Завра, под ред. Д. Э. Розенталя). В нем приводятся слова и их формы, постановка ударений в которых может вызвать затруднение, даются трудные по произношению географические наименования, имена и фамилии политических деятелей, ученых, художников, писателей, артистов, названия газет, журналов, телеграфных агентств, музыкальных произведений.

Особенность данного словаря состоит в том, что он указывает единую произносительную норму, т. е. фиксирует только предпочтительный вариант.

Об ударении в словах можно справиться также в орфографических, толковых словарях русского языка, в различных словарях-справочниках, в пособиях по культуре речи.

Языковая норма — это не догма, претендующая на неукоснительное выполнение. В зависимости от целей и задач общения, от особенностей функционирования языковых средств в том или ином стиле, в связи с определенным стилистическим заданием возможно сознательное и мотивированное отступление от нормы. Здесь уместно вспомнить слова нашего замечательного лингвиста академика Л. В. Щербы:

Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда-то он начинает чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее (выделено нами. — *Авт.*) (Русская речь. 1967. №1. С. 10).

Любые отклонения от нормы должны быть ситуативно и стилистически оправданы, отражать реально существующие в языке варианты формы (разговорную или профессиональную речь, диалектные отклонения и т. п.), а не произвольное желание говорящего.

Контрольные вопросы и задания

- 1. Что такое «культура речи» и каковы ее составляющие?*
- 2. Дайте определение понятия «норма литературного языка». Перечислите характерные особенности нормы.*
- 3. Расскажите о вариантах норм литературного языка.*
- 4. Охарактеризуйте грамматические, лексические, орфоэпические нормы литературного языка.*

3.3. Коммуникативные качества речи

Точность речи

Точность речи чаще всего связывают с точностью словоупотребления. Точность словоупотребления зависит от того, насколько говорящий знает предмет речи, насколько он эрудирован, умеет ли логически мыслить, знает ли законы русского языка, его правила.

Таким образом, точность речи определяется:

- знанием предмета,
- логикой мышления,
- умением выбирать нужные слова.

Рассмотрим несколько ситуаций.

1-я ситуация.

Студент, сдавая экзамен, оправдывается: «Я это знаю, только вот сказать не могу».

Как вам представляется, может ли такое быть? Некоторые скажут: «Да. Такое может быть. Однако отвечающему только кажется, что он знает. В действительности его сведения о предмете отрывочны, бессистемны, поверхностны. Вероятно, когда он читал научную литературу, учебники, слушал лекции, то не усвоил основ предмета, не осмыслил, в чем его специфика, каковы отличительные признаки. В таком случае в памяти остаются какие-то отрывочные сведения, смутное представление и создается впечатление, что ты знаешь, но только сказать не можешь».

Другие судят иначе: «Нет! Такого быть не может. Если человек разбирается в вопросе, хорошо изучил предмет, то он сможет и рассказать о нем». Действительно, чтобы речь была точной, необходимо постоянно расширять свой кругозор, глубоко вникать в суть вопроса, стараться понять во всех деталях то, чем занимаешься, что изучаешь или делаешь.

2-я ситуация.

Народный артист Аркадий Райкин создал на сцене пародийный образ Феде-пропагандиста, речь которого лишена элементарной логики:

«Новому начальнику двадцать четыре года, он сорок второ-

го года рождения, старому тоже двадцать четыре, но он тридцать шестого года рождения... В подшефном колхозе двое наших пожинали лучшие плоды: грузили навоз. Один инженер постригся в монахи и ходит в таком виде на работу... Людям нужно водить в музей и на примере первобытного человека показывать, как мы далеко оторвались... Перехожу к спорту».

Этот пример не нуждается в комментариях; нарушение логической связи очевидно.

Приведем пример из выступления профессионального лектора, который, обучая лекторскому мастерству, сказал:

«Требования, предъявляемые к речи лектора, кратко можно свести к следующему:

Безукоризненное знание грамматики русского языка.

Знание литературы об ораторском искусстве, о культуре речи.

Владение орфоэпическими нормами, т.е. четкое произношение каждого звука, каждого слова, каждой фразы, правильная постановка ударения, безукоризненное произношение звуков и прочее.

Умелое использование языковых изобразительных средств»

Подумайте, в чем здесь проявляется нарушение логичности? К чему/кому могут быть предъявлены требования, о которых говорит лектор? Только к самому лектору, а не к его речи, так как речь не может «безукоризненно знать грамматику», «знать литературу об ораторском искусстве» и т.д.

Нарушение логической последовательности, отсутствие логики в изложении приводит к неточности речи.

3-я ситуация. Разговор подруг:

— Займи мне двести рублей.

— Я не знаю, у кого.

— Тебя прошу мне занять!

— Я так и поняла, что ты меня просишь. Но скажи, у кого?

Почему ведущие диалог не понимают друг друга? Одна из них не владеет культурой речи, допускает ошибку. Следовало сказать: «Дай мне в долг» или «Дай займы», «Одолжи», поскольку глагол *занять* имеет значение «взять займы», а не «дать займы».

В данном случае неточность речи обусловлена неточностью словоупотребления.

Рассмотрим, в каких случаях нарушается точность речи в результате недостаточного знания особенностей русского языка. Наиболее типичны из них: употребление слов в несвойственном им значении; неустраненная контекстом многозначность, порождающая двусмысленность; смешение паронимов, омонимов.

Каждое знаменательное слово выполняет номинативную функцию, т.е. называет предмет или его качество, действие, состояние. Это обязывает говорящих обращать внимание на значение слов, правильно их использовать.

Небрежное отношение к языку может привести к непониманию, неверным действиям, выводам, к нарушению речевой этики, а иногда даже к ссоре.

Например, в русском языке есть глаголы: *выходить*, *сходить*, *слезать*, *вылезать*, *спускаться*. Какое действие называет каждый из них? Чем они отличаются по значению? Как правильно спросить:

(на катере) Вы на следующей пристани...?

(на электричке) Вы на следующей станции...?

(в автобусе, троллейбусе, трамвае) Вы на следующей остановке...?

Когда пароход, катер причаливает к пристани, то кладут сходни и по ним пассажиры сходят. Когда едешь на поезде, электричке, то приходится сходить по ступенькам. Поэтому и в том и другом случае принято говорить: «я **схожу**, вы **сходите**». В автобусе, троллейбусе, трамвае есть вход (задняя дверь) и выход (передняя дверь), поэтому едущие в городском транспорте входят и выходят. Однако допустим и вопрос: «Вы **сходите** на следующей остановке?», поскольку и в данном случае приходится сходить по ступенькам.

Наличие вариантов в языке иногда приводит к таким сценам:

— Вы на следующей остановке **сходите**?

— Сходить можно только с ума, а в автобусе спрашивают: «Вы на следующей остановке **слезаете**?»

— Тоже сказал! Слезает с крыши, с дерева. Правильно надо сказать: «Вы на следующей остановке **выходите**?»

— Это замуж **выходят**. В автобусе же говорят: «Вы **встаете**?»

— Ну и ну! Да вы и так стоите, а не сидите. Зачем же спрашивать, встаете ли вы?

— Тогда и оставайтесь в автобусе, если русского языка не знаете.

Как вы объясните, из-за чего сыр-бор загорелся? Кто был прав, а кто нет?

Приведем другой пример.

Время завтрака. Сестра говорит брату: «Поставь на стол мелкие тарелки и кружки». Брат выполняет просьбу. «Ты что издеваешься надо мной? Что ты поставил?» — раздается нервный голос сестры, которая видит на столе металлические кружки. «Ты же велела кружки поставить, я их и поставил», — голос брата дрожит от несправедливого обвинения. «Какой же ты недотепа! Разве пьют кофе из алюминиевых кружек?» — «Я же не знал, для чего они нужны. Сказала бы. «поставь чашки» и все было бы ясно». — «Вот умник нашелся! Кружки, чашки! Не все ли равно, как назвать? Соображать надо».

Общение требует точности выражения. Если же ошибся, допустил небрежность в выборе слов, то не сердиться надо, не обвинять другого, а согласиться и быть в дальнейшем внимательнее к своей речи.

Снижает точность речи незнание о существовании в языке паронимов и омонимов, неумение нейтрализовать эти явления в речи.

Паронимами (рага — рядом, опута — имя) называются слова, близкие по звучанию и написанию, но разные по значению. Например: адресант — адресат, экскаватор — эскалатор, кворум — форум, контракт — контакт, факт — фактор, описка — отписка, внеклассный — внеклассовый. Паронимы встречаются и среди собственных имен: Эйзенштейн — Эйнштейн, Капри — Кипр, Швеция — Швейцария.

Австрийский географ Людвиг Кренек, вспоминая о своем пребывании в Индии, рассказывает: «Мы давно уже перестали называть себя австрийцами, потому что об Австрии никто здесь и понятия не имел, и все принимались сразу говорить об Австралии». В данном случае паронимами будут: Австрия — Австралия, австрийцы — австралийцы.

Наличие в языке паронимов приводит к тому, что в устной и письменной речи одно слово ошибочно употребляется вмес-

то другого Вот какие факты смешения паронимов приводит Максим Горький: «Верней клади *ступень* ноги, советует один поэт, не замечая некоторого несходства между *ступней* ноги и *ступенью* лестницы... Прозаик пишет: Он щелкнул *щиколоткой* калитки вместо *щеколдой*. Когда Б. Пильняк пишет, что дочь за три года *возрастом* догнала мать, нужно убедить Пильняка, что *возраст* и *рост* не одно и то же».

Употребление в речи *омонимов*, т.е. слов, различных по значению, но одинаковых по написанию и звучанию, может также привести к смысловой неточности, двусмысленности высказывания. Например, предложение «Издали закон об упразднении транспортных судов» звучит двусмысленно из-за наличия в языке омонимов: *судов* — форма родительного падежа множественного числа существительного *суд* и *судов* — форма родительного падежа множественного числа существительного *судно*. Возникает вопрос, что упразднили — транспортные суды или транспортные суда? Неудачное употребление омонимов может привести к комическому эффекту. Так, фраза «Совместный отдых, как и труд, спаивает людей» обязательно вызывает нежелательную реакцию.

Опасна в речи и синтаксическая омонимия. Например, предложения «Назначение председателя всем показалось удачным» и «Характеристика Климова точно соответствовала действительности» заключают в себе двойной смысл. Непонятно: председателя назначили или председатель кого-то назначил; характеристика, данная Климову или Климовым? По-разному может быть воспринято и предложение «Газеты сообщили об отъезде гостя из Англии (отъезд английского гостя или лица, гостившего в Англии). О необходимости следить за точностью выражения своих мыслей хорошо сказал Л.Н. Толстой:

Единственное средство умственного общения людей есть слово, и для того, чтобы общение это было возможно, нужно употреблять слова так, чтобы при каждом слове несомненно вызывались у всех соответствующие и точные понятия.

Понятность речи

Среди требований, предъявляемых к языку говорящего или пишущего, выделяется требование понятности, М.М. Сперанский (1772—1839) в «Правилах высокого красноречия» не без

юмор замечает: «Кто хочет писать собственно для того, чтобы его не понимали, тот может спокойно молчать». В другом месте эту же мысль он выражает афористично: писать или говорить непонятно «есть нелепость, превосходящая все меры нелепостей».

Соблюдение данного требования важно потому, что оно связано с действенностью, эффективностью устного слова

По мнению исследователей, общепонятность языка определяется прежде всего отбором речевых средств, а именно необходимостью ограничить использование слов, находящихся на периферии словарного состава языка и не обладающих качеством коммуникативной общезначимости.

Огромный словарь русского языка с точки зрения сферы употребления можно разделить на две большие группы — лексику неограниченной сферы употребления, в которую входят общеупотребительные, понятные для всех слова, и лексику ограниченного употребления, в которую включены профессионализмы, диалектизмы, жаргонизмы, термины, т. е. слова, употребляемые в определенной сфере — профессиональной, территориальной, социальной.

Лексика неограниченной сферы употребления состоит из общеупотребительных слов, которые в определенных социальных условиях должны быть понятны всем носителям данного языка во всех случаях: *хлеб, семья, город, сад, тетрадь, школьник, врач, мороз, луна, птица, любовь, сила*. Общеупотребительный словарный фонд русского языка огромен. Он-то и делает нашу речь общедоступной для каждого, кто владеет русским языком.

Гораздо труднее обстоит дело с восприятием слов ограниченной сферы употребления. Она так и названа потому, что ее не могут и не должны понимать абсолютно все. Рассмотрим основные группы этих слов.

Профессионализмы — слова и выражения, используемые людьми одной профессии (журналисты, электронщики, плотники, шахтеры и др.). Они в большинстве случаев не относятся к официальным, законным наименованиям. Для них характерна большая детализация в обозначении специальных понятий, орудий труда, производственных процессов, материала. Так, коневоды различают лошадей по назначению: *упряжная, верховая, вьючная*, а первая в упряжке: *коренная, пристяжная*.

ная, дышелъная, выносная {подседельная и подручная}; в речи плотников и столяров инструмент для строгания досок рубанок имеет разновидности: *фуганок, горбач, шерхебель, медведка, дорожник, стружок, наструг, шпунтубель, калёвка, занзубель*. Для пиленого леса в литературном языке используются два обозначения: *бревно* и *доска*. В профессиональной речи бревна и доски различаются по размеру, форме и называются: *брус, лежень, пластина, четвертина, горбыль* и др. Профессионализмы часто обладают экспрессией, что сближает их с жаргонизмами. Так, водители автобусов, грузовиков, легковых автомобилей руль называют *баранкой*, полиграфисты принятые на письме кавычки по их виду образно называют *ёлочками* («»), *лапками* (" "), общий заголовок в газете — *шапкой*.

Диалектная **лексика** — слова, ограниченные в территориальном отношении, входящие в словарный состав отдельных диалектов, понятные лишь жителю данной местности. Например: *бисной* — «седой, серебристый» (в говорах Архангельской области); *зобать* — «есть» (в рязанских говорах); *жварить* — «сильно бить, колотить» (в калужском говоре).

«Если в Дмитровском уезде употребляется слово «хрынду-ги», — писал А. Горький, — так ведь необязательно, чтобы население остальных восьмисот уездов понимало, что значит это слово <... >

У нас в каждой губернии и даже во многих уездах есть свои «говора», свои слова <... >

<... > для того, чтобы люди быстрее и лучше понимали друг друга, они все должны говорить одним языком».

Жаргонизмы — слова и выражения, принадлежащие какому-либо жаргону. В современной лингвистической литературе слово *жаргон* обычно употребляется для обозначения различных ответвлений общенародного языка, которые служат средством общения различных социальных групп.

Возникновение жаргонов связано со стремлением отдельных групп противопоставить себя обществу или другим социальным группам, отгородиться от них, используя средства языка. В отличие от общенародного языка, призванного содействовать широкому общению людей, жаргон — «тайный» язык, цель которого — скрыть смысл произносимого от «чужака». Таков, к примеру, появившийся на Руси жаргон староверов-раскольников, преследуемых государством и церковью. Ими был со-

здан так называемый «офеньский язык» — тайный язык офеней — торговцев раскольничьими книгами и иконами. Вот как описывает это явление известный знаток раскольничьего быта, видный русский писатель П. И. Мельников-Печерский:

...Прибежит в лавку, ровно с цепи сорвавшись, какой-нибудь паренек и, ни с кем не здороваясь, никому не поклонясь, крикнет хозяину:

— Хлябышь и дудоргу хандырит, пельмиги шишлять!..

И хозяин вдруг встревожится, бросится в палатку и почнет там наскоро подальше прибирать, что не всякому можно показывать. Кто понял речи прибежавшего паренька, тот, ни слова не молвив, сейчас же из лавки вон... Сколько бы кто ни учился, сколько бы ни знал языков, ежели он не офеня и не раскольник, ни за что не поймет, чем паренек так напугал хозяина. А это он ему по-офеньски вскричал: «Начальство в лавку идет бумагу читать».

Часто говорят и пишут о молодежном жаргоне. Вряд ли это явление можно назвать жаргоном, ибо оно не имеет социальных корней. Молодежь, особенно подростки, в целях возрастного «самоутверждения» начинает употреблять слова и словечки, отличающиеся от общепринятой речевой нормы. В ход идут элементы разноплановой лексики: иностранные слова, профессионализмы (моряков, музыкантов), вульгаризмы, диалектизмы и в какой-то мере жаргонизмы. Употребляются они как некий признак принадлежности к определенному «клану» — возрастной группе. Применяются эти слова бездумно, неосознанно, смысл их весьма приблизителен, а происхождение чаще всего неизвестно для говорящего. Вряд ли кто-нибудь, употребляя модное в свое время словечко «клёво», подозревал, что оно давно известно в рязанских, владимирских, тамбовских говорах, обозначая в них «хорошо».

Все жаргонные слова представляют собой стилистически сниженную лексику и находятся за пределами литературного языка. Они, как и любое слово литературного языка, диалекта, со временем устаревают и исчезают или вместо одних жаргонизмов появляются другие. Так, среди названий денег сейчас уже не встречаются жаргонизмы *хруст* (рубли), *квинта* (5 рублей), *красенькая*, *декан* (10 рублей), *угол* (25 рублей), *кусок* (1000 рублей), *рыжие* (деньги), но появились *штука* (1000 рублей), *лимон* (миллион), *башли*, *бабки* (деньги).

Лексика ограниченной сферы употребления требует вдумчивого с ней обращения. Не нужно полностью исключать ее из своей речи. Если приходится общаться в узкопрофессиональной среде, то можно свободно использовать в речи принятые там специальные слова и профессионализмы. Но если нет уверенности, что все слушатели знакомы со специальной лексикой, то следует раскрыть, объяснить каждое необщепотребительное слово.

Диалектные слова, а тем более жаргонизмы и арготизмы, как правило, недопустимы в речи. Эти элементы ограниченной сферы употребления могут быть введены в речь только с определенной целью, например, в качестве выразительных средств, подчеркивающих отношение говорящего, но делать это следует осторожно, с пониманием целесообразности и уместности такого применения в каждом конкретном случае.

Особого внимания требует использование еще одной значительной группы слов ограниченной сферы употребления — терминологической лексики.

Термины — это слова, которые являются точным обозначением определенного понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни и т. п. Напомним, что понятие — это мысль об общих существенных свойствах, связях и отношениях предметов или явлений объективной действительности.

Как форма мышления понятие неразрывно связано с языком. Всякое понятие формируется и реализуется в слове или словосочетании. Формирование понятий является важнейшим условием научного знания.

Роль терминов в науке велика. Установлено, например, что представление об инерции уже было известно предшественникам Галилея. Но только с того момента, когда Галилей дал этому название «инерция», было уточнено само представление об инерции и понятие вошло в научный оборот. В целом ряде случаев переход от предположений и догадок к точному знанию совершается при помощи утверждения соответствующего термина. Вот почему все великие ученые уделяли особое внимание созданию и развитию научной терминологии.

Фиксируя время рождения того или иного термина, можно судить о развитии науки, ее проблематике, объектах исследования, о появлении новых научных направлений.

Вполне естественно, что термины довольно часто встречаются в речи людей разной специальности: инженеров, врачей, экономистов, юристов, преподавателей, агрономов и др. Однако не все и не всегда умело используют их, не задумываются над тем, понятны ли термины слушателям, не учитывают особенности восприятия семантики слова в звучащей речи. Различие в понимании содержания слов у отправителя и получателя снижает эффективность восприятия.

Английский просветитель, крупнейший философ-материалист Джон Локк считал, что тот, кто употребляет слова без ясного и неизменного смысла, тот вводит себя и других в заблуждение. А тот, кто делает это умышленно, является врагом истины и познания. Особенно недопустимо неправильное употребление слов, утверждал философ, в спорах.

Заглянем во всякого рода полемические книги, — писал он в «Опыте о человеческом разумении». — Мы увидим там, что результатом неясных, неустойчивых, двусмысленных терминов является лишь шум и спор из-за звуков, который не убеждает и не совершенствует разума. Ведь если говорящий и слушающий не согласились насчет идеи, которую обозначают слова, спор касается не вещей, а названий. При всяком употреблении такого слова, значение которого у них не установлено, тождественным для их разума является лишь звук, ибо вещи, о которых они думают в это время, что их выражает данное слово, совершенно различны.

Ясность, понятность речи зависят и от правильного употребления в ней иностранных слов. Нередко спрашивают, следует ли употреблять иностранные слова или лучше обойтись без них. Вопрос об использовании в нашей речи иностранных слов не случаен. Иноязычные слова в русском языке издавна были предметом обсуждения ученых, общественных деятелей, писателей, любителей русского языка. Ученых интересовало, какое место занимают заимствованные слова в словарном составе русского языка, из каких языков больше всего заимствуется слов, в чем причина заимствования, не засоряют ли иностранные слова родной язык. Делались даже попытки заменить слова, пришедшие из других языков, русскими. Так, В. И. Даль в свой знаменитый словарь включал мало заимствованных слов. Он считал, что их следует заменить областными, просторечными или вновь созданными, например, *автомат* — *самодви-*

га, самоход, живуля; инстинкт — побудок, побудка; кокетка — хорошуха, красовитка, миловидница. Делая некоторую уступку в пользу распространенных общенародных слов, таких как *горизонт, атмосфера*, В. И. Даль все же не прочь был и их заметить просторечными синонимами. Он писал, что не понимает, почему «завесь» и «закрой», как говорят на Каспийском море, хуже «горизонта».

Займствование — это нормальное, естественное явление для любого языка. Например, в словаре английского языка иностранные слова составляют более половины, немало их в немецком, французском и других языках. Такое явление не было чуждо и древним языкам: в латинском языке более 7 тыс. греческих слов.

Займствованные слова в языке появляются в результате общения одних народов с другими, в результате политических, экономических и культурных связей между ними.

Например, из греческого языка вошли в русский язык слова, связанные с бытом (*котел, кровать, баня*), научные термины (*философия, математика, история, грамматика, логика*), термины искусства (*стихи, комедия*) и т. д.

Латынь дала нам целый ряд политических терминов: *республика, пролетариат, диктатура*. Тюркские языки принесли нам слова: *кумир, казна, жемчуг, бисер, деньги, базар, таз, утюг, аршин, чулок* и др. Из Западной Европы пришли слова: *клевер, верстак* (немец-); *пальто, гарнизон, котлета* (франц.); *пельмени, пурга* (фин.); *гитара, томат* (испан.); *тенор, ария, макароны* (ит.); *матрос, зонтик, флаг, галстук* (голланд.) и мн. др.

В наше время оживляются старые и возникают новые виды связей между русскими и другими народами. Поэтому современный русский язык постоянно пополняется словами, заимствованными из других языков, и в свою очередь обогащает словами различные языки мира.

Место иноязычных слов в русском языке, их дальнейшая судьба неодинакова и определяется их назначением. Заимствования по степени их проникновения в словарный состав русского языка можно разделить на три группы.

Первую из них составляют иноязычные слова, прочно вошедшие в русский язык. Они заимствованы давно, усвоены всем народом и не воспринимаются как иноязычные. Эти сло-

ва — единственные наименования жизненно важных понятии. К этой группе относятся не только бытовые слова *кровать, сахар, капуста, свекла, фонарь, тарелка, чулок, каблук, кукла, сарай, базар*, но и слова, связанные с производством, образованием: *шахта, цех, фабрика, класс, тетрадь, карандаш* и др. От многих из этих слов в русском языке возникли производные слова: *газета* (итал.) — *газетный, газетчик, роман-газета, стенгазета*; *культура* (латин.) — *культурность, бескультурье, физкультура, физкультурник, культпоход, культфронт, культурный, некультурный, культурно-бытовой, культурно-просветительный*.

Вторую группу составляют слова, широко распространенные в русском языке и также являющиеся единственными наименованиями обозначаемых понятий, но осознающиеся как **иноязычные**: *тропуар, пижама, сервиз, абажур, радио, стенд, троллейбус, контейнер, лайнер* и др.

В третью группу входят иноязычные слова, которые не получили широкого распространения. К ним относятся и слова, имеющие русские параллели, но отличающиеся от них объемом, оттенком значения или сферой употребления. Сравним, например, слова *ревизовать, контракт, консервативный, константный, пунктуальный, утрировать* с синонимичными им русскими словами: *проверить, договор, косный, устойчивый, точный, преувеличивать*. *Ревизовать* чаще означает проверку материальных ценностей, денежных документов. Поэтому нельзя сказать: «ревизовать работу преподавателей в школе». Здесь уместен глагол *проверить*. Заимствованным словом *контракт* в отличие от русского *договор* называют только письменно оформленное соглашение, а *консервативный* в сравнении с синонимичным ему словом *косный* означает не просто «тяготеющий к старому, привычному, не восприимчивый к новому, прогрессивному», а «враждебный новому и активно, по убеждению отстаивающий старое». Иначе складываются отношения между синонимами *константный* и *устойчивый, пунктуальный* и *точный, утрировать* и *преувеличивать*. Иноязычные слова отличаются сферой употребления, преимущественно используются в книжной речи.

Рассмотрим, какие ошибки встречаются в речи при употреблении иностранных слов. Неправильное использование иноязычных слов чаще всего связано с незнанием точного их смыс-

ла. Например: «Его представили таким полиглотом: он и физик, и математик, и поэт». Известно, что *полиглот* — это человек, владеющий многими языками, поэтому употребление слова *полиглот* в данном случае неуместно.

Некоторые толкуют слово *приоритет* (первенство в открытии) как «уважение» (Он пользовался в коллективе особым приоритетом). Можно услышать фразу: «Эта идея мне гармонирует», — в которой спутаны понятия «гармонизировать» и «импонировать». Не все различают слова *репатриация* (возвращение эмигрантов или военнопленных на родину) и *репарация* (возмещение ущерба, нанесенного войной).

Непонимание значений иностранных слов может привести к тавтологическим выражениям в нашей речи. Так, в лекции о новейших достижениях науки и техники было сказано: «Ученые, инженеры, рационализаторы, изобретатели призваны двигать вперед научно-технический прогресс». Слово *прогресс* означает движение вперед, поэтому неправильно сказать *двигать вперед прогресс*. Подобная же ошибка допущена в предложении: «Все это крайне затрудняет предсказание точного прогноза путины». *Прогноз* означает «предвидение, предсказание, основанное на определенных данных». Следовало сказать: «Все это крайне затрудняет точный прогноз».

Нередко можно услышать сочетание *странный парадокс*. Но парадокс — это и есть странное мнение, расходящееся с общепринятыми мнениями. Слово *странный* в приведенном сочетании лишнее. Иногда говорят *имеется свободная вакансия*, забывая, что слово *вакансия* означает «свободная, незамещенная должность». Неправильными считаются и такие выражения: *первый дебют, памятные сувениры, старый ветеран, своя автобиография, биография жизни*.

Используя иностранные слова, следует учитывать их многозначность. При этом необходимо иметь в виду, что слово в одном значении бывает более употребительно и известно, чем в другом. Так, один докладчик, делясь впечатлениями о встрече с делегатами конференции, сказал: «Особенно пикантным было выступление П.» Эти слова Вызвали не ту реакцию, которую ожидал говорящий. Дело в том, что слово *пикантный* имеет несколько значений. В прямом смысле оно означает «острый на вкус, пряный» (например, соус, подливка и т. п.). Перенос-

ное значение слова *пикантный* — «возбуждающий острый интерес, любопытство своей необычностью, сенсационностью и х. п.». Именно в этом значении и употребил выступающий слово *пикантный* в приведенном примере, но он не учел, что это слово имеет оттенок: «не вполне пристойный; возбуждающий чувственность, соблазнительный».

Рекомендуется избегать употребления иностранных слов, если в языке есть русские слова с таким же значением, например: *лимитировать* — *ограничивать*, *ординарный* — *обыкновенный*, *индифферентно* — *равнодушно*, *корректив* — *исправление*, *игнорировать* — *не замечать* и др.

Употребляя иностранные слова, надо быть уверенным, что они понятны слушателям. Поэтому важно умело ввести иностранное слово в свою речь. Необходимо давать соответствующие пояснения значений использованных слов.

Большую помощь в овладении терминами и иностранными словами может оказать постоянная работа со словарями.

Известный американский писатель Д. Стейнбек рассказывает в романе «Зима тревоги нашей» о методе, которым тетушка заставляла героя понимать новые слова.

Она всегда старалась заинтересовать меня непонятным словом, — вспоминает герой романа Итен Хоули, — а потом заставляла самостоятельно доискиваться до его значения, листая словарь. «Если я тебе скажу, — замечала она, — у тебя в одно ухо войдет, в другое выйдет». Для того, чтобы понять словарную статью, приходилось отыскивать значение еще ряда слов, употребленных в ней.

Одно слово поджигало десяток других, как шутихи, нанизанные на нитку, — говорил Итен.

Способ очень верный и действенный. Возьмем, к примеру, слова *версия* и *компромисс*. При их объяснении мы сталкиваемся с такими понятиями, как *гипотеза*, *потенциал*, *адекватность* и др. Таким образом, уточняя значение нужного нам слова, можно познакомиться с целым рядом новых слов.

В процессе общения людям часто приходится разъяснять, как следует понять то, что обсуждается, уточнять, какой смысл имеет то или иное слово, выражение. **Речевая практика выработала несколько способов объяснения слов.** Их используют

лексикографы, составляя словари; преподаватели, обучая школьников, студентов; политики, дипломаты, юристы, толкуя смысл документов, законов. Приемами объяснения слов должен владеть каждый, если он ответственно относится к своим выступлениям, к своей речи, заинтересован в повышении ее культуры.

Наиболее рациональным способом толкования слов считается *логическое определение*, т. е. определение понятия через ближайший род и видовое отличие.

Рассмотрим, как строится логическое определение.

Возьмем, к примеру, определения двух понятий: *логика* — наука о законах и формах правильного мышления; *педагогика* — наука о воспитании, образовании и обучении. Прежде всего называется род определяемого понятия, т. е. дается ответ на вопрос «что это такое?» — *наука*. Затем указываются признаки видового понятия этого же рода — «о законах и формах правильного мышления» (логика); «о воспитании, образовании и обучении» (педагогика). Достоинство логического определения состоит в том, что перечисляются не все, а только отличительные видовые признаки определяемого понятия.

Интересно отметить, что в дореволюционных логиках, изданных специально для молодых людей, уделялось большое внимание умению давать логическое определение.

Так, в «Логике, содержащей начала логические в пользу обучающегося юношества» Иакова Факчиолата (М., 1794) читаем:

Три вещи наблюдать должно в определении полном и совершенном. Во-первых, чтобы определение не было ни теснее, ни обширнее вещи определяемой; но чтобы было взаимобратное, например, всякий человек есть животное разумное. Всякое разумное животное есть человек.

Во-вторых, чтобы было ясно и кратко, только чтобы не было недостатка в нужном; т. е. чтобы оно состояло из ближайшего рода и удельной разности.

В-третьих, чтобы определение состояло из слов яснейших и известнейших, нежели вещь определяемая. Поелику неизвестное через неизвестное изъяснить не можно.

Посредством сих правил Логики составляют определение, которое есть следующее: определение есть вещь, состоящая из рода и удельной разности, через которую вопрошающему о сущности вещи ответствуется.

А. С. Никольский в «Логике и риторике, кратким и для детского возраста удобопонятным образом расположенные, изъясненные и в пользу юношества изданные» (Спб., 1790) наставляет:

Определение должно содержать в себе, во-первых, род определяемой вещи, которым она будет отличена от всех вещей, не содержащихся под тем же родом; а после главное отличительное определяемой вещи свойство, которым она будет различена от всех вещей одного с нею рода.

Последуем указаниям авторов процитированных пособий. Представим себе, что нам необходимо дать толкование словам *табурет*, *стул*, *кресло*, *шезлонг*. Начинаем с определения родового признака. Это все предметы мебели. Далее выделяем видовые признаки, часть из которых должна быть общей для всех, а часть — отличать один предмет от другого.

Что же объединяет названные предметы? То, что они предназначены для сидения. Это первый общий признак. Не составит труда назвать и второй. Все они имеют сиденье и ножки. Выделенные признаки позволяют определить значение первого слова. *Табурет* — предмет мебели, имеющий ножки и предназначенный для сидения.

Чтобы построить дефиницию (логическое определение) второго слова, необходимо установить, чем стул отличается от табурета и внести указание на это различие в толкование. Ответ прост: у стула есть спинка. Следовательно, *стул* — предмет мебели на ножках, со спинкой, предназначенный для сидения.

Теперь нетрудно будет дать толкование слову *кресло*, у которого отличительный признак — подлокотники. Несколько сложнее определить значение слова *шезлонг*, поскольку этот предмет мебели отличается несколькими признаками: это кресло, но раздвижное, имеет длинную натягивающуюся матерчатую спинку и служит для сидения полулежа.

Чтобы закрепить полученный навык строить логическое определение, постарайтесь дать дефиницию словам *книга*, *брошюра*, *журнал*, *газета*.

Распространенным является синонимический способ, т. е. объяснение с помощью слов, различных по звучанию, но име-

ющих общее значение. Например, *конфронтация* — противопоставление, противоборство (социальных систем, идейно-политических принципов и др.), столкновение; *агрессивный* — наступательно-захватнический; *альянс* — союз, соединение. Это позволяет через слово, знакомое слушателям, раскрыть значение научного термина, сделать его понятным.

Вот как, к примеру, лекторы объяснили редко встречающиеся слова *дегидратация*, *катализатор*:

«Если воду, израсходованную на образование пота, не восполнять, в ход пойдут внутренние резервы, и над организмом нависнет угроза дегидратации — обезвоживания».

«Как известно из химии, всякий медленный процесс требует катализатора, т. е. ускорителя»

О действительности данного приема писал еще Аристотель:

Далее полезна замена одного имени другим, более понятным, например, вместо «пшательное» в ответах употребить «точное» и вместо «суетности» — «хлопотливости», ибо, чем более понятным становится сказанное, тем легче спорить против тезиса. И этот топ применим для того и другого — и для обоснования, и для опровержения [6, 379].

Довольно часто при объяснении слова применяют *описательный способ*, при котором его смысл передается посредством описания самого предмета, понятия, явления

Вот как один лектор объяснил слово *патерностер*;

В конце XIX века в Гамбурге был построен патерностер.

Это подъемник так называемого непрерывного действия. Стоит он из множества кабинок без дверей, которые движутся между этажами только в одну сторону — вверх или вниз. Входят и выходят пассажиры на ходу.

Нередко в такое толкование говорящий вкладывает свое понимание данного понятия. Удивительно точные слова, к примеру, нашел А. Куприн, объясняя своему собеседнику, что такое Родина.

— Родина? Она вот что... — сказал я и на минуту задумался. — Родина — это первая испытанная ласка, первая сознательная мысль, осенившая голову, это запах воздуха, деревьев, цветов и полей,

первые игры, песни и танцы. Родина — это прелесть и тайна родного языка. Это последовательные впечатления бытия: детства, отрочества, юности, молодости и зрелости. Родина — как мать. Почему смертельно раненный солдат, умирая, шепчет слово «мама», то самое имя, которое он произнес впервые в жизни. А почему так радостно и гордо делается на душе, когда наблюдаешь, понимаешь и чувствуешь, как твоя Родина постепенно здоровеет, богатеет и становится мощной. Нет, я все-таки говорю не то, что нужно. Чувство Родины — это необъяснимое. Оно — шестое чувство. Детские хрестоматии учили нас, что человек обладает пятью чувствами.

— Зрением, слухом, обонянием, осязанием и вкусом, — подсказал матрос.

— Так. Ну, а вот родина — это шестое чувство, и природа его так же необъяснима, как и природа первых пяти.

Поясняя значение слова, иногда хорошо обратиться к его *этимологии*. Именно так, например, поступил философ И. А. Ильин, разъясняя понятие «федерация»:

Латинское слово «*фёдус*» означает *договор* и *союз*, и, далее, — *порядок* и *закон*. В науке государственного права федерацией называется союз государств, основанный на договоре и учреждающий их законное, упорядоченное единение.

Объяснением происхождения слов занимается специальная область науки о языке — этимология. Обращение к ней позволяет глубже понять сущность используемых слов, их точный смысл, границы применения. Недаром сам термин происходит от греческих слов: *етупон* истинный, верный и *logos* смысл, значение. Таким образом, этимология учит нас понимать истинный смысл слова, уточняет его. Наука эта не только устанавливает исходное значение слова, его первоначальный смысл, но и исследует историю его применения, причины изменений, которые оно претерпело

Возьмем для примера слово *джинсы*. Когда оно возникло? Что обозначало? Когда пришло в русский язык? История слова такова. В XVI в. в Европе появился особый вид генуэзской бумаги — хлопчатая саржа диагонального переплетения. Название материала *jean* образовалось от топонима *Генуя* (*Genua* по-латински). Из этой ткани в Сан-Франциско в 1850 году стали шить брюки особого покроя, которые называли *jeans* — «шаны». Это форма множественного числа от *jean*. В XX в. такого

покроя брюки попали в Россию, а их название в русском языке несколько изменилось, приобретя русское окончание множественного числа *-ы* — *джинсы* (по типу *штаны, брюки*).

Чистота речи

Чистота речи — отсутствие в ней **лишних слов, слов-сорняков**, слов-паразитов. Конечно, в языке названных слов нет, такими они становятся в речи говорящего из-за частого, неуместного их употребления. К сожалению, многие активно вставляют в свою речь «любимые словечки»: *так сказать, значит, вот, собственно говоря, видите ли, понятно, да, так, понимаете* и др. Это производит очень неприятное впечатление.

Слова-сорняки, слова-паразиты не несут никакой смысловой нагрузки, не обладают информативностью. Они просто засоряют речь говорящего, затрудняют ее восприятие, отвлекают внимание от содержания высказывания. Кроме того, лишние слова психологически действуют на слушателей, которые начинают подсчитывать количество таких слов в устном выступлении. Подобную ситуацию описал журналист А. Суконцев в одном из своих фельетонов:

Мой знакомый электрик, человек с юмором, пришел однажды с лекции.

— Ну, как, — спросил я, — понравилась?

Он молча положил передо мной листок бумаги, весь испещренный крестиками и кружочками.

— Что это?

— Крестик — это «значит», а кружочек — «так сказать». Сто семнадцать крестиков и сто семьдесят четыре кружочка за два академических часа...

Сами понимаете, о содержании лекции говорить как-то не хотелось.

Почему же все-таки слова-сорняки появляются в нашей речи? Это и волнение во время говорения, и неумение мыслить публично, подбирать нужные слова для оформления своих мыслей, и, конечно, бедность индивидуального словаря говорящего. Забота о чистоте речи повышает качество речевой деятельности.

Богатство и разнообразие речи

Богатство и разнообразие, оригинальность речи говорящего или пишущего во многом зависит от того, насколько он осознает, в чем заключается самобытность родного языка, его богатство.

Богатство любого языка определяется прежде всего богатством словаря. К. Г. Паустовский отмечал, что для всего, существующего в природе, — воды, воздуха, облаков, солнца, дождей, лесов, болот, рек и озер, лугов и полей, цветов и трав — в русском языке есть великое множество хороших слов и названий.

Лексическое богатство русского языка отражено в различных лингвистических словарях. Так, «Словарь церковнославянского и русского языка», изданный в 1847 г., содержит около 115 тыс. слов. В. И. Даль включил в «Словарь живого великорусского языка» более 200 тыс. слов, Д. Н. Ушаков в «Толковый словарь русского языка» — около 90 тыс. слов.

«Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах состоит из более 120 тыс. слов.

А каким может быть словарный запас одного человека?

Ответить на этот вопрос однозначно очень трудно. Одни исследователи считают, что активный словарь современного человека обычно не превышает 7—9 тыс. разных слов, по подсчетам других, он достигает 11—13 тыс. слов. А теперь сопоставьте эти данные со словарем великих мастеров художественного слова. Например, А. С. Пушкин употребил в своих произведениях и письмах более 21 тыс. слов (при анализе повторяющиеся слова принимались за одно), причем половину этих слов он употребил только по одному или два раза. Это свидетельствует об исключительном богатстве словаря гениального поэта. Приведем сведения о количестве слов у некоторых других писателей и поэтов: Есенин — 18890 слов, Сервантес — около 17 тыс. слов. Шекспир — около 15 тыс. слов (по другим источникам — около 20 тыс.), Гоголь («Мертвые души») — около 10 тыс. слов. А у некоторых людей запас слов бывает чрезвычайно беден. Недаром И. Ильф и Е. Петров в знаменитых «Двенадцати стульях» высмеяли Эллочку-«людоедку», которая обходилась всего тридцатью словами. «Вот слова, фразы и меж-

дометия, придиричиво выбранные ею из всего великого, много-слового и могучего русского языка:

1. Хамите.

2. Хо-хо! (Выражает, в зависимости от обстоятельств: иронию, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворенность.)

3. Знаменито.

4. Мрачный. (По отношению ко всему. Например: «мрачный Петя пришел», «мрачная погода», «мрачный случай», «мрачный кот» и т. д.)

5. Мрак.

6. Жуть. (Жуткий. Например, при встрече с доброй знакомой: «жуткая встреча».)

7. Парниша. (По отношению ко всем знакомым мужчинам, независимо от возраста и общественного положения.)

8. «Не учите меня жить».

Этих слов ей было достаточно, чтобы разговаривать с родными, друзьями, знакомыми и незнакомыми. Нетрудно представить себе, каким было это общение.

Говорящему необходимо иметь достаточный запас слов, чтобы выражать свои мысли четко и ясно. Важно постоянно заботиться о расширении этого запаса, стараться использовать богатства родного языка.

Сделать это нетрудно. Следует только начать составлять «Словарь обогащения языка». Когда читаете книгу, журнал, газету, обращайте внимание на слова и каждое незнакомое слово или слово, о значении которого вы только догадываетесь, выписывайте на карточку. Затем на обратной стороне, используя толковый словарь, пишите значение слова. Карточки нумеруются, чтобы знать количество слов, которые обогащают ваш словарный запас. Хранить карточки следует в картотечном ящике. Когда наберется 10—20 слов, начинаете проверять свою память. Вытаскиваете карточку, читаете слово и объясняете его значение. По мере накопления карточек делите их на две группы: 1) карточки с хорошо усвоенными словами; 2) карточки со словами, которые требуют еще заучивания. Картотека постоянно должна пополняться новыми словами; карточки с усвоенными словами переносятся во вторую часть ящика. Время от времени к ним следует возвращаться. Устраивать контрольную

проверку, а вдруг какое-то слово забыли, работать с картотекой «Словаря обогащения языка» следует постоянно.

Богатство языка определяется и смысловой насыщенностью слова, т. е. его многозначностью. Важно, то ли слово выбрано для выражения мысли? Понимает ли слушатель, о чем идет речь, что имеет в виду говорящий? Чаще всего в речи реализуется одно из значений многозначного слова. Если было бы иначе, то люди часто не понимали бы друг друга или понимали неправильно. Однако многозначность может быть использована как прием обогащения содержания речи. Так, например, академик Д.С. Лихачев написал для юношества книгу «Земля родная». Слово *земля* имеет восемь значений: 1) третья от солнца планета; 2) верхний слой земной коры; почва, грунт; 3) рыхлое вещество темнубурого цвета, входящее в состав земной коры; 4) суша (в отличие от водной поверхности); 5) обработанная, используемая в сельскохозяйственных целях почва; 6) страна, государство; 7) устар. поле, фон ткани, по которому сделан рисунок; 8) спец. составная часть названий некоторых красок.

Какое же значение имеет слово *земля* в названии книги? На этот вопрос автор дает ответ в предисловии: «Я назвал свою книгу «Земля родная». Слово *земля* в русском языке имеет много значений. Это и почва, и страна, и народ (в последнем смысле говорится о Русской земле в «Слове о полку Игореве»), и весь земной шар. В названии моей книги слово *земля* может быть понято во всех этих смыслах». Вот каким емким стало содержание заглавия, как о многом оно говорит!

Особый интерес вызывают случаи, когда пишущий, употребляя слово, учитывает два его значения и это оговаривает, подчеркивает, заинтриговывая читателя, заставляя его задуматься над дальнейшим содержанием текста. Как объяснить, о чем пишут авторы, если текст начинается так: «Лондон был потрясен в прямом и переносном смысле», «Правитель отгородился от своего народа и в переносном, и в прямом смысле», «Первыми сделали попытку прикарманить флаг крайне правые. Прикарманить не только в переносном смысле, но и в прямом».

Что же могло потрясти Лондон в прямом и переносном смысле? Оказывается рухнул один из небоскребов. Как мог правитель отгородиться от народа в прямом смысле? Он «забаррикадировал свою резиденцию, словно крепость». В толко-

вых словарях русского языка у слова *прикарманить* отмечается только одно переносное значение — «завладеть чем-либо чужим, присвоить». Другого значения слово не имеет. Как же может партия прикарманить флаг в прямом значении? Последующий текст разрешает недоумение. Оказывается, члены партии носят в нагрудных карманах своих курток платки из звездно-полосатой ткани. Автор расширил смысловый объем слова, придал ему новое значение, вполне мотивированное его словообразовательной структурой. Каждый, кто заинтересован в совершенствовании своей речи, должен отлично знать весь семантический объем слова, все его значения. Должен уметь соотносить, противопоставлять не только слова, связанные между собой разнообразными семантическими, тематическими, ассоциативными отношениями, но и **разные** значения одного слова.

Очень богат наш язык *синонимами*, т. е. словами, близкими по своему значению. В одной из своих работ академик Л. В. Щерба писал:

Возьмем, например, цикл слова *знаменитый* (в применении к человеку), с которым конкурируют *известный*, *выдающийся*, *замечательный* и *большой*. Все эти слова обозначают, конечно, одно и то же, но каждое подходит к одному и тому же понятию с несколько особой точки зрения: *большой* ученый является как бы объективной характеристикой; *выдающийся* ученый подчеркивает, может быть, то же, но в аспекте несколько более сравнительном; *замечательный* ученый говорит об основном интересе, который он возбуждает; *известный* ученый отмечает его популярность; то же делает и *знаменитый* ученый, но отличается от *известный* ученый превосходной степенью качества [88, 122].

Каждый из синонимов, таким образом, отличаясь оттенком значения, выделяет какую-то одну особенность качества предмета, явления или какой-то признак действия, а в совокупности синонимы способствуют более глубокому, всестороннему описанию явлений действительности.

Синонимы делают речь красочнее, разнообразнее, помогают избегать повторения одних и тех же слов, позволяют образно выразить мысль. Например, понятие о большом количестве чего-либо передается словами: *много* (яблок), *тьма* (книг), *пропасть* (работы), *прорва* (дел), *туча* (комаров), *рой* (мыслей),

океан (улыбок), *море* (флагов), *лес* (труб). Все приведенные слова, за исключением слова *много*, создают образное представление о большом количестве.

Немало в русском языке слов, которые передают положительное или отрицательное отношение говорящего к предмету мысли, т. е. обладают экспрессией. Так, слова *блаженство*, *роскошный*, *великолепный*, *неустрашимый*, *очаровать* заключают в себе положительную экспрессию, а слова *болтун*, *недопета*, *бестолковщина*, *мазня* характеризуются отрицательной экспрессией.

Очень много в русском языке слов, эмоционально окрашенных. Это объясняется тем, что йаш язык богат различными суффиксами, передающими чувства человека: ласку, иронию, пренебрежение, презрение. Об этой отличительной черте русского языка писал еще М. В. Ломоносов:

... умалительных имен, как *дворик*, *платице*, *девушка*, не во всяком языке равное довольствие. Российский и итальянский весьма оными богаты, немецкий скуден, французский еще скуднее.

Необыкновенно богат русский язык образной фразеологией. Выражения «положить в долгий ящик», «мамаево побоище», «тяжела ты, шапка Мономаха», «аракчеевский режим», «вот тебе, бабушка, и Юрьев день» и многие другие, получившие переносное значение, связаны с историей русского народа, его прошлым. Сколько тонкого народного юмора, иронии содержат фразеологизмы: «попасть пальцем в небо», «сесть в калошу», «переливать из пустого в порожнее», «прийти к шапочному разбору», «пожарная каланча», «от горшка два вершка».

Богатая русская фразеология представлена во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. Н. Молоткова. В нем содержится 4 тыс. словарных статей.

А сколько изумительных пословиц и поговорок содержится в русском языке! Так, в сборнике пословиц русского народа У В. И. Даля одной лишь теме «Русь-Родина» посвящено около 500 изречений («Родимая сторона — мать, чужая — мачеха», «С родной земли — умри, не сходи» и др.).

Словарь русского языка постоянно обогащается новыми словами. Если русский язык сравнить с другими языками, то он выгодно отличается по разнообразию и количеству способов

образования новых слов. Новые слова создаются с помощью приставок, суффиксов, чередования звуков в корне, сложением двух или нескольких основ, путем переосмысления (*звено, пионер*), расщепления слов на омонимы (*месяц — луна и месяц — отрезок времени*) и т. д. Наиболее продуктивным является морфологический способ образования, с помощью которого от одного и того же корня создаются десятки новых слов. Так, от корня *уч-* образованы слова: *учитель, изучать, выучить, поучать, обучать, переучивать, заучивать, приучить, научить, учение, ученость, ученик, ученичество, ученый, учитель, учебный, наука, научный* и др. По данным «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова, словообразовательное гнездо с этим корнем включает более 300 слов.

Богатством, гибкостью и выразительностью отличается и грамматический строй языка. Возьмем для примера категорию вида. В отличие от категории времени, которая указывает на отношение действия к моменту речи, категория вида обозначает способ протекания действия. Так, в видовой паре *прочитать — прочитывать* глаголы характеризуют действие по-разному. Глагол *прочитать* (совершенный вид) указывает на действие, которое исчерпало себя и дальше продолжиться не может. Глагол *прочитывать* (несовершенный вид) указывает на действие, которое не ограничено.

Об этой особенности русского языка интересно пишет поэт В. Брюсов:

Сила русского глагола в том, что школьные грамматика называют видами. Возьмем четыре глагола одного корня: *стать, ставить, стоять, становиться*. От них при помощи приставок *пред-, при-, за-, от-* и др., флексии «возвратности» и суффиксов «многократности» можно образовать около 300 глаголов, которые будут, по грамматике, разными «видами» одного и того же глагола. Ни на один современный язык нельзя перевести всех оттенков значения, какие получаются таким образом... Как, например, передать по-французски разницу между: «я переставляю стулья», «я перестановлю их», «я перестанавливаю их», «переставил», «перестановил»? Или удастся ли найти в другом языке слова одного корня, чтобы передать фразу: «Когда настойка настоялась, я настоял, что настало время наставить рабочих, как должно наставлять воронку на бутылку?»

Богатство, разнообразие, оригинальность и самобытность

русского языка позволяют каждому сделать свою речь богатой и оригинальной. Следует помнить: серая, наполненная словесными штампами речь не вызывает в сознании слушающих необходимых ассоциаций. Вряд ли человек, злоупотребляющий стандартными выражениями, может взволновать слушателей, убедить их в чем-то, воздействовать на них. Шаблонная, избыточная фраза отскакивает от слушателей, не дает им возможность вникнуть в суть высказывания.

Кроме того, убогая, бедная в языковом отношении речь воспринимается как отрицательная характеристика человека, свидетельствует о его поверхностных знаниях, низкой речевой культуре, о недостаточном запасе слов. Но главное: бедность, серость, однообразие языка связывается с бедностью, серостью и неоригинальностью мысли.

Стократ прав К.И. Чуковский, написавший в книге «Живой как жизнь»:

Не для того наш народ вместе с гениями русского слова — от Пушкина до Чехова и Горького — создал для нас и для наших потомков богатый, свободный и сильный язык, поражающий своими изощренными, гибкими, бесконечно разнообразными формами, не для того нам оставлено в дар это величайшее сокровище нашей национальной культуры, чтобы мы, с презрением забросив его, свели свою речь к нескольким десяткам штампованных фраз.

Сказать это нужно с категорической строгостью.

Выразительность речи

Выразительность речи усиливает эффективность выступления: яркая речь вызывает интерес у слушателей, поддерживает внимание к предмету разговора, оказывает воздействие не только на разум, но и на чувства, воображение слушателей.

Следует иметь в виду, что в науке нет единого определения понятия «выразительность речи». Существуют разные подходы к описанию этого качества речи. Ученые считают, что выразительность может создаваться средствами языка всех его Уровней. Поэтому в литературе выделяют выразительность произносительную, акцентологическую, лексическую, словообразовательную, морфологическую, синтаксическую, интонационную, стилистическую.

Ряд исследователей подчеркивает, что выразительность устной речи во многом зависит от ситуации общения. Так А. Н. Васильева пишет:

Очевидно, что выразительность доказательства теоремы и выразительность рекламного объявления существенно различны как по содержанию, так и по форме. Поэтому следует прежде всего различать выразительность информационную (предметно-логическую, логико-понятийную) и выразительность чувственного выражения и воздействия. При этом оба эти вида могут иметь подвиды: открытую (экспрессивную) и скрытую (импрессивную) формы выражения. Соотношение этих видов и подвидов по основным стилям различно [10, 80—81].

Б. Н. Головин называет ряд условий, от которых зависит выразительность речи отдельного человека. К ним он относит:

- самостоятельность мышления, деятельности сознания автора речи;
- равнодушие, интерес автора речи к тому, о чем он говорит или пишет, и к тем, для кого он говорит или пишет;
- хорошее знание языка, его выразительных возможностей;
- хорошее знание свойств и особенностей языковых стилей;
- систематическая и осознанная тренировка речевых навыков;
- умение контролировать свою речь, замечать, что в ней выразительно, а что шаблонно и серо;
- сознательное намерение автора речи говорить и писать выразительно, психологическая целевая установка на выразительность [24, 185—187].

Помогают говорящему сделать речь образной, эмоциональной специальные художественные приемы, изобразительные и выразительные средства языка, традиционно называемые тропами и фигурами, а также пословицы, поговорки, фразеологические выражения, крылатые слова.

Прежде чем анализировать различные изобразительные средства языка, следует уточнить, какими свойствами обладает слово, главное орудие говорящего, основной строительный материал, какие возможности оно заключает в себе?

Слова служат названиями предметов, явлений, действий,

т е. всего, что окружает человека. Однако слово обладает и эстетической функцией, оно способно не просто назвать предмет, действие, качество, но и создать образное представление о них.

Понятие образности слова связано с явлением многозначности. Известно, что слова, называющие только один какой-либо предмет, считаются однозначными (*мостовая, тротуар, троллейбус, трамвай*), а слова, обозначающие несколько предметов, явлений действительности, — многозначными. Многозначность в какой-то степени отражает те сложные отношения, которые существуют в действительности. Так, если между предметами обнаруживается внешнее сходство или им присущ какой-то скрытый общий признак, если они занимают одинаковое положение по отношению к чему-то, то название одного предмета может стать названием и другого. Например: *игла* — швейная, у ели, у ежа; *лисичка* — зверек и гриб; *гибкий* тростник — *гибкий* человек — *гибкий* ум.

Первое значение, с которым слово появилось в языке, называется прямым, а последующие — переносными.

Прямые значения непосредственно связаны с определенными предметами, названиями которых они являются.

Переносные значения в отличие от прямых обозначают факты действительности не непосредственно, а через отношение к соответствующим прямым.

Например, слово *лакировать* имеет два значения: прямое — «покрывать лаком» и переносное — «приукрашивать, представлять что-либо в лучшем виде, чем есть на самом деле». С понятием переносного значения слова чаще всего связано его образное употребление. Например, в слове *заноза* выделяется прямое значение — «тонкий, острый, маленький кусочек дерева, вонзившийся в тело», и переносное — «вредный, вездливый человек». Образный характер переносного значения слова очевиден. Говоря о большом количестве чего-либо, можно употребить слово *много* в прямом значении, а можно использовать другие слова в переносном значении — *лес труб, град ударов, бездна книг, туча комаров, пропасть дел* и т. д.

С понятием переносного употребления слов связаны такие художественные средства, как метафора, метонимия, синекдоха, широко используемые в ораторских выступлениях, устном общении.

Метафора основана на переносе наименования по сходству. Метафоры образуются по принципу олицетворения (*вода бежит*), овеществления (*стальные нервы*), отвлечения (*поле деятельности*) и т. д. В роли метафоры могут выступать различные части речи: глагол, существительное, прилагательное. Довольно часто метафоры используются и в обиходной речи. Нередко мы слышим и сами говорим: *идет дождь, часы стали, железный характер, теплые отношения, острое зрение*. Однако эти метафоры утратили свою образность и носят бытовой характер.

Метафоры должны быть оригинальными, необычными, вызывать эмоциональные ассоциации, помогать глубже осознать, представить событие или явление. Вот, к примеру, какие метафоры использовал в папугуственном слове первокурсникам выдающийся физиолог академик А. А. Ухтомский:

Ежегодно все новые волны молодежи приходят с разных концов в университет на смену предшественникам. Какой мощный ветер гонит сюда эти волны, мы начинаем понимать, вспоминая о горестях и лишениях, которые приходилось испытывать, пробивая преграды к этим заветным стенам. С силою инстинкта устремляется молодежь сюда. Инстинкт этот — стремление знать, знать все больше и глубже.

В этом отрывке несколько метафор: *волны молодежи, какой мощный ветер гонит сюда эти волны, пробивая преграды, к этим заветным стенам*. Они создают определенный эмоциональный настрой слушателей, заставляют прочувствовать значимость происходящего.

Особый эффект достигается, когда в речи сталкиваются прямое и метафорическое значения слова. Например, интригующе звучит такая фраза: «У нас сегодня печальный юбилей. Ровно год назад наш город был потрясен трагическим событием: на железнодорожной станции произошло крушение поезда». В данном предложении глагол *потрясен* имеет прямое значение («заставить дрожать, сотрясаться, колебаться») и переносное («сильно взволновать, произвести большое впечатление»).

Однако использование метафор, прямого и переносного значений слов не всегда делают речь художественной. Иногда выступающие увлекаются метафорами. «Чересчур блестящий

слог, — писал еще Аристотель, — делает незаметными как характеры, так и мысли».

Изобилие метафор отвлекает слушателей от содержания речи, внимание аудитории концентрируется на форме изложения, а не на содержании.

Метонимия в отличие от метафоры основана на смежности. Если при метафоре два одинаково называемых предмета, явления должны быть чем-то похожи друг на друга, то при метонимии два предмета, явления, получившие одно название, должны быть смежными. Слово *смежные* в этом случае следует понимать не просто как соседние, а несколько шире — тесно связанные друг с другом

У К. М. Симонова в одном из стихотворений читаем: «И зал встает, и зал поет, и в зале дышится легко». В первом и втором случаях слово *зал* означает людей, в третьем — «помещение». Следовательно, здесь название помещения используется для названия тех, кто в нем находится. Примерами метонимии является употребление слов *аудитория, класс, школа, квартира, дом, завод, колхоз* для обозначения людей.

Словом можно называть материал и изделия из этого материала (*золото, серебро, бронза, фарфор, чугун, глина*). Так, один из спортивных комментаторов, рассказывая о международных соревнованиях, сказал: «Золото и серебро получили наши спортсмены, бронза досталась французам».

Довольно часто в метонимическом значении используются географические наименования. Например, названия столиц употребляются в значении «правительство страны», «правлящие круги»: «переговоры между Лондоном и Вашингтоном», «Париж волнуется», «Варшава приняла решение» и т. п. Географические названия обозначают и людей, живущих на данной территории. Так, *Беларусь* синонимично сочетанию *белорусский народ*, *Украина* — *украинский народ*.

Синекдоха — троп, сущность которого заключается в том, что называется часть вместо целого, используется единственное число вместо множественного или, наоборот, целое — вместо части, множественное число — вместо единственного.

Примером применения синекдохи служат эмоциональные, образные, глубокие по содержанию слова М. А. Шолохова о характере русского человека. Употребляя слово *человек* и собственное имя *Иван*, писатель подразумевает весь народ:

Символический русский Иван — это вот что: человек, одетый в серую шинель, который не задумываясь, отдавал последний кусок хлеба и фронтовые тридцать граммов сахара осиротевшему в грозные дни войны ребенку, человек, который своим телом самоотверженно прикрывал товарища, спасая его от неминуемой гибели, человек, который, стиснув зубы, переносил и перенесет все лишения и невзгоды, идя на подвиг во имя Родины.

Хорошее имя Иван!

Сравнение. Это образное выражение, построенное на сопоставлении двух предметов или состояний, имеющих общий признак. Сравнение предполагает наличие трех данных: во-первых, то, что сравнивается («предмет»), во-вторых, с чем сравнивается («образ»), в-третьих, то, на основании чего одно сравнивается с другим («признак»).

Так, А. В. Луначарский, выступая на I Всесоюзном съезде учителей, говорил об органической связи всех ступеней образования, о роли науки в жизни страны. Поясняя свою мысль, он прибегнул к простому и убедительному для того времени сравнению:

Как без цемента не может быть построено здание, так нельзя сейчас руководить государственным или хозяйственным делом без науки.

В данном примере наука («предмет») сравнивается с цементом («образ»), без которого не может быть построено здание («признак»).

Поскольку сравнение предполагает наличие не одного, а двух образов, слушающий получает две информации, которые взаимосвязаны, т. е. один образ дополняется другим. С помощью сравнения говорящий выделяет, подчеркивает предмет или явление, обращает на него особое внимание. Все это приводит к лучшему усвоению и запоминанию сказанного, что очень важно для слушающего. Когда читается книга, статья, то непонятное место можно перечитать, вернуться к нему еще раз. Когда же слушается выступление, то, как правило, только после его окончания можно попросить пояснить то, что оказалось непонятным.

Сравнение только тогда будет действенным, когда оно органически связано с содержанием, когда оно не затемняет мысль, а поясняет ее, делает более простой. Сила сравнения — в его

оригинальности, необычности, а это достигается путем сближения предметов, явлений или действий, которые, казалось бы, ничего общего между собой не имеют. П. Сергеев в книге «Искусство речи на суде» пишет:

Чем больше различия в предметах сравнений, тем неожиданнее черты сходства, тем лучше сравнение.

Оригинально, например, показались факты в науке И.П. Павлов, обращаясь к молодым ученым:

Приучите себя к сдержанности и терпению. Научитесь делать черную работу в науке. Изучайте, сопоставляйте, накапливайте факты.

Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло бы поднять ее в высоту, не опираясь на воздух.

Факты — это воздух ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши «теории» — пустые потуги.

Но изучая, экспериментируя, наблюдая, старайтесь не остаться у поверхности фактов. Не превращайтесь в архивариусов фактов. Попытайтесь проникнуть в тайну их возникновения. Настойчиво ищите законы, ими управляющие.

В устных выступлениях сравнения нередко используют, чтобы привлечь внимание слушателей к предмету разговора. Для этого прибегают к сложному, развернутому сравнению, позволяющему слушателю лучше понять освещаемую проблему, глубже осмыслить тему разговора.

Яркие, выразительные сравнения придают речи особую поэтичность. Совершенно иное впечатление производят сравнения, которые в результате частого их употребления утратили свою образность, превратились в речевые штампы. Вряд ли у кого вызовут положительные эмоции такие распространенные выражения: «храбрый, как лев»; «трусливый, как заяц»; «отражались, как в зеркале»; «проходят красной нитью» и др. Плохо, когда в речи применяются неверные сравнения. Такие сравнения затрудняют понимание основной мысли оратора, отвлекают внимание слушателей от содержания речи.

Эпитеты — художественные определения. Они позволяют более ярко характеризовать свойства, качества предмета или явления и тем самым обогащают содержание высказывания. Обратите внимание, какие выразительные эпитеты находит

А.Е.Ферсман, чтобы описать красоту и великолепие зеленых камней

Яркокрасочный изумруд, то густой, почти темный, прорезанный трещинами, то сверкающий ярко ослепительной зеленью, сравнимый лишь с камнями Колумбии; ярко-золотистый «хризолит» Урала, тот прекрасный искристый камень демантоид, который так ценила за граница, и следы которого нашли в старинных раскопках Экбатаны в Персии. Целая гамма тонов связывает слабо зеленоватые или синеватые бериллы с **густозелеными** темными **аквамаринами** Ильменских копей, и как ни редки эти камни, но их красота почти **не** имеет себе равных (подчеркнуто нами. — *Авт.*).

Как и другими средствами речевой выразительности, эпитетами не рекомендуется злоупотреблять, так как это может привести к красноте речи в ущерб ее ясности и понятности. Полезным в этом отношении может оказаться совет А. П. Чехова. В одном из своих писем он отмечал:

.. читая корректуру, вычеркивайте, где можно, определения существительных и глаголов. У Вас так много определений, что вниманию читателя трудно разобраться, и он утомляется. Понятно, когда я пишу: «Человек сел на траву», это понятно, потому что ясно и не задерживает внимания. Наоборот, неудобопонятно и тяжело для мозгов, если я пишу: «Высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжей бородкой сел на зеленую, уже измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и пугливо оглядываясь». Это не сразу укладывается в мозг.

Законченной и общепринятой теории эпитета пока не существует. Нет и единого понимания содержания термина *эпитет*. В научной литературе обычно выделяют три типа эпитетов: **общезыковые** (постоянно употребляются в литературном языке, имеют устойчивые связи с определяемым словом: *трепещущий мороз, тихий вечер, быстрый бег*); народно-поэтические (употребляются в устном народном творчестве: *красная девица, чистое поле, серый волк*); индивидуально-авторские (созданы авторами: *мармеладное настроение* (А. Чехов), *чурбанное равнодушие* (Д. Писарев).

Большую помощь в подборе свежих эпитетов и удачном их использовании может оказать «Словарь эпитетов русского литературного языка» К. С. Горбачевича, Е.П. Хабло (Л., 1979).

Для наглядности приведем материалы из словарной статьи к слову *авторитет*, опуская приведенные там примеры употребления эпитетов в художественных произведениях.

Авторитет. При положительной оценке. Безграничный, большой, важный (устар.), всемирный, высокий, громадный, заслуженный, здоровый, исключительный, незыблемый, непоколебимый, неограниченный, неопровержимый, неоспоримый, непогрешимый, непреклонный, непререкаемый, общепризнанный, огромный, оправданный, признанный, прочный, святой (устар.), солидный, устойчивый, хороший

При отрицательной оценке. Грошовый (разг.), дешевый (разг.), дутый (разг.), липовый (*простореч.*), невысокий, неоправданный, подмоченный (разг.), подорванный, пошатнувшийся, сомнительный, шаткий.

Редкие эпитеты. Голый, докторальный, огненный.

Для оживления речи, придания ей эмоциональности, выразительности, образности употребляют также **приемы** стилистического синтаксиса, так называемые фигуры: антитеза, инверсия, повтор и др.

Начиная с античных времен, ораторы вводили в свою речь эти фигуры. Например, Марк Туллий Цицерон произнес несколько речей против Луция Сергия Каталины, патриция по происхождению, возглавившего заговор для насильственного захвата власти. Обращаясь к квиритам (так в Древнем Риме официально назывались полноправные римские граждане), Цицерон сказал:

.. На нашей стороне сражается чувство чести, на той — наглость; здесь — стыдливость, там — разврат; здесь — верность, там — обман; здесь — доблесть, там — преступление; здесь — непоколебимость, там — неистовство; здесь — честное имя, там — позор; здесь — сдержанность, там — распушенность; словом, справедливость, умеренность, храбрость, благоразумие, все доблести борются с несправедливостью, развращенностью, ленью, безрассудством, всяческими пороками; наконец, изобилие сражается с нищетой, порядочность — с подлостью, разум — с безумием, наконец, добрые надежды — с полной безнадежностью.

В речи сопоставляются резко противоположные понятия: *честь — наглость, стыдливость — разврат, верность — обман, доблесть — преступление, непоколебимость — неистов-*

ство, честное имя — позор, сдержанность — распущенность и т. п. Это с особой силой действует на воображение слушателей, вызывает у них яркие представления о названных предметах и событиях. Такой прием, основанный на сопоставлении противоположных явлений и признаков, называется антитезой. Как говорил П. Сергеев:

.. главные достоинства этой фигуры заключаются в том, что обе части антитезы взаимно освещают одна другую; мысль выигрывает в силе; при этом мысль выражается в сжатой форме, и это также увеличивает ее выразительность.

Антитеза широко представлена в пословицах и поговорках: «Мужественный пеняет на себя, малодушный — на товарища»; «Велик телом, да мал делом», «Труд всегда дает, а лень только берет»; «На голове густо, да в голове пусто». Для сравнения двух явлений в пословицах используют антонимы — слова с противоположным значением: *мужественный — малодушный, велик — мал, труд — лень, густо — пусто*. На этом принципе построены многие строки из художественных, публицистических, поэтических произведений. Антитеза — действенное средство речевой выразительности и в публичной речи.

Приведем отрывок из Нобелевской лекции А. Солженицына. Использование антитезы, сопоставление противоположных понятий позволили писателю выразить главную мысль более ярко и эмоционально, точнее высказать свое отношение к описываемым явлениям:

То, что по одной шкале представляется издали завидной благоденственной свободой, то по другой шкале вблизи ощущается досадным принуждением, зовущим к переворачиванию автобусов. То, что в одном краю мечталось бы как неправдоподобное благополучие, то в другом краю возмущает как дикая эксплуатация, требующая немедленной забастовки. Разные шкалы для стихийных бедствий: наводнение в двести тысяч жертв кажется мельче нашего городского случая. Разные шкалы для оскорбления личности: где унижает даже ироническая улыбка и отстраняющее движение, где и жестокие побои простительны как неудачная шутка. Разные шкалы для наказаний, для злодеяний. По одной шкале месячный арест, или ссылка в деревню, или «карцер», где кормят белыми булочками да молоком, — потрясают воображение, заливают газетные полосы гневом. А по другой шкале привычны и проще-

ны— и тюремные сроки по двадцать пять лет, и карцеры, где на стенах лед, но раздевают до белья, и сумасшедшие дома для здоровых, и пограничные расстрелы бесчисленных неразумных, все, почему-то куда-то бегущих людей

Ценное средство выразительности в **выступлении—инверсия**, т. е. изменение обычного порядка слов в предложении со смысловой и стилистической целью. Так, если прилагательное поставить не перед существительным, к которому оно относится, а после него, то этим усиливается значение определения, характеристика предмета. Вот пример такого словорасположения: *Он был страстно влюблен не просто в действительность, а в действительность постоянно развивающуюся, в действительность вечно новую и необычную.*

Чтобы привлечь внимание слушателей к тому или иному члену предложения, применяют самые различные перестановки, вплоть до вынесения в повествовательном предложении сказуемого в самое начало фразы, а подлежащего — в конец. Например: *Чествовали героя дня всем коллективом; Как бы трудно ни было, сделать это должны мы.*

Благодаря всевозможным перестановкам в предложении, даже состоящем из небольшого количества слов, зачастую можно создать несколько вариантов одного предложения, и каждый из них будет иметь различные смысловые оттенки. Естественно, что при перестановках необходимо следить за точностью высказывания.

Нередко для усиления высказывания, придания речи динамичности, определенного ритма прибегают к такой стилистической фигуре, как повторы. Формы повтора бывают самые разнообразные. Начинают несколько предложений одним и тем же словом или группой слов. Такой повтор называется анафорой, что в переводе с греческого языка означает единоначатие. Вот как этот прием использовал Л. И. Леонов в докладе, посвященном 150-летию со дня рождения А. С. Грибоедова:

Есть книги, которые читаются; есть книги, которые изучаются терпеливыми людьми; есть книги, что хранятся в сердце нации. Мой освобожденный народ высоко оценил благородный гнев «Горе от ума» и, отправляясь в дальний и трудный путь, взял эту книгу с собою...

Писатель трижды повторил сочетание *есть книги* в одинаковых синтаксических конструкциях и тем самым подготовил слушателей к мысли, что произведение А. С. Грибоедова «Горе от ума» занимает особое место в сердцах русских людей.

Повторяющимися словами бывают служебные единицы, например, союзы и частицы. Повторяясь, они выполняют экспрессивную функцию. Вот отрывок из лекции А. Е. Ферсмана «Камень в культуре будущего». Неоднократно повторяя вопросительную частицу *разве*, ученый усиливает интонационный колорит речи, создает особый эмоциональный настрой:

И когда мы попытаемся так охарактеризовать грядущее техники, то невольно угадываешь ту роль, которую сыграл в нем наш драгоценный камень.

Разве он не отвечает больше, чем что-либо другое, именно указанным качествам? Разве сами драгоценные камни не являются эмблемой твердости, постоянства и вечности? Разве есть что-либо тверже алмаза, что может сравниться с прочностью и нерушимостью этой формы углерода?

...Разве корунд в многочисленных своих видоизменениях, топаз и гранат не являются основными шлифующими материалами, и с ними сравнимы лишь новые искусственные продукты человеческого гения?

Разве кварц, циркон, алмаз и корунд не являются одними из самых устойчивых химических группировок природы и разве огнестойкость и неизменяемость многих из них при высоких температурах не превышают далеко огнестойкость подавляющего большинства других тел?

Иногда повторяют несколько раз целые предложения, чтобы подчеркнуть, выделить, сделать более наглядной стержневую мысль, заключенную в них.

В устной речи повторы встречаются и в конце фразы. Как и в начале предложения, повторяться могут отдельные слова, словосочетания, речевые конструкции. Подобная стилистическая фигура называется **эпифорой**. Приведем пример эпифоры из статьи В. Г. Белинского:

Для таких поэтов всего невыгоднее являться в переходные эпохи развития обществ; но истинная гибель их таланта заключается в ложном убеждении, что для поэта довольно чувства... Это особенно вредно для поэтов нашего времени: теперь все поэты, даже великие, должны быть вместе и мыслителями, иначе не поможет и

талант... Наука, живая, современная наука, сделалась теперь пес-туном искусства, и без нее — немощно вдохновение,, бессилена та-лант!..

Если задать вопрос: «К какой форме речи относятся лек-ция, доклад, выступление на собрании? Диалог это или моно-лог?», думать долго никто не станет. Каждый скажет: «Конеч-но, монолог. Говорит один человек, его речь не рассчитана на словесную реакцию собеседника. Выступление, к тому же, может быть долгим». Все так. Но хорошо ли это? Ведь слуша-телям тоже хочется что-нибудь сказать: возразить оратору или согласиться с ним, попросить уточнить какую-то мысль, разъяс-нить что-то, объяснить непонятное слово. Как же в таком слу-чае поступить? Выход есть.

В практике ораторского искусства выработаны приемы, ко-торые не только оживляют повествование, придают ему выра-зительность, но и диалогизируют монологическую речь.

~ Один из таких приемов — вопросно-ответный ход. Он за-ключается в том, что оратор, как бы предвидя возражения слу-шателей, угадывая их возможные вопросы, сам такие вопросы формулирует и сам на них отвечает. Вопросно-ответный ход превращает монологическую речь в диалог, делает слушателей собеседниками оратора, активизирует их внимание, вовлекает в научный поиск истины.

Умело и интересно поставленные вопросы привлекают вни-мание аудитории, заставляют следить за логикой рассуждения. Вопросно-ответный ход — один из наиболее доступных оратор-ских приемов. Доказательством этого служит лекция «Холод-ный свет», прочитанная крупнейшим мастером популяризации научных знаний С. И. Вавиловым:

Возникает вопрос, а почему же спиртовое пламя, в которое вве-дена столовая соль, светится ярким желтым светом, несмотря на то, что его температура почти такая же, как температура спички? Причина в том, что пламя не абсолютно черное для любых цветов. Только желтый цвет поглощается им в большей степени, поэтому лишь в этой желтой части спектра спиртовое пламя и ведет себя как теплый излучатель со свойствами черного тела.

Как объясняет новая физика удивительные свойства «холодно-го света»? Громадные успехи, полученные наукой в понимании строения атомов и молекул, а также о природе света, дали воз-

можность хотя бы в общих чертах понять и объяснить люминесценцию.

Как объясняется, наконец, тушение «холодного света», которое мы видим на опыте? Причины в различных случаях существенно различные...

Действенность этого приема особенно ощутима, если соответствующую часть выступления произнести без вопросительных предложений.

Вопросно-ответный ход используется не только для придания речи выразительности и эмоциональности, но и применяется как действенное средство в скрытой полемике. Если в речи излагается спорный вопрос, который может вызвать у слушателей сомнение, то выступающий, предвидя это, прибегает к вопросно-ответному приему.

Оживляют лекцию и предполагаемые оратором реплики слушателей, с которыми он или соглашается или спорит. Эти реплики также вносят в монолог элементы диалога. Так, известный русский историк В. О. Ключевский в лекции «О взгляде художника на обстановку и убор изображаемого им лица» дважды использовал этот прием. Прочитируем данные места его лекции:

Если исключить редких чудаков, мы обыкновенно стараемся окружить и выставить себя в лучшем виде, показаться себе самим и другим даже лучше, чем мы на самом деле. Вы скажете: это суетность, тщеславие, притворство. Так, совершенно так. Только позвольте обратить ваше внимание на два очень симпатичных побуждения. < . . >

А посмотрите, как она (боярыня Федосья Прокофьевна Морозова. — *Авт.*), оставшись молодой вдовой, в «смирном образе», по нашему в трауре, выезжала из дома: ее сажали в дорогую карету, украшенную серебром и мозаикой, в шесть или двенадцать лошадей, с гремющими цепями; за нею шло слуг, рабов и рабынь человек со сто, а при особенно торжественном поезде с двести и с триста, оберегая честь и здоровье своей государыни-матушки. Царица ассирийская, да и только, скажете вы, — раба суеверного и тщеславного пышного века. Хорошо.

В отрывках В. О. Ключевский мнение аудитории выделяет словами *вы скажете*, а затем формулирует свое отношение к этому: *Так, совершенно так. Хорошо.*

Приемы диалогизации монолога, характерные для оратор-

ской речи, получили распространение в публицистике, художественной литературе.

Помимо вопросно-ответного приема нередко применяют так называемый эмоциональный или **риторический вопрос**. Особенность его заключается в том, что он не требует ответа, а служит для эмоционального утверждения или отрицания чего-либо. Обращение с вопросом к аудитории — эффективный прием.

Произнесенный оратором риторический вопрос воспринимается слушателями не как вопрос, на который необходимо дать ответ, а как положительное утверждение. Именно такое значение имеет риторический вопрос в заключительной части лекции А. Е. Ферсмана «Зеленые камни России»:

Что может быть интереснее и прекраснее этой тесной связи между глубокими законами распределения химических элементов в земной коре и распространением в ней ее неживых цветов — драгоценного камня?!

Слава русского зеленого камня коренится в глубоких законах геохимии России, и не случайно наша страна сделалась страной зеленого самоцвета.

Риторический вопрос усиливает воздействие речи на слушателей, пробуждает в них соответствующие чувства, несет большую смысловую и эмоциональную нагрузку.

К средствам выразительности относят **и прямую речь**, которую вводят в выступление. Эта речь может быть точной или приблизительной, а иногда даже вымышленной. Дословно переданная чужая речь называется цитатой. Иногда кажется, что цитирование не требует особого умения. Однако и в этом есть свои особенности, свои положительные и отрицательные стороны, которые необходимо учитывать. Например, некоторые свою речь строят на одних цитатах. Такие выступления вызывают недоумение, т. е. слушатели хотят знать мнение самого оратора, результаты его наблюдений. Кроме того, обилие цитат утомляет аудиторию, поскольку на слух трудно бывает уловить, что из сказанного принадлежит автору, а что тем, кого он цитирует. Поэтому прежде всего необходимо из выбранных для выступления цитат отобрать наиболее интересные, содержательные, оригинальные или наименее известные.

Не всегда выступающие умело вводят цитату, не **учитывают**, как она воспринимается на слух.

Надо так подать цитату, чтобы легко улавливалось, где ее начало и конец.

Очень важно не исказить мысль цитируемого автора. Ведь отдельно взятое предложение или несколько предложений **могут** иметь иное значение, чем в контексте.

Нельзя произвольно изменять текст, т. е. переставлять слова, вводить вместо одного слова другое, изменять грамматическую форму **слов**.

Цитата должна быть точной.

Необходимо знать, кому принадлежат цитируемые слова, из какого источника они взяты, каковы выходные данные **источника**. Иногда эти сведения приводятся после цитаты, когда называется использованная литература или когда отвечают на вопросы слушателей, если об этом кто-либо из присутствующих спросит.

В беседах на различные темы, в которых приходится обсуждать чужие мысли, **доступки**, действия, говорить о чувствах людей, преимущественно применяется **приблизительная** (или вымышленная) **прямая речь**. Она оживляет высказывание, делает его эмоциональным, привлекает внимание слушателей. Введение прямой речи помогает диалогизировать высказывание. Удачно, например, использовал прямую речь в лекции «Научно-технический прогресс и математика» академик Б. В. Гнеденко:

После того, как мы продемонстрировали машину и наши гости сами поработали с ней, профессор Иванов, о котором я вам рассказывал, заявил: «Идите работать с нами, мы умеем диагностировать хорошо, с нами вы сумеете создать такую машину, которая будет диагностировать не хуже лучшего диагноста мира».

Врач-терапевт, специалист по диагностике заболеваний пищеварительного **тракта**, сказал иначе: «Зачем вы взяли за такую трудную задачу, как диагностика сердечных заболеваний. Давайте работать вместе, и мы создадим такую машину, которая будет диагностировать практически без ошибок».

Наконец, психиатры реагировали так: «Ну зачем вы взяли за диагностику сердечных заболеваний, — говорили они. — Вам каждый инженер скажет, что сердце — это простой насос, который онит жидкость по трубам. А вот человеческую психику не знает

никто. Давайте работать с нами. Без математиков здесь дело пойти не может. **И любой шаг** в области изучения высшей нервной деятельности для человечества будет величайшим благом. С психикой связаны не только заболевания людей. От нее зависит вся повседневная человеческая деятельность. Мы не знаем возможностей человеческой психики, не знаем, насколько мы ее можем загружать. Нам неизвестно, правильно ли мы учим людей, правильно ли мы лечим их».

Опытные ораторы не просто вводят в текст прямую речь, но и комментируют чужое высказывание, определяют к нему свое отношение, а иногда и вступают в полемику с конкретным (или вымышленным) лицом, чья речь цитируется. Приведем пример использования этого приема в лекции «О важнейших предметах воспитания», прочитанной профессором Московского университета П. С. Александровым:

Вчера в мои руки попало высказывание одного из крупнейших современных физиков, старого геттингенского профессора **Макса Борна**: «Будущее науки зависит от того, удастся ли эту потребность, порыв и стремление к творчеству согласовать и привести в гармонию с условиями социальной жизни и этики».

К этим словам можно добавить только то, что от этого зависит не только судьба науки, но, может быть, и судьба человечества.

Как форма передачи чужого высказывания в выступлении употребляется и **косвенная речь**, передающая чьи-либо слова от третьего лица. Пример введения косвенной речи находим в упомянутой выше лекции П. С. Александрова: _

Чайковский говорил о музыке как об особенном средстве общения людей, которое не может быть заменено никаким другим средством общения. Вспоминаю один концерт в консерватории: давали Первую симфонию Бетховена. Я обратил внимание на выражение лиц наших студентов.

Косвенная речь по сравнению с прямой речью менее выразительна и экспрессивна. Как справедливо заметил П. Серге-

...передать вполне понятным образом чужое чувство, чужую мысль несравненно труднее в описательных выражениях, чем в тех словах, в которых это чувство или мысль выражается непо-

средственно... последний способ выражения и точнее, и понятнее, и, главное, убедительнее для слушателей.

Хороший эффект дает умелое сочетание в выступлении прямой и косвенной речи. С одной стороны, это позволяет избежать обильного цитирования, а с другой, делает высказывание более разнообразным и ярким. В качестве примера используем отрывок из лекции, посвященной творчеству Н.А. Некрасова:

Мы убедились в том, что подлинно новаторские творения всегда вызывают разноречивые суждения, неоднозначные оценки современников. Вспомните неприятие критиками «Грозы», борьбу и споры вокруг романа «Отцы и дети»... Такая же судьба постигла и лирику Некрасова. Мнения и оценки читателей и критиков резко разделились.

Так, тонкий ценитель изящного, известный критик-эстет Василий Боткин утверждал, что стихи Некрасова не могут «волновать по-настоящему — какой грубый слог, топорные фразы... будто не скульптор ваял из благородного мрамора, а мужик топором полено рубил».

В то же время Белинский «давал голову на отсечение, что у Некрасова есть талант», что он «поэт — и поэт истинный». Тургенев в минуту раздражения уверял, что «в стихах Некрасова поэзия и не ночевала», но он же признавался, что стихотворение «Еду ли ночью...» его «совершенно с ума свело»: «денно и ночью твержу я это удивительное произведение и уже наизусть выучил».

Сам Некрасов сокрушенно восклицал: «Нет в тебе поэзии свободной, мой суровый, неуклюжий стих». А Чернышевский и Добролюбов называли его «единственной прекрасной надеждой нашей литературы», «любимейшим русским поэтом».

Кто из них прав? Как примирить, казалось бы, непримиримое? Где истина?

Работа, которую мы с вами сделаем сегодня, позволит нам подойти к решению этого вопроса.

Богатый материал для выступлений содержит устное народное творчество. Настоящий клад для оратора — **пословицы** и поговорки. Это меткие образные народные выражения с назидательным смыслом, обобщающие различные явления жизни. В кратких изречениях народ выразил знание действительности, отношение к различным ее проявлениям. Они помогают понять историю **нашего народа**: учат любить Родину, быть

честным и справедливым. Пословицы величают труд, порицают лень, высмеивают жадность, укрепляют веру в добро и справедливость, призывают уважать знание и книгу. «А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!» — так говорил о русских пословицах А. С. Пушкин.

Пословицы и поговорки представляют собой сгустки народной мудрости, они выражают истину, проверенную многовековой историей народа-творца, опытом многих поколений. «Пословица недаром молвится», — гласит народная мудрость. В них выражены радость и горе, гнев и печаль, любовь и ненависть, ирония и юмор. Поэтому в речи пословицы и поговорки приобретают особое значение. Они не только усиливают выразительность речи, придают остроту, углубляют содержание выступлений, но и помогают найти путь к сердцу слушателей, завоевать их уважение и расположение.

Чем же привлекают пословицы и поговорки? Почему их рекомендуют использовать в устных выступлениях?

Обобщающий характер пословиц и поговорок позволяет в образной и чрезвычайно краткой форме выразить суть высказывания. Народные изречения приводятся и для формулировки отдельных положений высказывания.

Часто пословицы и поговорки служат отправным моментом для начала выступления, развития темы, раскрытия какого-либо положения или являются заключительным аккордом, выводом, используются для обобщения сказанного. Вот, к примеру, как закончил Нобелевскую лекцию А. Солженицын:

В русском языке излюблены пословицы о правде. Они настойчиво выражают немалый тяжелый народный опыт, и иногда поразительно:

ОДНО СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ.

Вот на таком мнимо-фантастическом нарушении закона сохранения масс и энергий основана и моя собственная деятельность, и мой призыв к писателям всего мира.

Пословицы и поговорки приводятся и как иллюстрации, образные параллели к высказываемому. Такое употребление пословиц и поговорок позволяет выразить мысль более ярко и убедительно. Образные иллюстрации надолго запоминаются

слушателям. Интересно обыграл народную поговорку в одном из своих выступлений М. А. Шолохов:

Старая народная поговорка, давно родившаяся там, где бурлят стремительные горные потоки, говорит: «Только мелкие реки шумливы».

Отшумели собрания областных и краевых писательских организаций, собрания, наполненные острой полемикой, задорными речами. Республиканские съезды прошли на более сдержанном у ров-

Пример использования пословиц в качестве образных параллелей, подкрепляющих мысль, содержится в речи Г. Е. Николаевой:

«Рыбак рыбака видит издалека», — есть такая пословица. Талант издалека увидит талант. Ум издалека узнает ум и тянется к нему. Принципиальность издалека узнает принципиальность и тянется к ней. Ограниченность и беспринципность также издалека узнают ограниченность и беспринципность и тоже тянутся друг к другу. Поэтому опасно, когда у руководства творческой организацией стоят люди посредственные и малопринципиальные, не знающие цены подлинному подвижническому писательскому труду, ограниченные в своих убеждениях и не способные к хозяйскому, объективному взгляду на литературу.

В этом выступлении пословица не только иллюстрация. Последующие предложения имеют одинаковую синтаксическую структуру, близкую к структуре пословицы. Несколько иной порядок слов создает большую контрастность и объясняется тем, что у существительных *талант*, *ум*, *принципиальность*, *ограниченность*, *беспринципность* совпадают по написанию и звучанию формы именительного и винительного падежей. Сравните: «Рыбак рыбака видит издалека», но «Талант издалека увидит талант». Близость структуры народной пословицы и авторских предложений придает последним афористичность, достоверность. Смысл пословицы распространяется на другие явления жизни, одновременно расширяется и конкретизируется.

Пословицы и поговорки оживляют высказывание, привлекают внимание слушателей, создают определенный психологический настрой.

Иногда пословицы и поговорки привлекают, чтобы придать высказыванию шутливо-иронический оттенок. В таком значе-

нии пословица встречается в речи С. В. Михалкова на съезде писателей, в которой он говорит о сатирических и комедийных жанрах:

Слишком часто приходится нам выслушивать и такие рассуждения: «Где вы видели таких глупцов в нашей действительности? Такие должностные лица для нашего государственного аппарата не типичны». Но ведь мы же знаем, что такие глупцы есть, и что порядком поряг нам всю жизнь, и если зритель от души смеется над ними, то это как раз то, что и требуется. Ведь недаром говорится в народной пословице: «Бойся коровы спереди, лошади — сзади, а дурака — со всех сторон».

Приведенная пословица придает словам иронический оттенок, оживляет выступление и вызывает одобрение людей.

Успех употребления пословиц и поговорок в речи зависит от того, насколько удачно подобраны нужные пословицы и поговорки. Недаром говорится: «Хороша пословица в лад да в масть».

Для создания образности и эмоциональности речи служит фразеология русского языка. Она необыкновенно богата и разнообразна по своему составу, обладает большими стилистическими возможностями, обусловленными ее внутренними свойствами, которые и составляют специфику фразеологизмов. Это — семантическая емкость, эмоционально-экспрессивная окрасенность, разнообразие ассоциативных связей. Выражение эмоционального, субъективного начала в речи, оценочность, смысловая насыщенность фразеологизма действуют постоянно, независимо от воли говорящего.

Фразеологизмы помогают немногими словами сказать многое, поскольку они определяют не только предмет, но и его признак, не только действие, но и его обстоятельства. Усложненность семантики фразеологизмов отличает их от однословных синонимов. Так, устойчивое сочетание *на широкую ногу* означает не просто «богато», а «богато, роскошно, не стесняясь в средствах». Фразеологизм *заметать следы* означает не просто «уничтожать, устранять что-либо», а «устранять, уничтожать то, что может служить уликой в чем-либо».

Фразеология привлекает выступающих своей экспрессивностью, потенциальной возможностью положительно или отрицательно оценивать явления, выражать одобрение или осуж-

дение, ироническое, насмешливое или иное отношение к нему. Особенно ярко это проявляется у так называемых фразеологизмов-характеристик, например: *белая ворона, подсадная утка, блудный сын, неробкого десятка, одного поля ягодка, собака на сене*.

Особого внимания заслуживают фразеологизмы, оценочность которых обусловлена их происхождением. Действительно, чтобы понять обличительный характер фразеологизмов, например, *дары данайцев, козел отпущения*, надо знать историю возникновения устойчивого словосочетания. Почему *дары данайцев* — «коварные дары, несущие с собой гибель для тех, кто их получает», какова история появления этого фразеологизма? Выражение взято из греческих сказаний о Троянской войне. «Данайцы, после длительной и безуспешной осады Трои, прибегли к хитрости: они соорудили огромного деревянного коня, оставили его у стен Трои, а сами сделали вид, что уплывают от берега Трояды. Жрец Лаокоон, увидя этого коня и зная хитрости данайцев, воскликнул: «Что бы это ни было, я боюсь данайцев, даже дары приносящих!» Но троянцы, не слушая предостережений Лаокоона и пророчицы Кассандры, втащили коня в город. Ночью данайцы, спрятавшиеся внутри коня, вышли, перебили стражу, открыли городские ворота, впустили вернувшихся на кораблях товарищей и, таким образом, овладели Троей» [9, 148].

Примечательно и происхождение выражения *козел отпущения*. Встречается оно в Библии и связано с особым обрядом у древних евреев возлагать грехи всего народа на живого козла, поэтому так называют человека, на которого сваливают чужую вину, несущего ответственность за других.

Фразеологизмы, по происхождению восходящие к античной мифологии, довольно разнообразны. Каждый такой фразеологизм вызывает определенные ассоциативные связи, соотносится с образами героев античности, чем обусловлена их смысловая насыщенность и экспрессивность. Так, устойчивое словосочетание *дамоклов меч* в значении «нависшая, угрожающая опасность» связано с древнегреческим преданием о Дамокле, который был одним из приближенных сиракузского тирана Дионисия Старшего и с завистью говорил о нем, как о самом счастливом из людей. Дионисий решил проучить завистника и посадил его во время пира на свое место. И вот

тут Дамокл увидел у себя над головой острый меч, висящий на конском волосе. Дионисий объяснил, что это — символ тех опасностей, которым он, как властитель, постоянно подвергается, несмотря на кажущуюся счастливую жизнь.

Фразеологизм *прокрустово ложе* происходит от прозвища разбойника Полипемона. В греческой мифологии рассказывается, что Прокруст всех пойманных им укладывал на свое ложе и отрубал ноги тем, кто не помещался, а у тех, для кого ложе было длинным, ноги вытягивал. *Прокрустово ложе* означает «то, что является мерилom для чего-либо, к чему насильственно подгоняют или приспособливают что-либо».

Античные фразеологизмы служат прекрасным средством для передачи авторской иронии, насмешки. Такую функцию выполняют обороты *подвиги Геракла, троянский конь, сизифов труд, ящик Пандоры, между Сциллой и Харибдой, пиррова победа, эзопов язык, вавилонское столпотворение*.

Стилистическое использование многих эмоционально-экспрессивных фразеологизмов определяется своеобразием отношения между общим значением фразеологизма и значением его компонентов. Особый интерес представляют фразеологические единства, образность которых выступает как отражение наглядности, «картинности», заключенных в самом свободном словосочетании, на базе которого и образуется фразеологизм. Например, готовясь к работе, мы засучиваем рукава, чтобы удобнее было делать дело; встречая дорогих гостей, широко разводим руками, показывая, что готовы заключить их в свои объятия; при счете, если он небольшой, для удобства загибаем пальцы. Свободные словосочетания, называющие такие действия людей, обладают наглядностью, «картинностью», которая «по наследству» передается омонимичным фразеологизмам: *засучить рукава* — «усердно, старательно, энергично делать что-либо»; *с распростертыми объятиями* — «приветливо, радушно (принимать, встречать кого-либо)»; *пересчитать по пальцам* — «очень немного, мало».

Картинность фразеологизма, обусловленная наглядностью омонимического ему свободного словосочетания, становится особенно зримой, когда одновременно обыгрывается прямое и переносное значение. Это уже один из стилистических приемов. Приведем пример такого использования фразеологизма в одной из публицистических статей: «Аварийный выход» — сове-

ты владельцам компаний, которым грозят поглощения, слияние и прочие пищеварительные функции конкурентной борьбы, Правда, аварийный выход не гарантирует от исчезновения в стихии конкуренции. Ты берешь себя в руки, а тебя берут за горло. Дыхание прекращается, руки опускаются» [12, 65].

Берешь себя в руки — фразеологизм со значением «добиваться полного самообладания», а *берут за горло* означает «притесняют, принуждают поступать определенным образом». В приведенном тексте употребляется фразеологизм, но сквозь него про-
вечивается прямое значение свободного словосочетания *брать за горло*. Словосочетание *руки опускаются* имеет прямой смысл, но в нем пульсирует значение фразеологизма — «утрачивать способность или желание действовать, делать что-либо».

В данной главе приведены лишь некоторые тропы, фигуры, приемы, помогающие сделать речь образной и эмоциональной. Однако они не исчерпывают всего многообразия выразительных средств родной речи. Прибегая к ним, не следует забывать, что все эти «цветы красноречия», как называл их видный мастер русского судебного красноречия П. С. Пороховщиков, (П.Сергеич), хороши только в том случае, когда кажутся неожиданными для слушателя. Их нельзя, да и не нужно заучивать, их можно только впитать в себя вместе с народной речью, развивая и совершенствуя речевую культуру, речевой вкус и чутье.

Культура речи не только признак высокой культуры человека, но и обусловлена последней, поэтому важно систематически заниматься самообразованием. Большое значение для повышения речевой культуры имеет работа со справочной литературой, знакомство с различными лингвистическими словарями. Неоценимую услугу окажет обращение к отечественной литературе, особенно к поэзии.

великих писателей каждое отдельное слово бывает выбрано сознательно, с определенной целью — учил молодых ораторов П. С. Пороховщиков, — каждый отдельный оборот нарочито создан для данной мысли. <...> Мы <...> обязаны знать Пушкина наизусть; любим мы поэзию или нет, это все равно; обязаны для того, чтобы знать родной язык во всем его изобилии. <...> Старайтесь богаче ежедневно (75, 26—27]

Необходимо помнить, что правильность нашей речи, точ-

ность языка, четкость формулировок, умелое использование терминов, иностранных слов, удачное применение изобразительных и выразительных средств языка, пословиц и поговорок, крылатых слов, фразеологических выражений, богатство индивидуального словаря повышают эффективность общения, усиливают действенность устного слова.

Контрольные вопросы и задания

1. Что означает «точность речи» ?
2. Что такое «общепонятность», «общедоступность» речи ?
3. Охарактеризуйте лексику русского языка с точки зрения сферы ее употребления. Расскажите об использовании в речи профессионализмов, диалектизмов, жаргонизмов.
4. Назовите основные способы толкования терминов.
5. Как вы относитесь к употреблению в речи иностранных слов ? Какие ошибки встречаются в речи при их использовании ?
6. В чем заключается богатство русского языка ?
7. Что такое «выразительность речи» ? От каких условий она зависит ?
8. Охарактеризуйте основные средства речевой выразительности.
9. Расскажите об использовании в речи пословиц, поговорок, крылатых слов, фразеологических выражений.
10. Приведите свои примеры использования средств речевой выразительности.

3.4. Этические нормы речевой культуры (речевой этикет)

Этикет по происхождению французское слово (etiquette). Первоначально оно обозначало товарную бирку, ярлык (ср. *этикетка*), а затем так стали называть придворный церемониал. Именно в этом значении, особенно после принятия французского церемониала при венском дворе, слово *этикет* получило распространение в немецком, польском, русском и др. языках. Наряду с этим словом для обозначения совокупности принятых правил, определяющих порядок какой-либо деятельности, используется слово *регламентация* и словосочетание *дипломатический протокол*. Многие тонкости общения, представленные протоколом, учитываются и в других сферах деловых от-

ношений. Все большее распространение в деловых кругах, особенно в последнее время, получает деловой этикет, отражающий опыт, нравственные представления и вкусы определенных социальных групп.

Деловой этикет предусматривает соблюдение норм поведения и общения. Поскольку общение есть деятельность человека, процесс, в котором он участвует, то при общении в первую очередь учитываются особенности **речевого этикета**. **Под речевым этикетом понимаются разработанные правила речевого поведения, система речевых формул общения.**

Степень владения речевым этикетом определяет степень **профессиональной пригодности** человека. Это прежде всего относится к государственным служащим, политикам, педагогам, юристам, врачам, менеджерам, предпринимателям, журналистам, работникам сферы обслуживания, т.е. к тем, кто по роду своей деятельности постоянно общается с людьми.

Владение речевым этикетом способствует приобретению авторитета, порождает доверие и уважение. Знание правил речевого этикета, их соблюдение позволяет человеку чувствовать себя уверенно и непринужденно, не испытывать неловкости из-за промахов и неправильных действий, избежать насмешек со стороны окружающих.

Соблюдение речевого этикета людьми так называемых лингвоинтенсивных профессий имеет, кроме того, воспитательное **значение**, невольно способствует повышению как речевой, так и общей культуры общества.

Но наиболее важно: неукоснительное следование правилам речевого этикета членами коллектива ТОГО или иного учреждения, предприятия, производства, офиса оставляет у клиентов, соучредителей, партнеров благоприятное впечатление, поддерживает положительную **репутацию** всей организации.

Какие же факторы определяют формирование речевого этикета и его использование?

Речевой этикет строится с учетом особенностей партнеров, вступающих в деловые отношения, ведущих деловой разговор: социального статуса субъекта и адресата общения, их места в служебной иерархии, их профессии, национальности, вероисповедания, возраста, пола, характера.

Речевой этикет определяется ситуацией, в которой происходит общение. Это может быть презентация, конференция,

симпозиум; совещание, на котором обсуждается экономическое, финансовое положение компании, предприятия; прием на работу или увольнение; консультация; юбилей фирмы и др.

Речевой этикет имеет **национальную специфику**. Каждый народ создал свою систему правил речевого поведения. Например, В. Овчинников в книге «Ветка сакуры» так описывает своеобразие японского этикета:

В разговорах люди всячески избегают слов «нет», «не могу», «не знаю», словно это какие-то ругательства, нечто такое, что никак нельзя высказать прямо, а только иносказательно, обиняками.

Даже отказываясь от второй чашки чая, гость вместо «нет, спасибо» употребляет выражение, дословно обозначающее «мне уже и так прекрасно».

Если токийский знакомый говорит: «Прежде чем ответить на ваше предложение, я должен посоветоваться с женой», то не нужно думать, что перед вами поборник женского равноправия. Это лишь один из способов не произнести слова «нет».

К примеру, вы звоните японцу и говорите, что хотели бы встретиться с ним в шесть вечера в пресс-клубе. Если он в ответ начинает переспрашивать: «Ах, в шесть? Ах, в пресс-клубе?» и произносить какие-то ничего не значащие звуки, вы должны тут же сказать: «Впрочем, если вам это неудобно, можно побеседовать в другое время и в другом месте».

И вот тут собеседник вместо «нет» с превеликой радостью скажет «да» и ухватится за первое же предложение, которое ему подходит.

О некоторых особенностях речи французов и французского языка свидетельствует И. Эренбург:

В речах ораторы любят шеголять оборотами, взятыми у авторов XVIII века, а письмо, касающееся очередной биржевой сделки, маклер кончает, как его дедушка, обязательной формулой: «Благоволите, милостивый государь, принять уверения в моем глубоком к вам почтении».

...Французы любят конкретность, точность, ясность. Всего лучше об этом свидетельствует язык... По-французски не скажешь «она в ответ усмехнулась» или «он тогда махнул рукой»: нужно объяснить, как она усмехнулась — злобно, печально, насмешливо или, может быть, добродушно; почему он махнул рукой — от досады, от огорчения, от безразличия? Французский язык долго именовали дипломатическим, а его употребление, наверно, затрудняло работу дипломатов: по-французски трудно замаскировать мысль,

трудно говорить не договаривая. (И. Эренбург. Индия. Япония. Греция).

Показательно, в какой-то степени, эмоциональное высказывание телеведущей Оксаны Пушкиной о такой особенности деловых отношений в Америке, как корректность, уважительность, а главное — обязательность, безусловное исполнение принятого этикета:

В американских школах есть такой предмет — «Public relation-ship», «построение взаимоотношений». Даже дети знают основы взаимоотношений. Например, приходят на день рождения к твоему ребенку, и ты потом должен каждому написать открытку: «Спасибо, что ты пришел. Твой подарок был самый лучший». Так же и в бизнесе. Если посетил какую-то фирму, то обязательно придет отзыв: «Спасибо. Извините, нам с вами нечего делать». Но обязательно — спасибо. Здесь, в России, дашь кому-нибудь интервью и начинаешь по пятьдесят раз звонить в редакцию: пришлите мне, пожалуйста, газету с моим интервью. (О. Пушкина. Женские истории).

Особенно детально рассматривается различие между речевыми этикетами различных народов в справочниках под общим названием «Речевой этикет». В них приводятся русско-английские, русско-французские, русско-немецкие соответствия устойчивых выражений этикета. Например, в справочнике «Русско-английские соответствия», составленном Н.И. Формановской и С.В. Шведовой (М., 1990), не только даются примеры приветствия, прощания, выражения благодарности, извинения, поздравления, обращения к знакомым и незнакомым людям на русском и английском языках, но и указываются особенности употребления тех или иных выражений в английском языке. Вот как объясняется своеобразие английского языка в использовании форм обращения — *ты* и *вы*:

В английском языке, в отличие от русского, нет формального разграничения между формами *ты* и *вы*. Весь спектр значений этих форм заключен в местоимении you. Местоимение thou, которое по идее соответствовало бы русскому ты, вышло из употребления в XVII веке, сохранившись лишь в поэзии и Библии. Все регистры контактов, от подчеркнуто официальных до грубо-фамильярных, передаются другими средствами языка — интонацией, выбором соответствующих слов и — конструкций [83, 4].

Особенностью русского языка является именно наличие в нем двух местоимений *ты* и *вы*, которые могут восприниматься как формы второго лица единственного числа. Выбор той или иной формы зависит от социального положения собеседников, характера их отношений, от **официальной-неофициальной** обстановки. Представим это в таблице:

Вы	Ты
1. К незнакомому, малознакомому адресату	1. К хорошо знакомому адресату
2. В официальной обстановке общения	2. В неофициальной обстановке общения
3. При подчеркнуто вежливом, сдержанном отношении к адресату	3. При дружеском, фамильярном, интимном отношении к адресату
4. К равному и старшему (по положению, возрасту) адресату	4. К равному и младшему (по положению, возрасту) адресату

Некоторые лица, особенно занимающие более высокое положение, чем их собеседник, используют при обращении форму *ты*, нарочито подчеркивая, демонстрируя свое «демократическое», «дружеское», покровительственное отношение. Чаще всего это ставит в неловкое положение адресата, воспринимается как знак пренебрежительного отношения, посягательство на человеческое достоинство, как оскорбление личности.

Реакция на форму *ты* хорошо показана в произведении А. Уткина «Хоровод». Молодой дворянин прибывает по месту своей новой службы.

Я тут же отправился представиться генералу Зассу и был принят очень быстро. Генерал завтракал и просил меня присоединиться. Не без робости взирал я на этого легендарного человека, не забывая ни на минуту, что слава бывает как добрая, так и дурная. Внешность его произвела на меня неприятное впечатление: скошенный лоб, неровные залысины и беспокойные глаза. За столом, кроме него, сидели еще несколько человек офицеров. Прислуживал молодой татарин в красной канаусовой рубахе. Засс неудачно шутил, но все с готовностью встречали его убогие острофы. Я с нетерпением ожидал своего назначения, но разговор никак не выходил на службу. Наконец, когда завтрак подходил к концу и подали инжир, генерал весьма развязно обратился ко мне:

— Вечером мы собираемся пообедать у меня, ты тоже приходи, там поговорим.

Подобное хамство показалось мне нестерпимым и заслуживающим возмездия. Хотя я и не носил дядиной фамилии, в которой как будто каждая гласная звенела со славой древнего рода, но хорошо знал ее на память. История сотника тоже придала мне смелости, и я ответил:

— К тебе — когда угодно.

За столом воцарилась мертвецкая тишина.

... — Что ж, господа, до вечера, — промолвил наконец Засс, вытирая салфеткой рот и поднимаясь с своего места. Все последовали его примеру.

В официальной обстановке, когда в разговоре принимает участие несколько лиц, русский речевой этикет рекомендует даже с хорошо знакомым, с которым установлены дружеские отношения и обиходно-бытовое обращение на *ты*, перейти на *вы*.

Однако для всех ли ситуаций это обязательно? Иногда в передачах по телевидению, когда между известным телеведущим и не менее известным политиком, ученым, государственным деятелем ведется разговор на общественно значимую тему и ведущий, начиная его, как бы советуется с аудиторией, может ли он обращаться к собеседнику на *ты*, поскольку они связаны давней дружбой и для них такое обращение привычнее, после чего собеседники переходят на *ты*. Нарушается ли в данном случае речевой этикет? Допустимо ли это?

Считается, что нет правил без исключений. Да, такая передача предусматривает официальность отношений между ее участниками. Но телезрители воспринимают ее как нечто зрелищное. Переход на *ты* снижает официальность, разговор приобретает непринужденный характер, что облегчает восприятие, делает передачу более привлекательной.

Знание особенностей национального этикета, его речевых формул, понимание специфики делового общения той или иной страны, народа помогают при ведении переговоров, установлении контактов с зарубежными партнерами.

Любой акт общения имеет начало, основную часть и заключительную. Если адресат незнаком субъекту речи, то общение начинается со знакомства. При этом оно может происходить непосредственно и опосредованно. По правилам хоро-

шего тона не принято вступать в разговор с незнакомым человеком и самому представляться. Однако бывают случаи, когда это необходимо сделать. Этикет предписывает следующие формулы:

- Разрешите(те) с вами (с тобой) познакомиться.
- Я хотел бы с вами (с тобой) познакомиться.
- Позвольте(те) с вами (с тобой) познакомиться.
- Позвольте(те) познакомиться.
- Давайте(те) познакомимся.
- Будем знакомы.
- Хорошо бы познакомиться.

При посещении учреждения, офиса, конторы, когда предстоит разговор с чиновником и необходимо ему представиться, используются формулы:

- Позвольте (разрешите) представиться.
- **Моя** фамилия Колесников.
- Я Павлов.
- Мое имя Юрий Владимирович.
- Николай Колесников.
- Анастасия Игоревна.

Если же посетитель не называет себя, тогда чиновник сам спрашивает:

- Как ваша (твоя) фамилия?
- Как ваше (твое) имя, отчество?
- Как ваше (твое) имя?
- Как вас (тебя) зовут?

Во многих странах уже давно при знакомстве используются визитные карточки. Это стали практиковать и у нас. Визитная карточка подается во время представления. Тот, кому представляются, должен взять ее и прочитать вслух, а затем во время разговора, если он происходит в кабинете, держать визитку на столе перед собой, чтобы правильно называть собеседника.

Посредник, определяя порядок представления и выбирая этикетную формулу, учитывает служебное положение, возраст, пол тех, кого он представляет, а также были ли они ранее знакомы или только один из них знает другого, слышал о нем раньше.

Представление бывает **двусторонним** и односторонним. Последнее происходит чаще всего тогда, когда собравшимся на заседание, совещание, на какое-то торжество, брифинг, **встре-**

чу представляют организаторов этих встреч или тех участников, которые незнакомы всем или части собравшихся.

Формулы представления:

— Познакомьтесь (пожалуйста). Анна Сергеевна Зубкова. Анатолий Евгеньевич Сорокин.

— Я хочу (хотел бы) познакомиться с с...

— Я хочу (хотел бы) представить вас...

— Разрешите (позвольте) познакомиться с с...

Иногда после представления, особенно в неофициальной обстановке, знакомящиеся обмениваются репликами:

— Очень приятно (рад)!

— (Я) рад (счастлив) с вами познакомиться.

— (Мне) очень приятно с вами познакомиться!

Этикет определяет и норму поведения. Принять мужчину представлять женщине, младшего по возрасту — старшему, сотрудника — начальнику.

Официальные и неофициальные встречи Знакомых, а иногда и незнакомых людей начинаются с приветствия.

В русском языке основное приветствие — *здравствуйте*. Оно восходит к старославянскому глаголу *здравствовать*, что означает «быть здоровым», т.е. здоровым. Глагол *здравствовать* в давние времена имел и значение «приветствовать» (ср.: *здороваться*), о чем свидетельствует текст «Онежской былины»: «Как приходит Илья туг Муромец, а *здравствует* он князя с княгинею». Следовательно, в основе этого приветствия содержится пожелание здоровья. Впервые приветствие *здравствуй* встречается в «Письмах и бумагах Петра Великого 1688—1701».

Наряду с этой формой распространено приветствие, указывающее на время встречи:

— Доброе утро!

— Добрый день!

— Добрый вечер!

Помимо общеупотребительных приветствий существуют приветствия, которые подчеркивают радость от встречи, уважительное отношение, желание общения:

— (Очень) рад вас видеть (приветствовать)!

— Разрешите (позвольте) вас приветствовать.

— Добро пожаловать!

— Мое почтение.

Среди военнослужащих принято приветствовать словами:

— Здравия желаю!

По этому приветствию узнают военных в отставке.

Приветствие часто сопровождается рукопожатием, которое может даже заменять вербально выраженное приветствие.

Однако следует знать: если встречаются мужчина и женщина, то мужчина должен выждать, когда женщина протянет руку для пожатия, иначе он только делает легкий поклон.

Невербальным эквивалентом приветствия, когда встретившиеся отдалены друг от друга, служит поклон головой; покачивание сжатыми в ладонях руками, слегка приподнятыми и вытянутыми перед грудью вперед; для мужчин — чуть-чуть приподнятая над головой шляпа.

Речевой этикет приветствий предусматривает и характер поведения, т.е. очередность приветствия. Первыми приветствуют

— мужчина — женщину;

— младший (младшая) по возрасту — старшего (старшую);

— младшая по возрасту женщина — мужчину, который значительно старше ее;

— младший по должности — старшего;

— член делегации — ее руководителя (независимо — своя делегация или зарубежная).

Начальным формулам общения противостоят формулы, используемые в конце общения. Это формулы расставания, прекращения общения. Они выражают

— пожелание: *Всего вам доброго (хорошего)! До свидания!*

— надежду на новую встречу: *До вечера (завтра, субботы). Надеюсь, мы расстаемся ненадолго. Надеюсь на скорую встречу;*

— сомнение в возможности еще раз встретиться; расставание будет надолго: *Прощайте! Вряд ли удастся еще раз встретиться. Не поминайте лихом.*

После приветствия обычно завязывается деловой разговор. Речевой этикет предусматривает несколько зачинов, которые обусловлены ситуацией. Наиболее типичны три ситуации:

1) торжественная; 2) скорбная; 3) рабочая, деловая.

К первой относятся государственные праздники, юбилеи предприятия и сотрудников; получение наград; открытие офи-

са, магазина; презентация; заключение договора, контракта и т.д.

По любому торжественному поводу, знаменательному событию следуют **приглашения** и **поздравления**. В зависимости от обстановки (официальной, полуофициальной, неофициальной) пригласительные и поздравительные клише меняются.

Приглашение:

- Позвольте (разрешите) пригласить вас...
- Приходите на праздник (юбилей, встречу...), будем рады (встретить вас).
- Приглашаю вас (тебя)...

Если необходимо выразить неуверенность в уместности приглашения или неуверенность в принятии адресатом приглашения, тогда оно выражается вопросительным предложением:

- Я могу (могу ли, не могу ли, можно ли, нельзя ли) пригласить вас...

Поздравление:

- Разрешите (позвольте) поздравить вас с...
- Примите мои (самые) сердечные (теплые, горячие, искренние) поздравления...
- От имени (по поручению) ... поздравляем...
- От (всей) души (всего сердца) поздравляю...
- Сердечно (горячо) поздравляю ..

Скорбная ситуация связана со смертью, гибелью, убийством, стихийным бедствием, терактами, разорением, ограблением и другими событиями, приносящими несчастье, горе.

В таком случае выражается соболезнование. Оно не должно быть сухим, казенным. Формулы соболезнования, как правило, стилистически приподняты, эмоционально окрашены:

- Разрешите (позвольте) выразить (вам) мои глубокие (искренние) соболезнования.
- Приношу (вам) мои (примите мои, прошу принять мои) глубокие (искренние) соболезнования.
- Я вам искренне (глубоко, сердечно, от всей души) соболезную.
- Скорблю вместе с вами.
- Разделяю (понимаю) вашу печаль (ваше горе, несчастье).

Наиболее эмоционально-экспрессивны выражения:

— Какое (большое, непоправимое, ужасное) горе (несчастье) обрушилось на вас!

— Какая большая (невосполнимая, ужасная) утрата постигла вас!

— Какое горе, (несчастье) обрушилось на вас.

В трагической, скорбной или неприятной ситуации люди нуждаются в сочувствии, утешении. Этикетные формулы **сочувствия, утешения** рассчитаны на разные случаи и имеют различное назначение.

Утешение выражает сопереживание:

— (Как) я вам сочувствую!

— (Как) я вас понимаю!

Утешение сопровождается уверением в благополучном исходе-

— Я вам (так) сочувствую, но, поверьте мне (но я так уверен), что все кончится хорошо!

— Не впадайте в отчаяние (не падайте духом). Все (еще) изменится (к лучшему).

— Все будет в порядке!

— Все это изменится (обойдется, пройдет)!

Утешение сопровождается советом:

— Не нужно (надо) (так) волноваться (беспокоиться, расстраиваться, огорчаться, переживать, страдать).

— Вы не должны терять самообладание (голову, выдержку)

— Нужно (надо) успокоиться (держать себя в руках, взять себя в руки).

— Вы должны надеяться на лучшее (выбросить это из головы).

Перечисленные зачины (приглашение, поздравление, соболезнование, утешение, выражение сочувствия) не всегда переходят в деловое общение, иногда ими разговор и заканчивается.

В повседневной деловой обстановке (деловая, рабочая ситуация) также используются формулы речевого этикета. Например, при подведении итогов работы, при определении результатов распродажи товаров или участия в выставках, при организации различных мероприятий, встреч возникает необходимость **КОГО-ТО** поблагодарить или, наоборот, вынести похвалу, сделать замечание. На любой работе, в любой орга-

низации у кого-то может появиться необходимость дать совет, высказать предложение, обратиться с просьбой, выразить согласие, разрешить, запретить, отказать кому-то.

Приведем речевые клише, которые используются в данных ситуациях.

Выражение благодарности:

— Позвольте (разрешите) выразить (большую, **огромную**) благодарность Николаю Петровичу Быстрову за отлично (прекрасно) организованную выставку.

— Фирма (дирекция, ректорат) выражает благодарность всем сотрудникам (преподавательскому составу) за...

— Должен выразить начальнику отдела снабжения (свою) благодарность за...

— Позвольте (разрешите) выразить большую (огромную) благодарность...

За оказание какой-либо услуги, за помощь, важное сообщение, подарок принято благодарить словами,:

— Я благодарен вам за то, что...

— (Большое, огромное) спасибо вам (тебе) за...

— (Я) очень (так) благодарен вам!

Эмоциональность, экспрессивность выражения благодарности усиливается, если сказать:

— Нет слов, чтобы выразить вам (мою) благодарность!

— Я до такой степени благодарен вам, что мне трудно найти слова! •

— Вы не можете себе представить, как я благодарен вам!

— Моя благодарность не имеет (не знает) границ!

Замечание, предупреждение:

— Фирма (дирекция, правление, редакция) вынуждена сделать (серьезное) предупреждение (замечание)...

— К (большому) сожалению (огорчению), должен (вынужден) сделать замечание (вынести порицание)...

Нередко люди, особенно наделенные властью, считают необходимым высказывать свои **предложения, советы** в категорической форме:

— Все (вы) обязаны (должны)..

— Вам непременно следует поступить так...

— Категорически (настойчиво) советую (предлагаю) сделать...

Советы, предложения, высказанные в такой форме, похожи на приказание или распоряжение и не всегда рождают желание следовать им, особенно если разговор происходит между сослуживцами одного ранга. Побуждение к действию советом, предложением может быть выражено в деликатной, вежливой или нейтральной форме:

— Разрешите (позвольте) дать вам совет (посоветовать вам)...

— Разрешите предложить вам...

— (Я) хочу (мне хотелось бы, мне хочется) посоветовать (предложить) вам...

— Я посоветовал бы (предложил бы) вам...

— Я советую (предлагаю) вам...

Обращение с просьбой должно быть деликатным, предельно вежливым, но без излишнего заискивания:

— Сделайте одолжение, выполните (мою) просьбу...

— Если вам не трудно (вас это не затруднит)...

— Не сочтите за труд, пожалуйста, отнесите...

— (Не) могу ли я попросить вас...

— (Пожалуйста), (очень вас прошу) разрешите мне...

Просьба может быть выражена с некоторой категоричностью:

— Настоятельно (убедительно, очень) прошу вас (тебя)...

Согласие, **разрешение** формулируется следующим образом:

— (Сейчас, незамедлительно) будет сделано (выполнено).

— Пожалуйста (разрешаю, не возражаю).

— Согласен опустить вас.

— Согласен, поступайте (делайте) так, как вы считаете.

При отказе используются выражения:

— (Я) не могу (не в силах, не в состоянии) помочь (разрешить, оказать содействие).

— (Я) не могу (не в силах, не в состоянии) выполнить вашу просьбу.

— В настоящее время это (сделать) невозможно.

— Поймите, сейчас не время просить (обращаться с такой просьбой).

— Простите, но мы (я) не можем (могу) выполнить вашу просьбу.

— Я вынужден запретить (отказать, не разрешить).

Среди деловых людей любого ранга принято решать осо-

бенно важные для них вопросы в полуофициальной обстановке. Для этого устраиваются охота, рыбалка, выезд на природу, следует приглашение на дачу, в ресторан, сауну. В соответствии с обстановкой меняется и речевой этикет, он становится менее официальным, приобретает непринужденный эмоционально-экспрессивный характер. Но и в такой обстановке соблюдается субординация, не допускается фамильярный тон выражений, речевая «распушенность».

Немаловажным компонентом речевого этикета является комплимент. Тактично и вовремя сказанный, он поднимает настроение у адресата, настраивает его на положительное отношение к оппоненту. Комплимент говорится в начале разговора, при встрече, знакомстве или во время беседы, при расставании. Комплимент всегда приятен. Опасен только неискренний комплимент, комплимент ради комплимента, чрезмерно восторженный комплимент.

Комплимент относится к внешнему виду, свидетельствует об отличных профессиональных способностях адресата, его высокой нравственности, дает общую положительную оценку:

— Вы хорошо (отлично, прекрасно, превосходно, великолепно, молодо) выглядите.

— Вы не меняетесь (не изменились, не стареете).

— Время вас щадит (не берет).

— Вы (так, очень) обаятельны (умны, сообразительны, находчивы, рассудительны, практичны).

— Вы хороший (отличный, прекрасный, превосходный) специалист (экономист, менеджер, предприниматель, компаньон).

— Вы хорошо (отлично, прекрасно, превосходно) ведете (свое) хозяйство (дело, торговлю, строительство).

— Вы умеете хорошо (прекрасно) руководить (управлять) людьми, организовывать их.

С вами приятно (хорошо, отлично) иметь дело (работать, сотрудничать).

Общение предполагает наличие еще одного слагаемого, еще одного компонента, который проявляет себя на всем протяжении общения, является его неотъемлемой частью, служит перекладным мостиком от одной реплики к другой. И в то же время норма употребления и сама форма слагаемого окончательно

но не установлены, вызывают разногласие, являются большим местом русского речевого этикета.

Об этом красноречиво говорится в письме, опубликованном в «Комсомольской правде» (24.01.91) за подписью *А ндрей*. Поместили письмо под заглавием «Лишние люди». Приведем его без сокращений:

У нас, наверное, в одной-единственной стране мира нет обращения людей друг к другу. Мы не знаем, как обратиться к человеку! Мужчина, женщина, девушка, бабуся, товарищ, гражданин — тьфу! А может, лицо женского пола, лицо мужского пола! А легче — эй! Мы — никто! Ни для государства, ни друг для друга!

Автор письма в эмоциональной форме, достаточно остро, используя данные языка, ставит вопрос о положении человека в нашем государстве. Таким образом, синтаксическая единица — обращение — становится социально значимой категорией.

Чтобы разобраться в этом, необходимо осмыслить, в чем заключается особенность обращения в русском языке, какова его история.

Обращение испокон веков выполняло несколько функций. Главная из них — привлечь внимание собеседника. Это — **вокативная** функция.

Поскольку в качестве обращений используются как собственные имена (*Анна Сергеевна, Игорь, Саша*), так и названия людей по степени родства (*отец, дядя, дедушка*), по положению в обществе, по профессии, должности (*президент, генерал, министр, директор, бухгалтер*), по возрасту и полу (*старик, мальчик, девочка*), обращение помимо вокативной функции указывает на соответствующий признак.

Наконец, обращения могут быть экспрессивно и эмоционально окрашенными, содержать оценку: *Любочка, Маринуся, Любка, болван, остопоп, недотепа, шалопай, умница, красавица*. Особенность таких обращений заключается в том, что они характеризуют как адресата, так и самого адресанта, степень его воспитанности, отношение к собеседнику, эмоциональное состояние.

Приведенные слова-обращения используются в неофициальной ситуации, только некоторые из них, например, собствен-

ные имена (в их основной форме), названия профессий, должностей служат обращениями и в официальной речи.

Отличительной чертой официально принятых обращений на Руси было отражение социального расслоения общества, такой его характерной черты, как чинопочитание.

Не поэтому ли в русском языке корень *чин* оказался плодотворным, дав жизнь

— словам: *чиновник, чиновничество, благочинный, благочиние, чинолюбие, чинопочитание, чиновачальник, чиновачальствовать, бесчинный, бесчинствовать, чиноразрушитель, чиногубитель, чинопочитатель, чинокрад, чинно, чинность, подчиниться, подчинение;*

— словосочетаниям: *не по чину, раздать по чинам, чин чинном, большой чин, не разбирая чинов, не чинясь, чин по чину;*

— пословицам: *Чин чина почитай, а меньшей садись на край; Пуля чинов не разбирает; Дураку, что большому чину, везде простор; Целых два чина: дурак да дурачина; А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты.*

Показательны также формулы посвящений, обращений и подписи самого автора, культивировавшиеся в XVIII веке. Например, труд М. В. Ломоносова «Русская грамматика» (1755) начинается посвящением:

Пресветлейшему государю, великому князю Павлу Петровичу, герцогу голштейн-шлезвигскому, сторманскому и дитмарскому, графу олденбургскому и долмангорскому и прочая, милостивейшему государю...

Затем идет обращение:

Пресветлейший государь, великий князь, милостивейший государь!

И подпись:

вашего императорского величества всенижайший раб Михаил Ломоносов.

Социальное расслоение общества, неравенство, существовавшее в России несколько веков, нашло отражение в системе официальных обращений.

Во-первых, существовал документ «Табель о рангах», изданный в 1717—1721 гг., который затем переиздавался в несколько измененном виде. В нем перечислялись военные (армейские и флотские), гражданские и придворные чины. Каждая категория чинов подразделялась на 14 классов. Так, к 3-му

классу относились *генерал-поручик, генерал-лейтенант; вице-адмирал; тайный советник; гофмаршал, шталмейстер, егер-мейстер, гофмейстер, обер-церемонимейстер*; к 6-му классу — *полковник; капитан 1-го ранга; коллежский советник; камер-фурьер*; к 12-му классу — *корнет, хорунжий; мичман; губернский секретарь*.

Помимо названных чинов, которые определяли систему обращений, существовали обращения *ваше высокопревосходительство/), ваше превосходительство, ваше сиятельство, ваше высочество, ваше величество, милостивейший (милостивый) государь, государь* и др.

Во-вторых, монархический строй в России до XVIII в. сохранял разделение людей на сословия. Для сословно организованного общества характерна была иерархия в правах и обязанностях, сословное неравенство и привилегии. Выделялись сословия: дворяне, духовенство, разночинцы, купцы, мещане, крестьяне. Отсюда обращения *господин, госпожа* по отношению к людям привилегированных социальных групп; *сударь, сударыня* — для среднего сословия или *барин, барыня* для тех и других, и отсутствие единого обращения к представителям низшего сословия. Вот что пишет по этому поводу Лев Успенский:

Мой отец был крупным чиновником и инженером. Взгляды его были весьма радикальными, да и по происхождению он был «из третьего сословия» — разночинец. Но, если бы ему даже пришла на ум фантазия обратиться на улице: «Эй, сударь, на Выборгскую!» или: «Господин извозчик, вы свободны?» он не возрадовался бы. Извозчик, скорее всего, принял бы его за подгулявшего типа, а то и просто рассердился бы: «Грешно, вам барин, ломаться над простым человеком! Ну какой я вам «господин»? Постыдились бы!» (Комс. пр., 18.11.77).

В языках других цивилизованных стран в отличие от русского существовали обращения, которые использовались как по отношению к человеку, занимающему высокое положение в обществе, так и к рядовому гражданину: *мистер, миссис, мисс* (Англия, США), *сеньор, сеньора, сеньорита* (Испания), *синьор, синьора, синьорина* (Италия), *пан, пани* (Польша, Чехия, Словакия).

«Во Франции, — пишет Л. Успенский, — и консьержка у

входа в дом называет хозяйку-домовладелицу «мадам»; но и хозяйка, пусть без всякого почтения, обратится к своей служащей точно так же: «Бонжур, мадам Бижу!». Миллионер, случайно севший в такси, назовет шофера «мосье», и таксист скажет ему, открывая дверь: «Силь ву плэ, мосье!» — «Пожалуйста, сударь!» Там и это норма (там же).

После Октябрьской революции особым декретом упраздняются все старые чины и звания. Провозглашается всеобщее равенство. Обращения *господин* — *госпожа*, *барин* — *барыня*, *сударь* — *сударыня*, *милостивый государь* (*государыня*) постепенно исчезают. Только дипломатический язык сохраняет формулы международной вежливости. Так, к главам монархических государств обращаются: *Ваше величество*, *ваше превосходительство*; иностранных дипломатов продолжают называть *господин* — *госпожа*.

Вместо всех существовавших в России обращений, начиная с 1917—1918 гг., получают распространение обращения *гражданин* и *товарищ*. История этих слов примечательна и поучительна.

Слово *гражданин* зафиксировано в памятниках XI века. Оно пришло в древнерусский язык из старославянского языка и служило фонетическим вариантом слова *горожанин*. И то и другое означало «житель города (града)». В этом значении *гражданин* встречается и в текстах, относящихся к XIX веку. Так у А.С. Пушкина есть строчки:

Не демон — даже не цыган,
А просто гражданин столичный.

В XVIII веке это слово приобретает значение «полноправный член общества, государства».

Именно его имел в виду А.Н. Радищев, написавший в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790):

Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни сулило, есть и пребудет всегда человек; а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем не иссякнет никогда; и тот, кто дерзнет его уязвить в его природной и ненарушенной собственности, тот есть преступник. < ... >

«Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частью в законе мертвы, называться блаженным?»

Под пером А.Н. Радищева семантический объем слова *гражданин* расширяется. У него появляется значение: «человек, который предан Родине, служит ей и народу, заботится об общественном благе, подчиняет личные интересы общественным». Император Павел в 1797 г. издал Указ, запрещающий употребление «крамольных» слов *свобода, общество, гражданин*. Вместо слова *гражданин*, по Указу, следовало писать и говорить *житель, обыватель*. Но указ оказался бессильным. Слово *гражданин* с новым содержанием получает распространение в XIX веке, о чем свидетельствует творчество выдающихся поэтов, писателей:

Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?

(А. С. Пушкин).

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан!

Будь гражданин! Служа искусству,
Для блага ближнего живи.

(Н.А. Некрасов).

Я ведь еще и гражданин, я люблю Родину, народ. Я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем.

(А.П. Чехов).

Почему же такое общественно значимое слово, как *гражданин*, не стало в XX веке общеупотребительным обращением людей друг к другу?

В 20—30-е гг. появился обычай, а затем стало нормой при обращении арестованных, заключенных, судимых к работникам органов правопорядка и наоборот не говорить *товарищ*, только *гражданин: гражданин подследственный, гражданин судья, гражданин прокурор*.

В результате слово *гражданин* для многих стало ассоциироваться с задержанием, арестом, милицией, прокуратурой.

Негативная ассоциация постепенно так «приросла» к слову, что стала его неотъемлемой частью, так укоренилась в сознании людей, что стало невозможным использовать слово *гражданин* в качестве общеупотребительного обращения.

Несколько иначе сложилась судьба слова *товарищ*. Оно зафиксировано в памятниках XV века. Известно в словенском, чешском, словацком, польском, верхнелужицком и нижнелужицком языках. В славянские языки это слово пришло из проркского, в котором корень *tavaag* означало «имущество, скот, товар». Вероятно, первоначально *товарищ* имело значение «компаньон в торговле». Затем значение этого слова расширяется: *товарищ* — не только «компаньон», но и «друг». Об этом свидетельствуют пословицы: *В дороге сын отцу товарищ*, *Умный товарищ — половина дороги*; *От товарища отстать — без товарища стать*; *Бедный богатому не товарищ*; *Слуга барину не товарищ*.

С ростом революционного движения в России в начале XIX века слово *товарищ*, как в свое время слово *гражданин*, приобретает новое общественно-политическое значение: «единомышленник, борющийся за интересы народа». В этом значении *товарищ* встречается в стихотворении А. С. Пушкина «К Чаадаеву»:

Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

С конца XIX и в начале XX веков в России создаются марксистские кружки, их члены называют друг друга *товарищами*. В первые годы после революции это слово становится основным обращением в новой России. Естественно, дворяне, духовенство, чиновники, особенно высокого ранга, не все и не сразу принимают обращение *товарищ*.

Отношение к обращению *товарищ* представителей разных социальных групп талантливо показал драматург К. Тренев в пьесе «Любовь Яровая». Действие происходит в годы гражданской войны. В речи духовенства, офицеров царской армии, разночинной интеллигенции продолжают использовать обраше-

ния: *ваше высокопревосходительство, ваше превосходительство, ваше благородие, господа офицеры, господин поручик, господа.*

С другой стороны, рисуя образы комиссара Красной Армии, его помощников и сторонников, К. Тренев подчеркивает, иногда с юмором, излишне нарочитое использование обращения *товарищ*:

Первая комсомолка. Товарищ Хрущ, срочная телефонограмма. Товарищ Кошкин велит вам и товарищу Мазухину сейчас же передать.

Хрущ (читает телеграмму) А где Мазухин? Сестренка, кликни-ка товарища Мазухина.

Вторая комсомолка. Товарищ Мазухин, к товарищу Хрущу!

В обращении *товарищ* соотносится не только с фамилией, но и с профессией, званием: *товарищ комиссар, товарищ профессор*, с именем и отчеством: *товарищ Дуня Фоминишна*.

Советские поэты в последующие годы старались подчеркнуть универсальность и значимость обращения *товарищ*, создавая сочетания: *товарищ жизнь, товарищ солнце, товарищ урожай* (В. Маяковский); *товарищ победоносный класс* (Н. Асеев); *товарищ рожь* (А.Жаров).

Происходит четкое разграничение: *товарищи* — это большевики, это те, кто верит в революцию. Остальные — *не товарищи*, значит, враги.

В последующие годы советской власти **СЛОВО** *товарищ* было особенно популярным. А.М. Горький в сказке «Товарищ» пишет, что оно стало «яркой, веселой звездой, путеводным огнем в будущее». В романе Н. Островского «Как закалялась сталь» читаем: «Слово «товарищ», за которое еще вчера платили жизнью, звучало сейчас на каждом шагу. Непередаваемо волнующее слово *товарищ*». Прославляла **его** и одна из популярных в советское время песен: «Наше слово гордое *товарищ* нам дороже всех красивых слов».

Так даже обращение приобретало идеологический смысл, становилось социально значимым. Вот что по этому поводу пишет журналист Н. Андреев в «Новом времени» (1991, № 2):

Казалось, обращение — это дело воспитания, вкуса, культуры. Однако в нашем социалистическом обществе по тому, как обраща-

ются к человеку, можно судить о его политической ориентации, идеологии, классовой принадлежности. Обращением как бы сразу определялся статус гражданина: если *товарищ*, то стало быть, наш, идеологически проверенный, классово чистый. *Господин* — тут внимание, этого можно подозревать во всем: в контрреволюционности, эксплуататорских наклонностях, антикоммунизме. *Гражданин* — тут уж явный уголовный подтекст. Был товарищ, а стал гражданин подследственный.

После Отечественной войны слово *товарищ* постепенно начинает выходить из повседневного неофициального обращения людей друг к другу.

Возникает проблема: как обратиться к незнакомому человеку? Вопрос начинают обсуждать на страницах печати, в передачах по радио. Высказывают свое мнение филологи, писатели, общественные деятели. Предлагают возродить обращения *сударь*, *сударыня*.

В 1979 г. газета «Неделя» печатает письма читателей. Одно из них пришло из Ростова-на-Дону. Автор пишет:

На днях я «ради спортивного интереса» послушала и подсчитала, как обращаются люди к продавщице сорока пяти лет в большом продуктовом магазине.

Результат наблюдений оказался таким: *девушка* — 25 человек, *бабушка*, *бабуля* (от 20 до 25 лет) — 7, *дорогуша* — 3, *женщина* — 10, *мать* (от 30 до 35 лет) — 6, *сестричка* — 1, *тетя*, *тетенька* (подростки) — 7, *уважаемая* (пожилой человек) — 1, *продавщица* — 3 (всего!).

На улице, в магазине, в городском транспорте все чаще слышится обращение *мужчина*, *женщина*, *дед*, *отец*, *бабуля*, *парень*, *тетенька*, *дяденька*.

Подобные обращения не являются нейтральными. Они могут восприниматься адресатом как неуважение к нему, даже оскорбление, недопустимое фамильярничание. Отсюда возможны грубость в ответ, выражение обиды, ссора.

Начиная с конца 80-х гг. в официальной обстановке стали возрождать обращения *сударь*, *сударыня*, *господин*, *госпожа*.

История повторяется. Как в 20—30 гг. обращения *господин* и *товарищ* имели социальную окраску, так и в 90-х гг. они вновь противостояли друг другу. Показателен пример: депутат СССР

Н. Петрушенко при обсуждении закона о собственности на Верховном Совете в 1991 г. сказал:

Сегодня нас не могут не насторожить слова о трудовой частной собственности, а завтра, когда миллиарды теневой экономики и мафиозные деньги позволят сделать частную собственность доминирующей, не приведет ли это к реставрации капитализма? Поддержит ли вас народ, товарищи депутаты? И так хочется сказать в адрес тех депутатов, кто это предлагал, не товарищи, а господа депутаты.

Приведя эту цитату, журналист Н. Андреев комментирует:

Интересно, как обратился бы депутат Петрушенко к рабочим КамАЗа, владеющим акциями? Какие-никакие, а собственники. Они еще товарищи? Или уже господа? Господа своей собственности, господа своей судьбы. Чтобы быть господином, надо чем-то владеть.

Примечательна параллель. Задолго до перестройки шел фильм «Депутат Балтики» о первых послереволюционных годах. Главный герой картины депутат Петроградского Совета от балтийских моряков профессор Полежаев выступает с речью перед народом. Он начинает ее так: «Господа!» Аудитория неприятно удивлена: такое обращение может относиться только к людям привилегированных классов. Вероятно, оратор оговорился. Профессор понимает реакцию зала: «Я не оговорился. Я вам говорю — рабочим и работницам, крестьянам и крестьянкам, солдатам и морякам... Вы хозяева и подлинные господа на шестой части мира...»

В последнее время обращение *господин, госпожа* воспринимается как норма на заседаниях Думы, в передачах по телевидению, на различных симпозиумах, конференциях. Параллельно с этим на встречах представителей власти, политических деятелей с народом, а также на митингах выступающие с речью стали использовать обращения *россияне, сограждане, соотечественники*. В среде государственных служащих, бизнесменов, предпринимателей, преподавателей вузов нормой становится обращение *господин, госпожа* в сочетании с фамилией, названием должности, звания. Трудности возникают в том случае, если директор, профессор — женщина. Как в та-

ком случае обратиться: *господин профессор* или *госпожа профессор*?

Обращения *товарищ* продолжают использовать военные, члены партий коммунистического направления, а также во многих заводских коллективах. Ученые, преподаватели, врачи, юристы отдают предпочтение словам *коллеги*, *друзья*. Обращение *уважаемый*, *уважаемая* встречается в речи старшего поколения.

Слова *женщина*, *мужчина*, получившие распространение в последнее время в роли обращения, нарушают норму речевого этикета, свидетельствуют о недостаточной культуре говорящего. В таком случае предпочтительнее начинать разговор без обращений, используя этикетные формулы: *будьте любезны...*, *будьте добры...*, *извините...*, *простите*__

Таким образом, проблема общеупотребительного обращения в неофициальной обстановке остается открытой.

Она будет решена только тогда, когда каждый гражданин России научится уважать себя и с уважением относиться к другим, когда научится защищать свою честь и достоинство, когда станет личностью, когда неважно будет, какую должность он занимает, каков его статус. Важно, что он гражданин Российской Федерации. Только тогда никто из россиян не будет чувствовать неловкость и смущение, если его назовут или он кого-то назовет *господин*, *госпожа*.

Контрольные вопросы и задания

1. Что такое «речевой этикет» ?
2. Назовите факторы, определяющие формирование речевого этикета и его использование.
3. Докажите, что речевой этикет имеет национальную специфику.
4. На какие группы делятся формулы речевого этикета?
5. Какова история обращения людей друг к другу в России?

ГЛАВА 4

Речевое общение

Без общения, как без воздуха, человек не может существовать.

Способность общаться с другими людьми позволила человеку достичь высокой цивилизации, прорваться в космос, опуститься на дно океана, проникнуть в недра земли.

Общение дает возможность человеку раскрыть свои чувства, переживания, рассказать о радостях и горестях, о взлетах и падениях.

Общение для человека — его среда обитания. Без общения невозможно формирование личности человека, его воспитание, развитие интеллекта.

Общение помогает организовать совместную работу, наметить и обсудить планы, реализовать их.

Овладение искусством общения необходимо для каждого человека независимо от того, каким видом деятельности он занимается или будет заниматься.

На первый взгляд, кажется, что содержание понятия «общение» всем понятно и не требует особых разъяснений. А между тем общение — это очень сложный процесс взаимодействия людей. Как справедливо отмечает А.А. Леонтьев, в современной науке об общении существует огромное количество несовпадающих определений данного понятия [45, 26]. Это объясняется полисистемностью и многогранностью явления. Проблемами общения занимаются представители разных наук — философы, психологи, лингвисты, социологи, культурологи и др. Каждый из них рассматривает общение с позиции своей науки, выделяет специфические аспекты для изучения и соответственно формулирует определение. Понятие «общение» приобрело междисциплинарный характер. Естественно, что и среди

ученых той или иной науки тоже существуют разные взгляды на общение.

Отметим, что наряду с термином *общение* широкое распространение получило слово *коммуникация*. Чаще всего они используются как синонимы. Приведем словарную статью из «Лингвистического энциклопедического словаря»:

«*Коммуникация* (лат. *communicatio, communico* — делаю общим, связываю, общаюсь) — общение, обмен мнениями, сведениями, идеями и т.д. — специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности».

В последнее время в научной литературе делаются попытки развести смысл терминов *общение* и *коммуникация* (например, теория коммуникации = теория связи = теория передачи информации по каналу связи), однако общепринятого мнения по данному вопросу не существует. В нашей книге эти слова употребляются как синонимы.

Человеческое общение, по данным исследователей, на две трети состоит из речевого.

Именно при помощи речи чаще всего происходит общение между людьми. Речевая деятельность человека является самой сложной и самой распространенной. Без нее невозможна никакая другая деятельность, она предшествует, сопровождает, а иногда формирует, составляет основу любой другой деятельности человека (производственной, коммерческой, финансовой, научной, управленческой и др.).

Особенность речевой деятельности заключается в том, что она всегда включается в более широкую систему деятельности как необходимый и взаимообусловленный компонент. Так, например, образование, обучение, пропаганда знаний невозможны без общения, без речевой деятельности.

Предприниматель, управляющий, архитектор, референт, врач, строитель, продавец, выполняя свою основную работу, вынужден что-то обсуждать, советоваться, вести **переговоры**, задавать вопросы, отвечать. От того, насколько умело осуществляется речевая деятельность, зависит успех любой профессиональной деятельности.

Проблемами речевого общения занимаются многие лингвистические дисциплины: когнитивная лингвистика, теория

речевого воздействия, теория речевых актов (ТРА), прагматика, психолингвистика, культура речи и др.

4.1. Основные единицы речевого общения

Лингвисты изучают процессы образования речи и ее восприятие; коммуникативные установки; связь между высказыванием, говорящим и речевой ситуацией; факторы, затрудняющие общение; факторы, повышающие его эффективность; отношение речевой деятельности к другим видам деятельности и т.п. Исследователи выделяют и описывают основные единицы общения — речевое событие, речевую ситуацию, речевое взаимодействие.

Рассмотрим эти понятия.

Слово *событие*, по данным «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, означает: «То, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, **личной жизни**».

Под речевым событием понимается протекающий в контексте речевой ситуации дискурс.

Дискурсом (от франц. discours — речь) называют связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте.

Дискурс — это различные виды речевой практики: бытовая диалог, интервью, лекция, беседа, переговоры и др., т. е. речь, «погруженная в жизнь».

Дискурс включает паралингвистическое сопровождение речи (мимику, жесты) [Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. С. 136].

Речевое событие, как следует из его определения, включает два основных компонента:

1) словесную речь (то, что говорится, сообщается) и то, что ее сопровождает (жесты, мимика, движения и др.), т. е. дискурс;

2) условия, обстановку, в которой происходит речевое общение между участниками, включая самих участников, которые существенно влияют на речевое событие (речевая ситуация).

Таким образом, речевое событие можно представить в виде формулы: «это дискурс плюс речевая ситуация». [48, 48].

Речевая ситуация, т. е. ситуация, составляющая контекст высказывания, порожденного в речевом акте, выполняет важную роль в речевом общении.

Следует иметь в виду, что высказывание делается в определенном месте в определенное время и имеет определенный набор участников — это говорящий и слушающий. Соответственно к основным составляющим речевой ситуации относят говорящего и слушающего, время и место высказывания.

Речевая ситуация помогает понять смысл сообщения, конкретизирует значение ряда грамматических категорий, например, категории времени, местоименных (дейктических) слов типа *я, ты, этот, сейчас, здесь, там, вот* и др. Она позволяет также правильно интерпретировать высказывание, уточнять его целевую функцию (угроза, просьба, совет, рекомендация), выявлять причинные связи данного высказывания с другими событиями и т.д.

Речевая ситуация диктует правила ведения разговора и определяет формы его выражения. Вспомните, к примеру, типичные диалоги на экзаменах, у железнодорожной кассы, на приеме у врача, в юридической консультации; светские беседы в гостях, на банкетах; публичные дискуссии.

Необходимо учитывать, что высказывание наряду с собственно семантическим значением (прямым смыслом) обладает прагматическим значением, обусловленным речевой ситуацией. Например, фраза «*Скоро увидимся*», сказанная при расставании с близким человеком, может означать в зависимости от ситуации разное: «Не расстраивайся, все будет хорошо», «Не беспокойся обо мне», «Скоро все узнаешь» и др.

Высказывания, у которых семантическое значение расходится с прагматическим, называются косвенными. Приведем примеры косвенных высказываний и их возможных толкований:

1. *Здесь жарко.*

— Просьба открыть окно или дверь в комнате.

— Предложение снять верхнюю одежду, пиджак, кофту, свитер.

— Констатация того, что обстановка в зале накалилась.

2. *Мне нездоровится.*

- Я не хочу с вами разговаривать.

— Вызовите поскорее врача.

___Я не буду выполнять эту работу.

___Оставьте меня в покое.

3. *Мне этот адрес хорошо знаком.*

— Я много раз бывал в этом доме.

— У меня сохранились добрые/недобрые воспоминания о его хозяевах.

— Я хорошо знаю, что там произошло.

— Я никогда не забуду те счастливые дни.

4. *Как, это вы?*

— Какими судьбами вы появились здесь?

— Когда вы успели приехать?

— Что вас привело сюда?

5. *Я приду завтра.*

— Объявление/утверждение.

— Обещание.

— Угроза.

Косвенные высказывания широко используются в речи. Они делают речь более выразительной, сжатой, позволяют передавать разнообразные экспрессивные оттенки. Смысл косвенных высказываний становится понятным только в контексте речевой ситуации.

Различают канонические и неканонические речевые ситуации.

Каноническими считаются ситуации, когда время произнесения (время говорящего) синхронно времени его восприятия (времени слушающего), т. е. определен момент речи; когда говорящие находятся в одном и том же месте и каждый видит то же, что и другой (в идеале, они располагают общим полем зрения); когда адресат — конкретное лицо и т.д.

Неканонические ситуации характеризуются следующими моментами: время говорящего, т.е. время произнесения высказывания, может не совпадать со временем адресата, т. е. временем восприятия (ситуация письма); высказывание может не иметь конкретного адресата (ситуация публичного выступления) и т.д. Дейктические слова в таких ситуациях употребляют иначе. Если, к примеру, говорящий по телефону использует слово *здесь*, то он обозначает только свое пространство. В пись-

ме субъект речи словом *сейчас* определяет только свое время, а не время адресата [70].

Речевое взаимодействие представляет собой очень сложное явление. Чтобы понять его суть, прежде всего следует уяснить, что такое речевая деятельность, как она протекает, при каких условиях возможна, что необходимо для ее осуществления.

От природы человек наделен речемыслительным аппаратом, без которого невозможна была бы речевая деятельность. Чтобы заниматься речевой деятельностью, человек должен обладать способностью мыслить и говорить, должен испытывать желание реализовать свою мысль, передать ее другому.

Речевой процесс начинается в коре головного мозга в двух его центрах, *акустическом* (сенсорном) центре Вернике (по имени физиолога, открывшего этот центр в 1874 г.) и *двигательном* (моторном) центре Брока (по имени анатома и хирурга, открывшего этот центр в 1861 г.), который находится в левом полушарии. Центр Вернике помогает слушающему различать звуки речи и отличать их от других возможных звуков. Кроме того, этот центр — своеобразная «кладовая» памяти, в нем хранятся все известные нам слова. Второй центр руководит органами речи, заставляет их совершать артикуляцию, необходимую для образования того или иного звука.

Речемыслительный процесс не ограничивается работой названных центров, в нем участвуют и другие области коры головного мозга. Механизм речевой деятельности человека необыкновенно сложен и до настоящего времени не до конца изучен.

Речевая деятельность носит социальный характер, поскольку она является частью общественной деятельности человека. Социальный характер речевой деятельности проявляется и в том, что для ее осуществления требуется коллектив (самое меньшее два человека). В процессе речевого (вербального) взаимодействия субъектов участвуют их мышление, воля, эмоции, знания, память — *речемыслительная, модальная* (волевая), *эмоциональная, интенциальная* (намеренческая), *когнитивная* (понятийная) сферы.

Помимо непосредственных участников — говорящего (S-субъект) и слушающего (А-адресат), обычно меняющихся ролями, необходим и предмет речи, то, о чем говорят и по пово-

чего происходит обмен информацией. Обозначим его символом **D** поскольку этот компонент связан со знаниями о реальной действительности. Необходимо знание языка (L), или коммуникативного кода, той системы, которая обеспечивает возможность перевода смыслов, значений передаваемой информации в знаки, слова, единицы передаваемого сообщения. И, наконец, необходимо само высказывание (V), та коммуникативная речевая единица, которая содержит в себе все то, что исходит от говорящего (S) по поводу того, о чем он говорит (D) для своего адресата (A) при помощи языка (L), известного им обоим.

Высказывание оказывается центром коммуникативного взаимодействия, вокруг которого расставляются все остальные «участники» диалога.

Представим это наглядно:

Данная схема коммуникативного речевого акта есть воплощение системы, системного взаимодействия, самодостаточно-го, целостного и полного.

Речевая деятельность, как и любая другая деятельность, складывается из процессов, которые обеспечивают, делают возможным осуществление акта речи. Процессы эти — проявления роли участников диалога (S и A).

Процессы

(S) порождение		прогнозирование (A)
говoreние	→	понимание
(восприятие)	←	реагирование
понимание		

Процессы порождения речи, ее восприятие, понимание, реагирование на нее обуславливают соответствующие функции языковой системы и ее единиц.

Функции

S Общение А	собственно коммуникативная
Сообщение	информативная
Воздействие	эмоционально-экспрессивная, эстетическая

Рассмотрим подробнее, что представляют собой процессы и функции общения. Речевая деятельность есть процесс, который складывается, формируется из деятельностных актов. Их характер, содержание зависят от различных ситуаций, в которые попадает человек. Например, необходимо устроиться на работу, реализовать изготовленную продукцию, принять участие в конференции. Эти и другие обстоятельства определяют **характер речевой ситуации**.

В первом случае необходимо подготовиться к собеседованию, во втором — продумать агитационную речь (диалог), в третьем — написать доклад.

Речевые ситуации бывают разнообразными, но этапы осуществления речевой деятельности в основном одни и те же. В какой бы речевой ситуации ни оказался человек, если он стремится добиться успеха, достичь цели, обратить на себя внимание, то должен прежде всего сориентироваться в сложившейся обстановке, осознать, что может привести к успеху, чем следует руководствоваться. В русском языке есть глаголы обдумывать, продумывать, рассуждать, обмозговывать, соображать. Все они называют действие, характерное для начального этапа любой деятельности, в том числе и речевой. В результате обдумывания, рассуждений рождается *внутренний план* высказывания. Это первый этап речевой деятельности. На втором этапе происходит *порождение, структурирование* высказывания. Из памяти извлекаются нужные слова, по синтаксическим моделям строятся предложения. Механизм порождения речи, к сожалению, еще недостаточно изучен. Существуют различные точки зрения, многое пока строится на догадках и пред-

положениях. Третий этап — самый ответственный. Начинается *говорение*. Субъект речевого действия повествует, докладывает, **рассуждает**, иными словами, творит звучащую речь, использует вербальные средства общения.

Речь, высказывание — продукт речевой деятельности, ее порождение. По речи можно определить психологическое состояние говорящего (речь взволнованная, искренняя, льстивая, грубая, ласковая), ее целевое назначение (речь убеждающая, информационная, агитационная), ее коммуникативную значимость (речь содержательная, бессмысленная, пустая, глубокая, осмысленная), отношение говорящего к собеседнику (речь презрительная, ироническая, хвалебная, угрожающая).

Речевая деятельность чаще всего преследует какую-то цель, поэтому важен результат. О нем судят по обратной связи, по тому, как воспринимают сказанное, как на него реагируют.

Чтобы понять значение обратной связи, следует помнить, что в речевой деятельности принимают участие субъект (S) и адресат (A), первый порождает речь, а второй ее воспринимает, поэтому следует рассматривать речевое действие не только в генеративном плане, с точки зрения его порождения, воспроизведения, но и в перцептивном, с точки зрения его восприятия.

Для адресата, как и для субъекта, важно, в какую речевую ситуацию он попадает. Например, служащего вызывает начальник, приглашают на лекцию по маркетингу, состоится производственное совещание, присутствие на котором обязательно. В первом случае стараются определить причину вызова, если она неизвестна; обдумывают, как себя вести, о чем будет говорить начальник, какие вопросы задаст, что может предложить. Во втором случае адресат намечает круг вопросов, на которые желал бы получить ответ. В третьей ситуации поведение приглашенного на совещание определяется его ролью на этом мероприятии. Если он на нем только присутствует, то дает себе установку: слушая выступающих, уяснить, что из сказанного непосредственно относится к его работе, что ему необходимо знать и использовать в своей деятельности.

Как видите, у адресата на первом этапе речевой деятельности, этапе прогнозирования, также рождается *внутренний план*

высказывания (возможные реплики, ответы, вопросы, уточнения, возражения).

На втором этапе адресат воспринимает речь. *Восприятие речи* состоит из декодирования сказанного субъектом, понимания содержания и оценки полученной информации.

Третий этап — *реагирование*. Оно может быть выражено вербально. Адресат подхватывает разговор и высказывает свое понимание. В таком случае адресат становится субъектом (субъект и адресат меняются ролями). Оно может быть передано мимикой, жестом (выражение на лице удивления, заинтересованности, предельного внимания; кивок головы в знак согласия, при несогласии качание головой влево, вправо, пожимание плечами как выражение сомнения и др.). Оно может быть выражено поведением адресата/адресатов (аплодисменты как одобрение, благодарность, топанье ногами, свист как неодобрение, демонстративный уход из зала и др.). Реакция на речь служит ее оценкой. Обратная связь — очень важный компонент любого вида общения.

Исследование речевой деятельности органически связано с психологией, психофизиологией, социологией. В речевом общении изучаются различные аспекты, соответствующие поставленной говорящими Цели: информативной, прескриптивной (воздействие на адресата), экспрессивной (выражение эмоций, оценок), межличностной (регулирование отношений между собеседниками), игровой (апелляция к эстетическому восприятию, воображению, чувству юмора) и др.

4.2. Организация вербального взаимодействия

В процессе речевого взаимодействия недостаточно только знать язык. Собеседники должны придерживаться определенных принципов, правил ведения разговора, которые позволяют координировать их действия и высказывания. Эти правила составляют конвенциональную (условную, принятую) основу вербального взаимодействия.

Большой вклад в изучение этой проблемы внесли работы создателей теории речевых актов Дж.Остина, Дж.Р.Сёрля,

П. П. Грайса, исследователя организации повседневного разговора Г. Сакса и др.

Ученые сформулировали ряд важных организационных принципов речевой коммуникации. Один из них назван *принципом последовательности*. Он предполагает релевантность (смысловое соответствие) ответной реакции, т. е. ожидание реплики соответствующего типа. Если первая реплика вопрос, вторая — ответ; приветствие сопровождается приветствием, просьба — принятием или отклонением и т.д. Данный принцип требует закономерного завершения речевого фрагмента.

Другой принцип — *принцип предпочитаемой структуры* — характеризует особенности речевых фрагментов с подтверждающими и отклоняющими ответными репликами. Как отмечают исследователи, согласие обычно выражается без промедления, предельно лаконично и ясно. Несогласие же формулируется пространно, оправдывается доводами и, как правило, отсрочено паузой. Например:

1. А. Я прошу вас выполнить эту работу к завтрашнему дню.

В. Хорошо.

2. А. Я прошу вас выполнить эту работу к завтрашнему дню.

[пауза]

В. Я бы с удовольствием ... но знаете, я еще не выполнил предыдущее задание, к тому же я неважно себя чувствую.

Пауза служит своего рода индикатором нежелательных отклоняющих ответов. Она позволяет говорящему своевременно дополнить иницилирующую реплику усиливающими доводами.

А. Я прошу вас выполнить эту работу к завтрашнему дню.

[пауза]

А. И тогда я смогу предоставить вам несколько дней отгула, как вы просили.

В. Хорошо.

Соблюдение описанного принципа позволяет не обидеть собеседника, избежать критической направленности разговора [77, 282].

Основу речевой коммуникации, как считает Г.П. Грайс, составляет *принцип кооперации*, предполагающий готовность партнеров к сотрудничеству. В работе «Логика и речевое обще-

ние» он пишет: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога».

Далее автор выделяет и более конкретные постулаты, соблюдение которых в общем и целом соответствует выполнению этого принципа. Эти постулаты он делит на четыре категории — Количества, Качества, Отношения и Способа.

Категорию Количества он связывает с тем количеством информации, которое требуется передать. К этой категории относятся следующие постулаты:

1. *Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется* (для выполнения текущих целей диалога).
2. *Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется.*

К категории Качества Г.П. Грайс относит общий постулат «*Старайся, чтобы высказывание было истинным*», а также два более конкретных:

1. *Не говори того, что ты считаешь ложным.*
2. *Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований.*

С категорией Отношения, по мнению ученого, связан единственный постулат релевантности — *Не отклоняйся от темы.*

А категория Способа касается не того, что говорится, а того, как говорится. К ней относится общий постулат — ***Выражайся ясно*** и несколько частных:

1. *Избегай непонятных выражений.*
2. *Избегай неоднозначности.*
3. *Будь краток (избегай ненужного многословия).*
4. *Будь организован.*

«Я сформулировал постулаты таким образом, — пишет Г.П. Грайс, — будто целью речевого общения является максимально эффективная передача информации; естественно, это определение слишком узко, и все построение должно быть обобщено в применении к таким общим целям, как воздействие на других людей, управление их поведением и т.п.».

Для каждой из выделенных коммуникативных категорий в работе приводятся аналогии в сфере взаимодействий, не являющихся речевой коммуникацией:

1. **Количество.** Если вы помогаете мне чинить машину, мне естественно ожидать, что ваш вклад будет не больше и не меньше того, который требуется: например, если в какой-то момент мне понадобятся четыре гайки, я рассчитываю получить от вас именно четыре, а не две и не шесть гаек.

2. **Качество.** Мне естественно ожидать, что ваш вклад будет искренним, а не фальшивым. Если вы помогаете мне готовить торт и мне нужен сахар, я не ожидаю, что вы подадите мне соль; если я прошу у вас хлеба, я не ожидаю получить камень.

3. **Отношение.** На каждом шаге совместных действий мне естественно ожидать, что вклад партнера будет уместен по отношению к непосредственным целям данного шага. Когда я замешиваю тесто, я не ожидаю, что вы подадите мне интересную книгу или даже кухонное полотенце (хотя то же самое действие могло бы стать уместным вкладом на одном из более поздних шагов).

4. **Способ.** Мне естественно ожидать, что партнер даст мне понять, в чем состоит его вклад, и что он выполнит свои действия с должной скоростью.

Эти примеры показывают, что речевое общение обладает, хотя и в своеобразной форме, общими свойствами, которые характеризуют деятельность любого типа.

Конечно, участники речевого общения могут разными способами обойти тот или иной постулат, нарушить его, откровенно отказаться от его соблюдения и тем самым ввести собеседника в заблуждение.

Автор подчеркивает целесообразность соблюдения принципа кооперации и постулатов:

... от всякого, кто стремится к достижению конечных целей речевого общения/коммуникации (это может быть передача и получение информации, оказание влияния на других и подчинение себя чьему-то влиянию и т.п.), ожидается, что он заинтересован в этом общении; речевое общение, в свою очередь, может быть выгодно и полезно только при условии, что соблюдаются принцип кооперации и постулаты [25, 226].

Дж. Н. Лич описал еще один ведущий принцип коммуникации — *принцип вежливости*, представляющий собой совокупность ряда максим [35]. Кратко охарактеризуем их.

1. **Максима такта.** Это максима границ личной сферы. В

идеале любой коммуникативный акт предусматривает определенную дистанцию между участниками. Следует соблюдать правило: «Делать коммуникативную цель собеседника предметом обсуждения допустимо лишь в том случае, если цель эта им эксплицитно (открыто) обозначена». Не следует затрагивать тем, потенциально опасных (частная жизнь, индивидуальные предпочтения и т.д.).

2. Максима великодушия. Это максима необременения собеседника, она предохраняет его от доминирования в ходе коммуникативного акта. Например, предположение должно быть сформулировано таким образом, чтобы его можно было отложить, не следует связывать партнера обещанием или клятвой. Хороший коммуникативный акт не должен быть дискомфортным для участников общения.

3. Максима одобрения. Это максима позитивности в оценке других («Не судите, да не судимы будете», «Не осуждай других»). Атмосфера, в которой происходит речевое взаимодействие, определяется не только позициями собеседников по отношению друг к другу, но и позицией каждого по отношению к миру и тем, совпадают ли эти позиции. Если оценка мира (позитивная или негативная) не совпадает с оценкой собеседника, то это сильно затрудняет реализацию собственной коммуникативной стратегии.

4. Максима скромности. Эта максима неприятия похвал в собственный адрес. Одним из условий успешного развертывания коммуникативного акта является реалистическая, по возможности объективная самооценка. Сильно завышенные или сильно заниженные самооценки могут отрицательно повлиять на установление контакта.

5. Максима согласия. Это максима неопозиционности. Она предполагает отказ от конфликтной ситуации во имя решения более серьезной задачи, а именно — сохранения предмета взаимодействия, «снятие конфликта» путем взаимной коррекции коммуникативных тактик собеседников.

6. Максима симпатии. Это максима благожелательности, которая создает благоприятный фон для перспективного предметного разговора. Неблагожелательность делает речевой акт невозможным. Определенную проблему представляет так называемый *безучастный контакт*, когда собеседники, не будучи врагами, не демонстрируют доброжелательности по отно-

шению друг к другу. Максима доброжелательности дает основание рассчитывать на положительное развитие речевой ситуации с намечающимся конфликтом.

Принцип кооперации Грайса и принцип вежливости Лича составляют основу так называемого коммуникативного кодекса, представляющего собой «сложную систему принципов, регулирующих речевое поведение обеих сторон в ходе коммуникативного акта и базирующихся на ряде категорий и критериев» [35, 78].

Базовые **категории**, формирующие коммуникативный кодекс, – коммуникативная (речевая) цель и коммуникативное (речевое) намерение.

Важнейшими критериями в составе коммуникативного кодекса признаются критерий истинности (верность действительности) и критерий искренности (верность себе).

При рассмотрении коммуникативного кодекса, анализе возможностей его использования в практике речевого общения, конечно, следует иметь в виду, что сформулированные максимы не имеют абсолютного значения, ни одна из максим сама по себе не обеспечивает успешного взаимодействия собеседников, более того, соблюдение одной максимы может привести к нарушению другой и т.п. Критики теории речевых актов обращают внимание на оторванность предложенных схем речевого общения от реальных социальных условий, неучтенность многих параметров их возможного употребления и т.д. Однако нельзя не признать, что применение описанных принципов позволяет более успешно организовать речевое общение, повысить его эффективность.

4.3. Эффективность речевой коммуникации

Под эффективной речевой коммуникацией понимается достижение адекватного смыслового восприятия и адекватной интерпретации передаваемого сообщения. Правильная интерпретация считается состоявшейся, если реципиент трактует основную идею текста в соответствии с замыслом коммуникатора. Если реципиент усвоил, для какой цели порожден данный текст, что именно хотел сказать его автор с помощью всех использованных средств, можно утверждать, что он интерпре-

тировал текст адекватно. Неадекватное понимание устного и письменного сообщения у отправителя и получателя может привести к серьезным ошибкам во время выработки и принятия решения, стать причиной нежелательных конфликтов.

Как отмечают исследователи,

языковая данность «речевое общение» во многом формируется неязыковыми факторами и конструирует внеязыковые сущности: отношения, действия, состояния, эмоции, знания, убеждения и т.д. Поэтому и успешность речевого общения, и неудачи далеко не всегда зависят от выбора говорящими языковых форм [43, 68].

Какие же условия, способствующие эффективному обмену информацией и осуществлению коммуникативной цели, следует учитывать при организации речевой коммуникации? Специалисты к таким условиям относят потребность в общении, коммуникативную заинтересованность; настроенность на мир **собеседника**, близость мировоззрения говорящего и слушающего; умение слушателя проникнуть в замысел (намерение, интенцию) говорящего; внешние обстоятельства (присутствие посторонних, физическое состояние), знание норм этикетного речевого общения и др. [43].

Очень важно создать позитивный коммуникационный климат, помогающий установить контакт и взаимоотношение в процессе общения. По данным зарубежных ученых, количество передаваемой информации, ее точность увеличивается в атмосфере доверия и открытости между участниками общения.

Созданию такого климата способствует соблюдение участниками диалога принципа кооперации Г.П. Грайса и принципа вежливости Дж. Н. Лича, установление партнерских отношений, а также применение ряда психологических принципов общения, сформулированных в научной и методической литературе. Назовем основные из них.

Принцип равной безопасности, предполагающий непричинение психологического или иного ущерба партнеру в информационном обмене. Этот принцип запрещает оскорбительные выпады против реципиента, унижение чувства собственного достоинства партнера. Ярлыки, грубые слова и выражения, обидные реплики, оскорбления, презрительный и насмешливый тон могут вывести человека из состояния равновесия, нанести ему моральную травму и даже физический ущерб здоровью, а значит, помешать восприятию и пониманию информа-

пии Конечно, каждый участник диалога имеет право защищать и отстаивать свою точку зрения, не соглашаться с высказываниями оппонента, показывать и доказывать ошибочность его позиции, но он обязан с уважением относиться к личности собеседника.

Принцип децентрической направленности, означающий непричинение ущерба делу, ради которого стороны вступили во взаимодействие. Суть этого принципа состоит в том, что силы участников коммуникации не должны тратиться на защиту амбициозных, эгоцентрических интересов. Их следует направлять на поиск оптимального решения проблемы. Децентрическая направленность, в отличие от эгоцентрической, характеризуется умением анализировать ситуацию или проблему с точки зрения другого человека, исходя не из собственных интересов, а из интересов дела. Отмечается, что это довольно часто нарушаемый принцип. Нередко люди, руководствуясь самыми различными мотивами, в пылу эмоций забывают о самом предмете обсуждения.

Принцип адекватности того, что воспринято, тому, что сказано, т. е. непричинение ущерба сказанному путем намеренного искажения смысла. Порой участники общения сознательно искажают позицию оппонента, передергивают смысл его слов, чтобы таким путем добиться преимуществ в разговоре. Это приводит к разногласиям и взаимному непониманию.

Обозначим и основные факторы, способствующие установлению благоприятного климата речевого общения:

— признание не на словах, а на деле плюрализма мнений, наличия многообразия точек зрения на различные проблемы современной жизни, что является необходимой предпосылкой демократического решения вопросов;

— предоставление каждому возможности осуществить свое право высказать собственную точку зрения;

— предоставление равных возможностей в получении необходимой информации для обоснования своей позиции;

— осознание того, что необходимость конструктивного диалога диктуется не волей отдельных лиц, а реально сложившейся ситуацией, связана с решением жизненно важных проблем для той и другой стороны;

— определение общей платформы для дальнейшего взаимодействия и сотрудничества, стремление найти в высказыва-

ниях партнера и его поведении то, что объединяет с ним, а не разъединяет, поиск общих точек соприкосновения.

Несоблюдение этих условий, игнорирование названных принципов превращают конструктивный диалог в деструктивный, препятствуют организации эффективной речевой коммуникации.

Главная причина появления деструктивных элементов в процессе общения — стереотипно-догматическое мышление, нетерпимость к чужому мнению. Основанием деструктивности могут стать и личностные особенности его участников: эгоизм, амбициозность, уверенность в собственной непогрешимости, категоричность суждений, неспособность идти на компромисс, поступиться собственными интересами, а также отсутствие здравого смысла, непонимание реальных процессов, происходящих в обществе.

Необходимым условием эффективной речевой коммуникации является умение слушать. Это умение важно не только для реципиента, но и для коммуникатора, так как диалогический характер общения признается наиболее эффективным и **предпочтительным**.

«Умение слушать — редкая способность и высоко ценится. Гораздо чаще стремятся перебить...» — пишет Д. Гранин в романе «Картина». Может быть, у кого-то эти слова вызовут недоумение. Действительно, что здесь особенного — уметь слушать? Ведь все люди, обладающие нормальным слухом, слышат друг друга, разговаривают, общаются. Однако слышать и слушать — не совсем одно и то же. Слышать означает физически воспринимать звук, а слушать — это не просто направлять слух на что-либо, а сосредоточиться на воспринимаемом, понимать значение принимаемых звуков. Большинство людей, по мнению ученых, плохо умеют слушать слова других, особенно если они не затрагивают их реальных интересов. Исследования показывают, что умением выслушать собеседника сосредоточенно и выдержанно, вникнуть в сущность того, что говорится, обладают не более 10 % людей, а руководители слушают с 25-процентной эффективностью.

Нетрудно заметить, что когда мы мысленно не соглашаемся с говорящим, то, как правило, прекращаем слушать и ждем своей очереди высказаться, подбираем доводы и аргументы, готовим достойный ответ. А когда начинаем спорить, то увле-

каемся обоснованием своей точки зрения и тоже не слышим собеседника, который вынужден подчас прерывать нас фразой: «Да выслушайте же вы меня, наконец!».

Между тем умение слушать — это необходимое условие правильного понимания позиции оппонента, верной оценки существующих с ним разногласий, залог успешного ведения переговоров, беседы, существенный элемент культуры делового общения.

Давайте рассмотрим, что такое слушание с психологической точки зрения, каковы его основные принципы и какие приемы так называемого хорошего слушания необходимо усвоить каждому.

Слушание представляет собой процесс восприятия, осмысления и понимания речи говорящего. Это возможность сосредоточиться на речи партнера, способность выделить из его сообщения идеи, мысли, эмоции, отношение говорящего, умение понять своего собеседника. Это психологическая готовность к контакту с другим человеком. Как говорят психологи, слушание — это тяжелый труд, но и ценнейший дар, которым можно одарить другого.

Манера слушать, или так называемый стиль слушания, во многом зависит от личности собеседников, от характера и интересов слушателей, от пола, возраста, служебного положения участников общения. Например, подчиненные, как правило, более внимательны и сосредоточены в разговоре с «начальством», нежели наоборот, они далеко не всегда решаются прервать своего оппонента.

Психологи установили также существенные различия в поведении мужчин и женщин. Они считают, что в разговоре мужчина перебивает женщину почти в 2 раза чаще. Примерно одну треть времени разговора женщина собирается с мыслями, пытается восстановить ход прерванного разговора. Мужчины чаще сосредоточиваются на содержании разговора, а женщины больше внимания уделяют самому процессу общения. Мужчины любят слушать самих себя. Они склонны слишком быстро давать готовые ответы, не выслушивая собеседника до конца и не задавая ему вопросов [8].

Различают два вида слушания. Один из них называется нерефлексивным. Он состоит в умении внимательно молчать, не вмешиваться в речь собеседника своими замечаниями. На

первый взгляд такое слушание кажется пассивным, но оно требует значительного физического и психологического напряжения. Нереплексивное слушание обычно используется в таких ситуациях общения, когда один из собеседников глубоко взволнован, желает высказать свое отношение к тому или иному событию, хочет обсудить наболевшие вопросы, испытывает трудности в выражении своих проблем. Однако такое слушание не всегда бывает уместным. Ведь молчание можно принять за знак согласия. Нереплексивное слушание порой ошибочно истолковывают как принятие позиции оппонента. Поэтому намного честнее сразу прервать собеседника, открыто высказать свою точку зрения, чтобы впоследствии избежать недоразумений.

Кроме того, следует иметь в виду, что некоторые собеседники не имеют достаточного желания высказывать собственное мнение, другие, напротив, ждуг активной поддержки, одобрения своим словам. В таких случаях рекомендуют применять другой вид слушания — рефлексивный. Суть его заключается в активном вмешательстве в речь собеседника, в оказании ему помощи выразить свои мысли и чувства, в создании благоприятных условий для общения, в обеспечении правильного и точного понимания собеседниками друг друга.

Важно уметь выбрать вид слушания, наиболее уместный в данной ситуации общения.

Необходимое условие эффективного слушания — *зрительный контакт* между собеседниками. Приходилось ли вам анализировать, куда вы смотрите во время разговора, в какую сторону направлен взгляд других участников обсуждения? Нормы русского этикета требуют, чтобы говорящие смотрели друг на друга, причем не «пустыми глазами», а внимательно и заинтересованно. Если у собеседника «бегают глаза», создается впечатление, что он говорит неправду, если отводит глаза, кажется, что он неискренен, что-то утаивает и т.п. Можно сказать, что глаза слушателя показывают температуру разговора. А вот в японском этикете правила слушания несколько иные. Например, при официальных отношениях нижестоящему не разрешается смотреть в глаза вышестоящему. Это рассматривается как вызов, дерзость, непочтение. А чтобы подтвердить свое внимание во время разговора, японцы выработали специальный прием: они все время кивают головой и говорят «хай» (да).

Американцы, европейцы воспринимают такое этикетное поведение в соответствии со своими нормами, поэтому их нередко шокирует отказ японцев в конце разговора. Как же так, в продолжении всего разговора кивали головой, говорили «да» и вдруг дали отрицательный ответ.

Когда речь идет об эффективном слушании, то целесообразно обращать внимание и на позу участников общения. Она может выражать желание и нежелание слушать оппонента. У вашего собеседника естественная, непринужденная поза. Он корпусом слегка наклонился в вашу сторону, его вид говорит о том, что он весь внимание. Все это создает благоприятные условия для разговора. Напротив, собеседник откинулся назад, отвернулся, малоподвижен, не смотрит на говорящего, т. е. всем своим видом подчеркивает нежелание обсуждать выдвинутые проблемы.

Следует учитывать и такой важный фактор в общении, как межличностное пространство, расстояние, на котором собеседники находятся по отношению друг к другу. Исследователи определяют предел допустимого расстояния между собеседниками следующим образом: межличностное расстояние (для разговора друзей) — 0,5—1,2 м; социальное расстояние (для неформальных социальных и деловых отношений) — 1,2—3,7 м; публичное расстояние — 3,7 м и более. В зависимости от вида взаимодействия выбирается то или иное расстояние, наиболее благоприятное для контакта.

Дополнительные сведения о внутреннем состоянии собеседника, его отношении к предмету обсуждения, о реакции на наши слова могут быть также его мимика, жесты, интонация. Все это повышает эффективность слушания и, следовательно, позволяет лучше понять суть позиции оппонента. Поэтому не случайно один из основных принципов хорошего слушания звучит так: «Старайтесь сконцентрироваться на человеке, который говорит с вами; обращайтесь внимание не только на слова, но и на звук голоса, мимику, жесты, позу и т.д.». Это позволит получить дополнительные сведения о внутреннем состоянии собеседника, его отношении к предмету обсуждения, о реакции на слова партнера.

Другой важный принцип хорошего слушания психологи сформулировали следующим образом: «Покажите говорящему, что вы его понимаете». Чтобы реализовать этот принцип, ре-

комендуют использовать различные приемы рефлексивного слушания. Можно обратиться к говорящему за уточнениями, используя такие фразы, как: *Я вас не понял; Не повторите ли вы еще раз?; Что вы имеете в виду?*

Целесообразно сформулировать мысли говорящего своими словами, чтобы уточнить сообщение. Перефразирование обычно начинается словами: *Как я вас понял...; Как я вас понимаю...; По вашему усмотрению...; Другими словами, вы считаете. ..*

Иногда необходимо понять и отразить чувства говорящего: *Мне кажется, что вы чувствуете...; Вероятно, вы чувствуете...; Не чувствуете ли вы себя несколько...; Вы, вероятно, расстроены...*

Можно использовать и так называемый прием резюмирования. Слушающий подытоживает основные идеи и чувства говорящего: *То, что вы сказали, может означать...; Вашими основными идеями, как я понял, являются...; Если теперь обобщить сказанное вами, то...* Это создает уверенность в правильном восприятии сообщения, особенно в ситуациях, когда между собеседниками есть разногласия, отсутствует единая точка зрения, назревает конфликт.

К сожалению, названный принцип часто нарушается. Люди, не затрудняя себя, нередко не вслушиваются в слова оппонента, не уточняют его позиции, не взвешивают его доводы, иногда придают им другое значение и, следовательно, отвечают не на его, а на свои собственные мысли. В этом случае оппонент вынужден вновь возвращаться к ранее сказанному, заново формулировать высказанные положения.

Обратите внимание и на такой принцип хорошего слушания: «Не давайте оценок, не давайте советов». Психологи утверждают, что оценки и советы, даже когда они даются из самых лучших побуждений, обычно ограничивают свободу высказываний. А это может снизить активность участников диалога, оказать давление на мнение присутствующих и в результате помешать эффективному обсуждению проблемы.

Осмысление и применение принципов хорошего слушания поможет вам наладить контакт с оппонентом, понять его точку зрения, вникнуть в суть разногласий между вами, позволит сделать диалог более плодотворным.

При организации речевой коммуникации следует помнить о двух важных законах коммуникации:

1. Суть не в том, что сообщает отправитель, а в том, что понимает получатель.

2. Если получатель неправильно толкует сообщение отправителя, то вину несет отправитель, т. е. ответственность за точную коммуникацию лежит на отправителе.

Межличностные барьеры, возникающие в процессе речевого общения, зачастую обусловлены особенностями восприятия речевых средств. Серьезным препятствием в информационных обменах являются расхождения в понимании смысла употребляемых слов у отправителя и получателя. Это нередко бывает связано с неточностью словоупотребления, неправильным использованием многозначных слов, синонимов, антонимов, омонимов, паронимов. Поэтому при отборе лексических средств для сообщения рекомендуется учитывать следующие факторы: значение слова, его многозначность, сочетаемость с другими словами, эмоционально-экспрессивную окраску, стилистическую характеристику, сферу употребления, грамматическую оформленность.

Необходимо иметь в виду и такую особенность смыслового восприятия, как «иллюзия понятности», т. е. несоответствие нашего понимания смысла слова его действительному содержанию при уверенности в правильной понимании этого слова. Главный критерий «иллюзии понятности» — неумение дать определение слову. В данном случае речь идет не о строгом логическом определении лексического значения слова, а о незнании как существенных, так и второстепенных признаков предмета или указания признаков, которые никогда ему не были свойственны.

«Иллюзия понятности», как правило, связана с восприятием слов, которые часто используются средствами массовой информации. К ним прежде всего относится общественно-политическая лексика, которая постоянно звучит в передачах радио и телевидения, в публичных выступлениях, встречается на страницах периодической печати. Воспринимая знакомое звучание слова, человек не вдумывается в его смысл, не вникает в суть понятия, обозначенного этим словом. Воспринимающему кажется, что он знает и понимает слово, но на деле это не всегда так. Например, при анкетном опросе значение ряда слов

объяснялось следующим образом: *брифинг* — мировоззрение, совещание, обсуждение, собрание; *легитимизация* — независимость; *конфессия* — вид собрания, решение, один из видов денежных сборов; *инсинуация* — случайность, собственное видение чего-либо; *обструкция* — мыслить абстрактно, абстрактное понятие. Любопытно, что особым разнообразием отличались толкования таких широко употребляемых в последнее время слов, как *беспрецедентный* — бесспорный, однозначный, ясный, доказанный, частный, знаменательный, ненарушаемый, вопиющий, не подлежащий обжалованию, безусловный, не имеющий возражений, не нуждающийся в дополнениях; *экс-клюдивный* — специальный, прямой, достоверный, безоговорочный, невероятный. Все эти толкования не имеют ничего общего с реальным значением указанных слов.

Для сравнения приведем данные из словарей:

Брифинг — встреча официальных лиц с представителями средств массовой информации, на которой кратко излагается позиция правительства или соответствующих организаций по определенному вопросу или дается информация о ходе международных переговоров, взглядах сторон и т. д.

Легитимизация — признание или подтверждение законности каких-либо прав, полномочий, организаций.

Конфессия — вероисповедание.

Инсинуация — клеветническое измышление, имеющее целью опорочить кого-либо; злостный вымысел, клевета.

Обструкция — род протеста, метод борьбы, преимущественно парламентской, направленной на срыв заседания, собрания и т. п. путем создания шума, произнесения длинных, не относящихся к делу речей; действия, демонстративно направленные на срыв чего-либо.

Беспрецедентный — не имеющий прецедента, прецедентов (прецедент — случай, служащий примером или оправданием для последующих случаев этого же рода).

Эксклюзивный — исключительный; распространяющийся на ограниченный круг предметов.

Наряду с явлением «иллюзии понятности», следует учитывать также, что получатель информации может просто не знать отдельных слов, употребляемых коммуникатором. Перегрузка сообщения незнакомыми словами может стать существенной помехой при передаче информации языковыми средствами,

вызвать неадекватную реакцию, а иногда и полное несоответствие посланного сигнала и его трактовки реципиентом.

Отметим, что смысловое восприятие не всегда определяется только характером сообщения. Во многом оно зависит от языковой компетенции реципиента, его речевого опыта, словарного запаса, подготовленности к интерпретации языкового сообщения. Поэтому ученые считают целесообразным разделять носителей языка не только на социально-профессиональные, образовательные и т.п. группы, но и на языковые, или семиотические, группы по их тезаурусу (словарю) и умению оперировать им.

Как показывают экспериментальные данные психолингвистов и социологов, чем богаче тезаурус реципиента, шире база его речевой деятельности, тем адекватнее смысловое восприятие, тем точнее выражает он свои мысли, тем эффективнее речевое воздействие.

По данным лингвистов, в настоящее время при значительно более высокой образованности носителей языка степень семантического непонимания получает очень большой «лингвистический индекс». Это связано с особенностями лингвокультурной ситуации современной России, с процессами демократизации и либерализации языка, широким пополнением его новыми словами из экономической, финансовой, коммерческой и других сфер. Как показывают исследования, многие слова, вошедшие в обиход, остаются непонятными для большинства граждан. И это, естественно, отражается на качестве коммуникационного обмена. Кроме того, следует иметь в виду интенсивную стратификацию нашего общества, выделение технологических, управленческих, научных и других элит со своими языковыми особенностями.

4.4. Доказательность и убедительность речи.

Основные виды аргументов

В процессе речевого взаимодействия коммуникатор, как правило, не просто передает реципиенту новую информацию, а убеждает его принять эту информацию, т. е. оказывает на оппонента убеждающее воздействие.

«Ах, боже мой! Совсем, совсем убедил он меня в своей правоте», — восклицает Веруся из романа А. И. Эртеля «Гарденины», делясь своими впечатлениями о новом управляющем Переверзеве. В письме к другу она пишет: «Я возразила... но должна сознаться, у него больше, гораздо больше нашлось аргументов, и — что хуже количества — аргументы-то эти как-то застыли в его голове, окрепли, точно железные, и ясны, ясны... как полированная сталь!»

Говорящему нередко приходится еще и переубеждать своего оппонента, так как у того обычно имеется достаточно твердое мнение по обсуждаемому вопросу. Однако сделать это удается далеко не всегда. Обратимся к беседе князя Болконского с сыном Андреем в романе «Война и мир». Разговор шел о войне, Бонапарте, генералах и государственных людях. Л. Н. Толстой подчеркивал, что собеседники твердо придерживались собственных убеждений, не уступая друг другу:

Старый князь, казалось, был убежден не только в том, что все теперешние деятели были мальчишки, не смыслившие и азбуки военного и государственного дела, и что Бонапарте был ничтожный французишка, имевший успех только потому, что уже не было Потемкиных и Суворовых противопоставить ему; но он был убежден даже, что никаких политических затруднений не было в Европе, не было и войны, а была какая-то кукольная комедия, в которую играли нынешние люди, притворяясь, что делают дело.

... И князь начал разбирать все ошибки, которые, по его понятиям, делал Бонапарте во всех своих войнах и даже в государственных делах. Сын не возражал, но видно было, что какие бы доводы ему ни представляли, он так же мало способен был изменить свое мнение, как и старый князь.

Изучением наиболее эффективных в коммуникативном процессе методов и приемов убеждающего воздействия занимается особая отрасль знания — **теория аргументации** («новая риторика»).

Аргументация — это операция обоснования каких-либо суждений, практических решений и оценок, в которой наряду с логическими применяются также речевые, эмоционально-психологические и другие внелогические методы и приемы убеждающего воздействия [34, 199].

Исследователи выделяют в аргументации два аспекта — **логический и коммуникативный**.

В логическом плане аргументация выступает как процедура отыскания оснований (доводов) для некоторого положения (тезиса), выражающего определенную точку зрения.

В коммуникативном плане аргументация есть процесс передачи, истолкования и внушения реципиенту информации, зафиксированной в тезисе аргументатора. Конечная цель этого процесса — формирование этого убеждения. Аргументация достигает этой цели лишь в том случае, если реципиент: а) воспринял, б) понял и в) принял тезис аргументатора [46, 212—213].

Как видим, доказывание и убеждение — это разные процессы, хотя и тесно связанные друг с другом. Доказывать означает устанавливать истинность тезиса, а убеждать — это создавать впечатление, вселять уверенность, что истинность тезиса доказана, делать слушателей единомышленниками, участниками своих замыслов и действий.

Практика показывает, что в процессе общения возникают самые разные ситуации. Говорящий логически правильно доказывает выдвинутый тезис, но это не убеждает оппонентов, так как доказательство сложно для них и не воспринимается. Напротив, убеждают иногда рассуждения, основанные не на доказательстве, а на предрассудках, на неосведомленности людей в различных вопросах, вере в авторитеты и т. д. Большое влияние оказывают красноречие выступающего, пафос его речи, уверенность в голосе, внушительная внешность и т. п. Другими словами, можно доказать какое-то положение, но не убедить в его истинности окружающих и, наоборот, убедить, но не доказать. Однако следует иметь в виду, что в большинстве случаев основа убедительности речи — ее доказательность.

Что же представляет собой доказательство как логическая операция?

Всякое логическое доказательство включает три взаимосвязанных элемента: тезис (мысль или положение, истинность которого требуется доказать), аргументы, или основания, доводы (положения, с помощью которых обосновывается тезис), **демонстрация**, или форма, способ доказательства (логическое рассуждение, совокупность умозаключений, которые применяются при выведении тезиса из аргументов).

Различают доказательство прямое и косвенное. При прямом доказательстве *тезис* обосновывается аргументами без

помощи дополнительных построений. Приведем пример использования прямого доказательства.

Б. Н. Чичерин (1828—1904), профессор Московского университета, юрист, историк, философ и публицист, вспоминая о своих студенческих годах, отметил, что, когда он поступил в Московский университет, тот находился в самой цветущей поре своего существования: «Все окружающие его условия, и наверху и внизу, сложились в таком счастливом сочетании, как никогда в России не бывало прежде и как, может быть, никогда уже не будет впоследствии». Развивая эту мысль, автор сформулировал тезис: «Отношения между профессорами и студентами были самые сердечные: с одной стороны, искренняя любовь и благоговейное уважение, с другой стороны, всегдашнее ласковое внимание и готовность прийти на помощь», а затем привел ряд доводов, обосновывающих выдвинутое положение.

У преподавателей университета Грановского, Кавелина, Редкина в назначенные дни собиралось всегда множество студентов. Велись оживленные разговоры не только о научных предметах, но и о текущих вопросах дня, о явлениях литературы. Библиотеки профессоров всегда были открыты для студентов. Давая книги и спрашивая о прочитанном, профессора побуждали молодых людей к чтению. Всякий молодой человек, подававший надежды, делался предметом особенного внимания и попечения. Немало было студентов, которые под руководством профессоров занимались серьезно и основательно. «Стремление к знанию, одушевление мыслью носились в воздухе, которым мы дышали. Самые порядки, господствовавшие в университете, были таковы, что нам жилось в нем хорошо и привольно. Это действительно была *alma mater*, о которой нельзя вспомнить без теплой сердечной признательности», — писал Чичерин.

Косвенное доказательство предполагает обоснование истинности тезиса посредством опровержения противоречащего положения — *антитезиса*. Из ложности антитезиса на основании закона исключенного третьего делается заключение об истинности тезиса.

Примером косвенного доказательства может служить следующее рассуждение. Слово *борьба* по происхождению является общеславянским (тезис). Предположим, что это не соответствует истине. Слово *борьба* не является общеславянским

(антитезис). Если бы это было так, оно не употреблялось бы во всех славянских языках. По данным же этимологических словарей, слово *борьба* зафиксировано во многих славянских языках: украинское *боротьба*, белорусское *барацьба*, словацкое *borba*, болгарское *борба*, сербохорватское *борба*, словенское *bořba*, *bořka*. Существительное *борь* отмечается еще в памятниках XI — XII веков. Таким образом, предположение, что слово *борьба* не общеславянское, ошибочно. Правильным надо считать выдвинутый тезис.

К прямому и косвенному доказательствам нередко прибегают одновременно. В этом случае говорящий обосновывает свой тезис и показывает несостоятельность антитезиса.

При построении логического доказательства полемисту необходимо знать и **соблюдать правила выдвижения тезиса и аргументов**. Следует иметь в виду, что тезис нужно четко сформулировать, он должен оставаться неизменным в ходе данного доказательства и не содержать в себе логического противоречия. В качестве аргументов нужно использовать истинные положения, причем их истинность доказывается независимо от тезиса. Кроме того, нельзя забывать, что аргументы должны быть достаточными для данного тезиса.

При нарушении этих правил в доказательстве возникают различные **логические ошибки**. Так, наиболее распространенной ошибкой, совершаемой относительно доказываемого тезиса, считается «подмена тезиса». Суть ее заключается в том, что доказывается или опровергается не тот тезис, который был выдвинут первоначально. Эта ошибка может быть произвольной, неумышленной. Говорящий не замечает, как он с одного тезиса переходит на другой. Однако нередко приходится сталкиваться с намеренным искажением тезиса, с приписыванием ему другого смысла, сужением или расширением его содержания.

К «подмене тезиса» прибегают, чтобы поставить оппонента в неловкое положение, обеспечить себе победу в споре. Вот, к примеру, что рассказывает В. В. Вересаев в «Воспоминаниях» о действиях своего университетского товарища:

...**Печерников** ловко переиначивал мои слова, чуть-чуть сдвигал мои возражения в другую плоскость и победительно опровер-

гал их, а я не умел уследить, где он мои мысли передвинул. Сплошная была софистика, а я был против нее бессилен...

Писатель подчеркивает:

Только долгим трудом и привычкою дается умение незаметно для противника непрерывно выпрямлять линию спора, не давая ей выхляться и отклоняться в стороны, приходиться к решению вопроса, намеченного вначале.

В одном из произведений Эразма Роттердамского описывается спор между аббатом и образованной дамой. Монаху не нравится, что в ее комнате очень много книг, женщина отстаивает свое право на чтение. Приведем два отрывка из этого разговора:

Антроний. Что ты называешь мудростью?

Магдалия. Это когда ты понимаешь, что счастье человеку приносят только духовные блага, а богатства, почести, знатность не делают его ни счастливее, ни лучше.

Антроний. Бог с нею, с этакой мудростью.

Магдалия. А что, если мне приятнее читать хорошего писателя, чем тебе охотиться, пить или играть в кости? Ты не согласишься, что я живу приятно?

Антроний. Я бы так не жил.

Магдалия. Яне про то спрашиваю, что тебе приятнее всего, а что должно быть приятно.

Магдалия. Агы считаешь человеком того, кто не знает мудрости и знать не хочет?

Антроний. Для себя я достаточно мудр.

Магдалия. Для себя и свиньи мудры.

Антроний. Да ты прямо софистка какая-то — до чего ловко споришь!

Антроний не прав. Магдалия не ведет себя, как софистка. Но спорит она действительно умело. Ей удается обнаружить логические ошибки в рассуждениях Антрония и показать ему их. Так, в приведенных отрывках аббат все время подменяет тезис, суживает его. «Я не про то спрашиваю, что тебе приятно, а что должно быть приятно», — говорит ему Магдалия. На ее вопрос, считает ли он человеком того, кто не знает мудрости и знать не хочет, Антроний отвечает: «Для себя я достаточно мудр», т. е. опять сводит разговор от общего к частному. По-

этому-то Магдалия и бросает ему реплику: «Для себя и свиньи мудры»-

Остановимся на основных ошибках, относящихся к аргументам. Если тезис обосновывается ложными суждениями, которые выдаются за истинные, возникает ошибка, называемая *«ложное основание»* или *«основное заблуждение»*. Недобросовестные люди порой ссылаются на несуществующие документы, якобы опубликованные материалы, на исследования, которые не проводились, подтасовывают факты, искажают статистические данные и т. д. Однако эта ошибка может быть и непреднамеренной, она возникает из-за недостаточной компетентности человека.

Когда в качестве аргумента берется недоказанное положение, совершается ошибка *«предвосхищение основания»*. Это положение не является заведомо ложным, но оно само нуждается в доказательстве, которое должно показать его истинность.

Следует опасаться ошибки, получившей название *«порочный круг»* или *«круг в доказательстве»*. Она состоит в том, что тезис обосновывается аргументами, а аргументы выводятся из этого же тезиса. Приведем разговор, который происходит по такому кругу:

- Наша бригада в этом квартале добилась больших успехов.
- Поздравляю. Как вам это удалось?
- Очень просто. Наша бригада все время работала хорошо.
- А что значит работала хорошо?
- А то, что она добилась больших успехов.

Тезис «бригада добилась успехов» обосновывается аргументом «работала хорошо», а этот аргумент доказывается тезисом «она добилась больших успехов».

Подобный род ошибок метко высмеивается мастерами слова. Например, в пьесе французского драматурга Мольера «Лекарь поневоле» описывается такая сцена. Отец немой девочки пожелал узнать, почему его дочь нема. «Сделайте одолжение, — ответил Сганарель. — Оттого, что она утратила дар речи». «Хорошо, — возразил Жеронт, — но скажите мне, пожалуйста, причину, по которой она его утратила». Медик ответил: «Величайшие ученые скажут вам то же самое: оттого, что у нее язык не ворочается».

Обнаружить в рассуждениях ошибку *«порочный круг»*, осо-

бенно если оппоненты недостаточно опытные, не всегда бывает легко, поэтому порой она остается незамеченной и создает впечатление, что выдвинутый тезис доказан. Подтверждением этому может служить описание наивного спора о самолюбии двух молодых людей в повести Л. Н. Толстого «Отрочество». Нехлюдов спрашивает Николеньку Иртеньева, считает ли того самолюбивым. Разговор между ними продолжается:

— Я думаю, что да, — сказал я, чувствуя, как голос мой дрожит и краска покрывает лицо при мысли, что пришло время доказать ему, что я умный, — я думаю, что всякий человек самолюбив, и все то, что ни делает человек, — все из самолюбия.

— Так что же, по-вашему, самолюбие? — сказал Нехлюдов, улыбаясь несколько презрительно, как мне показалось.

— Самолюбие, — сказал я, — есть убеждение в том, что я лучше и умнее всех людей.

— Да как же могут быть все в этом убеждены?

— Уж я не знаю, справедливо ли, или нет, только никто, кроме меня, не признается; я убежден, что я умнее всех на свете, и уверен, что вы тоже уверены в этом.

— Нет, я про себя первого скажу, что я встречал людей, которых признавал умнее себя, — сказал Нехлюдов.

— Не может быть, — отвечал я с убеждением.

— Неужели вы в самом деле так думаете? — сказал Нехлюдов, пристально вглядываясь в меня.

— Серьезно, — отвечал я.

И тут мне вдруг пришла мысль, которую я тотчас же высказал.

— Я вам это докажу. Отчего мы самих себя любим больше других?.. Оттого, что мы считаем себя лучше других, более достойными любви. Ежели бы мы находили других лучше себя, то мы бы и любили их больше себя, а этого никогда не бывает. Ежели и бывает, то все-таки я прав, — прибавил я с невольной улыбкой самодовольствия.

Нехлюдов помолчал с минуту.

— Вот я никак не думал, чтобы вы были так умны! — сказал он мне с такой добродушной, милой улыбкой, что вдруг мне показалось, что я чрезвычайно счастлив.

В этом споре Николенька, отстаивая положение «все люди самолюбивы», утверждает, что каждый считает себя умнее других. Нехлюдов возражает ему. Тогда Иртеньев прибегает к такому доказательству: люди считают себя умнее других потому, что любят себя больше других; а любят себя больше дру-

гих, так как считают себя достойнее других, т. е. умнее. Налицо «**порочный круг**». Но Нехлюдов не заметил этого. Рассуждения Николая ему показались очень разумными.

Логические ошибки, как отмечалось выше, бывают непреднамеренными и намеренными. Ошибки первого рода чаще всего возникают из-за отсутствия у человека логической культуры, навыков ведения публичного спора, вследствие излишней горячности, эмоциональности во время обсуждения и т. п. Намеренные ошибки — это сознательно допускаемые ошибки, это логические уловки, умышленно ошибочные рассуждения, которые выдаются за истинные. Такого рода ошибки называют *софизмами* (греч. *sophisma* — измышление, хитрость). Известны они были еще в далекой античности, многие из них описаны Аристотелем в работе «О софистических опровержениях». Цель их — сделать противника уязвимым, привести его в наибольшее затруднение.

Следует иметь в виду, что одни логические ошибки распознать легче, другие труднее. Одни ясны каждому, другие остаются незамеченными даже самыми опытными людьми.

Логические ошибки в рассуждениях, независимо от того, какова их причина, являются ли они преднамеренными или ненамеренными, осложняют ведение диалога, мешают поиску истины, принятию правильного решения. Поэтому необходимо стараться свести их к минимуму в своей речи, уметь найти логические ошибки в рассуждениях оппонентов, разоблачить логические ухищрения противников.

Чтобы доказать правильность выдвинутых положений, убедить в их истинности, в процессе общения используются различные виды аргументов.

Начиная с античных времен, принято делить доводы на логические, обращенные к разуму слушателей, и психологические, оказывающие воздействие на чувства.

К логическим аргументам относятся следующие суждения:

- теоретические или эмпирические обобщения и выводы;
- ранее доказанные законы науки;
- аксиомы и постулаты;
- определения основных понятий конкретной области знаний;
- утверждения о фактах.

В ходе аргументации важно разграничивать факт и мнение.

Факт — это действительное, невымышленное явление, событие, то, что произошло на самом деле. *Мнение* — суждение, выражающее оценку, отношение, взгляд на что-либо. Факты существуют сами по себе, независимо от того, как мы их оцениваем и используем в своих целях. На мнения влияют социальные установки, личностные ориентиры, особенности характера, психическое состояние, уровень подготовки, степень осведомленности и многое другое. Мнения могут быть предвзятыми, необъективными, ошибочными. Поэтому факты являются более надежными аргументами. К мнениям же необходимо относиться критически, учитывать исторические и социальные условия, которые оказали влияние на их формирование.

Достаточно весомыми логическими доводами считаются статистические данные. Так, во время дискуссии о пользе «космических знаний» для живущих на Земле был приведен очень веский аргумент в защиту мирного освоения космоса: «Одни только прогнозы погоды на основе сообщения с космических орбит ежегодно сберегают стране материальные ценности на 500—700 миллионов рублей».

Однако цифрами нельзя злоупотреблять. Обилие цифр оглушает слушателей, затрудняет восприятие содержания речи.

Важно, чтобы статистические данные отражали реальное положение дел, не искажали действительность.

Значительную роль в убеждающей речи играют психологические доводы. Вы, наверное, замечали, что если оратор в своем выступлении затронет какие-либо чувства — чувство долга и чести, чувство ответственности за порученное дело, чувство товарищества и др., то его речь больше воздействует на нас, мы ее лучше запоминаем. Почему это происходит? Психологи доказали, что на процесс убеждения сильное влияние оказывает эмоциональное состояние слушателя, его субъективное отношение к предмету речи.

Вспомните, как играет на честолюбивых чувствах васюкинцев **Остап Бендер**, рисуя им потрясающие перспективы развития Васюков в случае проведения там международного шахматного турнира. Васюкинские шахматисты внимали ему «с сыновней любовью». Остап, чувствуя прилив новых сил, говорил:

— Мой проект гарантирует вашему городу неслыханный расцвет производительных сил. Подумайте, что будет, когда турнир окончится и когда уедут все гости. Жители Москвы, стесненные жилищным кризисом, бросятся в ваш великолепный город. Столица автоматически переходит в Васюки. Сюда приезжает правительство. Васюки переименовываются в Нью-Москву, Москва — в Старые Васюки. Ленинградцы и харьковчане скрежещут зубами, но ничего не могут поделать. Нью-Москва становится элегантнейшим центром Европы и всего мира.

— Всего мира!!! — застонали оглушенные васюкинцы.

— Да! А впоследствии и вселенной. Шахматная мысль, превратившая уездный город в столицу земного шара, превратится в прикладную науку и изобретет способы междупланетного сообщения. Из Васюков полетят сигналы на Марс, Юпитер и Нептун. Сообщение с Венерой делается таким же легким, как переезд из Рыбинска в Ярославль. А там, как знать, может быть, лет через восемь в Васюках состоится первый в истории мироздания междупланетный шахматный конгресс!

Как подходит к этой ситуации утверждение Гельвеция: «Бывают люди, которых нужно ошеломить для того, чтобы убедить».

Психологические доводы практически могут затрагивать любые чувства, помогая добиться желаемого результата. Наиболее распространенными считаются следующие доводы:

- довод к чувству собственного достоинства;
- довод от угрозы;
- довод от обещания;
- довод от сочувствия;
- довод от осуждения;
- довод от сомнения;
- довод от недоверия и т.п.

Используя психологические доводы, не следует забывать, что

риторическая этика запрещает говорящему обращаться к наиболее низменным чувствам, а также к эмоциям, способным породить открытые общественные конфликты. Сюда относятся злоба, жадность, зависть, ненависть к другим людям, малодушие, тщеславие, агрессивность и т.п. [3, 157].

Необходимо иметь в виду, что психологические аргументы могут быть использованы недобросовестными людьми в качестве уловок и спекулятивных приемов. Назовем лишь некоторые из них:

— аргумент к силе (вместо логического обоснования прибегают к различным видам принуждения);

— аргумент к невежеству (используется неосведомленность оппонента);

— аргумент к выгоде (агитируют принять тезис, потому что это выгодно в каком-либо отношении);

— аргумент к состраданию (вместо реальной оценки конкретного поступка взывают к жалости, человеколюбию, состраданию);

— аргумент к верности (склоняют принять тезис в силу верности, привязанности, почтения и т.п.) и др. [34, 237].

Не следует забывать, что дело не в количестве приводимых доводов, а в их качестве. Различают доводы сильные и слабые. Довод, против которого легко найти возражение, трудно опровергаемое, называют слабым. А если оппонент вынужден согласиться с доводом без каких-либо уточнений, значит, был использован сильный довод. Конечно, применение доводов во многом определяется теми целями, которые были поставлены.

Как считает С. И. Поварнин, неумение принимать в расчет задачи спора при выборе доводов — промах, безграмотность в споре. Он пишет:

Желая проверить истину какой-нибудь мысли, мы выбираем в пользу ее самые сильные с нашей точки зрения основания. Желая убедить кого-нибудь, выбираем доводы, которые должны казаться наиболее убедительными ему. Желая победить противника, выбираем доводы, которые более всего могут поставить его в затруднение. В споре для убеждения слушателей мы приспособляем выбор доводов не столько к противнику, сколько к слушателям [61, 43].

Знать того, к кому обращены доводы

Чтобы добиться своей цели, надо хорошо знать того, к кому обращены доводы, и приводить аргументы с учетом индивидуальных особенностей оппонента. Блестящее подтверждение этому находим в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». Обратите внимание, как искусно убеждает Чичиков местных помещиков продать ему мертвые души. Вот он разговаривает с «дубинноголовой» Коробочкой, которая никак в толк-то не возьмет, что происходит. Все доводы от нее отскакивают, как резиновый мяч отскакивает от стены. Отерши пот, Чичиков предпринимает все новые попытки уговорить собеседницу. Он исполь-

зует, с его точки зрения, очень сильный довод — деньги. Он **сулит** Коробочке за продажу мертвых душ пятнадцать рублей ассигнациями. Выспросив, что мед она продавала по 12 рублей пуд, он говорит ей:

— Ну, видите ль? Так зато это мед. Вы собирали его, может быть, около года с заботами, со старанием, хлопотами; ездили, морили пчел, кормили их в погребе целую зиму, а мертвые души — дело не от мира сего. Тут вы с своей стороны никакого не прилагали старания: на то была воля божия, чтоб они оставили мир сей, нанеся ущерб вашему хозяйству. Там вы получили за труд, за старание двенадцать рублей, а тут вы берете ни за что, даром, да и не двенадцать, а пятнадцать, да и не серебром, а все синими ассигнациями.

После таких сильных убеждений Чичиков почти совсем не сомневался, что старуха наконец сдастся. Но не **тут-то** было! Помещица заявила, что она еще немного повременит, вот понаедут купцы, тогда она и применится к ценам. На слова Чичикова «кто же станет покупать их», «на что они им», «какое употребление он может из них сделать», старуха возразила, что, может, они в хозяйстве как-нибудь понадобятся. Она сама испугалась этих слов и со страхом ждала, что он на это скажет. Чичиков рассердился:

— Да не найдешь слов с вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняжка, что лежит на сене: и сама не ест сена, и другим не даст. Я хотел было закупать у вас хозяйственные продукты разные, потому что я и казенные подряды **тоже** веду... — Здесь он прилгнул, хоть и вскользь и без всякого дальнейшего размышления, но неожиданно удачно. Казенные подряды подействовали сильно на Настасью Петровну; по **крайней** мере она произнесла уже почти просительным голосом.

— Да чего ж ты рассердился так горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсем тебе не преклословила.

Совсем по-другому протекает разговор на эту же тему с Собакевичем. Н. В. Гоголь пишет:

Чичиков начал как-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русского государства и отозвался с большою похвалою об его процветании, сказал, что даже самая древняя римская монархия не была так велика, и иностранцы справедливо удивляются... Собакевич все слушал, наклонивши голову. И что по существующим

положениям этого государства, в славе которому нет равного, ревизские души, окончившие жизненное поприще, числятся, однако ж, до подачи новой ревизской сказки наравне с живыми, чтоб таким образом не обременить присутственные места множеством мелочных и бесполезных справок и не увеличить сложность, и без того уже весьма сложного, государственного механизма... Собакевич все слушал, наклонивши голову, — и что, однако же, при всей справедливости этой меры, она бывает отчасти тягостна для многих владельцев, обязывая их вносить подати так, как бы за живой предмет, и что он, чувствуя уважение личное к нему, готов бы даже отчасти принять на себя эту действительно тяжелую обязанность. Насчет главного предмета Чичиков выразился очень осторожно: никак не назвал душ умершими, а только несуществующими.

Собакевич слушал, все по-прежнему нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь похожее на выражение показалось на лице его. Казалось, в этом теле совсем не было души, или она у него была, но вовсе не там, где следует, а, как у бессмертного кощея, где-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на дне ее, не производило решительно никакого потрясения на поверхности.

— И так?.. — сказал Чичиков, ожидая не без некоторого волнения ответа.

— Вам нужно мертвых душ? — спросил Собакевич очень просто, без малейшего удивления, как бы речь шла о хлебе.

— Да, — отвечал Чичиков и опять смягчил выражение, прибавивши: — несуществующих.

— Найдутся, почему не быть... — сказал Собакевич.

В разговоре с помещиками Чичиков, конечно, преследует свои корыстные цели, и вряд ли его действия вызывают к нему наши симпатии. Однако приведенные примеры наглядно показывают, что хорошее знание психологии собеседников помогает подыскать наиболее убедительные для них аргументы

Подобрать сильные и убедительные доводы — дело далеко не простое. Здесь нет специальных правил, которые можно заучить. Многое зависит от хорошего знания предмета, от общей эрудиции человека, его находчивости и сообразительности, от быстроты реакции, от выдержки и самообладания, от понимания сложившейся ситуации. Важно подобрать единственно верные слова, которые окажут воздействие на слушателей именно в данной обстановке.

4.5. Невербальные средства общения

Разговаривая друг с другом, люди для передачи своих мыслей, настроений, желаний наряду с вербальной (словесной) речью используют жестиколярно-мимическую речь, т.е. невербальные средства (мимика, жесты). Трудно поверить, но ученые-невербалисты считают, что при общении невербальные средства преобладают; их используется 55% или даже 65%, а вербальных соответственно 45% или 35%. И вот парадокс: жесты возникли раньше звуковой речи, а изучать их активно стали только с 60-х гг. XX века. Всемирно известны работы Джулиуса Фаста, Алана Пиза, Роберта Уайтсайда.

Проблема языка жестов до исследований невербалистов нашла отражение в работе Чарльза Дарвина «Выражение эмоций животными и человеком» (1872). Ученые обнаружили и зафиксировали почти миллион невербальных сигналов. По подсчетам одного из специалистов, только с помощью рук человек может передать 700000 сигналов.

Язык мимики и жестов позволяет говорящему полнее выразить свои чувства, показывает, насколько участники диалога владеют собой, как они в действительности относятся друг к другу.

Главным показателем чувств говорящего является выражение лица, **его мимика**.

В «Частной риторике» профессора русской и латинской словесности Н. Кошанского (С.-Петербург, 1840) есть такие слова:

Нигде столько не отражаются чувства души, как в чертах лица и взорах, благороднейшей части нашего тела. Никакая наука не дает огня очам и живого румянца ланитам, если холодная душа дремлет в ораторе... Телодвижения оратора всегда бывают в тайном согласии с чувством души, с стремлением воли, с выражением голоса.

Мимика позволяет нам лучше понять оппонента, разобраться, какие чувства он испытывает. Так, поднятые брови, широко раскрытые глаза, опущенные вниз кончики губ, приоткрытый рот свидетельствуют об удивлении; опущенные вниз брови, изогнутые на лбу морщины, прищуренные глаза, сомкнутые губы, сжатые зубы выражают гнев.

Печаль отражают сведенные брови, потухшие глаза, слег-

ка опущенные уголки губ, а счастье — спокойные глаза, приподнятые внешние уголки губ.

Для каждого, участвующего в беседе, с одной стороны, важно уметь «расшифровывать», «понимать» мимику собеседника. С другой стороны, необходимо знать, в какой степени он сам владеет мимикой, насколько она выразительна.

В связи с этим рекомендуется изучить и свое лицо, знать, что происходит с бровями, губами, лбом. Если вы привыкли хмурить брови, морщить лоб, то постарайтесь отучиться собирать складки на лбу, расправляйте почаще нахмуренные брови. Чтобы ваша мимика была выразительной, систематически приносите перед зеркалом несколько разнообразных по эмоциональности (печальных, веселых, смешных, трагических, презрительных, доброжелательных) фраз. Следите, как изменяется мимика и передает ли она соответствующую эмоцию.

О многом может сказать и жестикуляция собеседника.

Мы даже не представляем, сколько разнообразных жестов использует человек при общении, как часто он ими сопровождает свою речь. И вот что удивительно.

Языку учат с детства, а жесты усваиваются естественным путем, и хотя никто предварительно не объясняет, не расшифровывает их значение, говорящие правильно понимают и используют их. Вероятно, объясняется это тем, что жест используется чаще всего не сам по себе, а сопровождает слово, служит для него своеобразным подспорьем, а иногда уточняет его.

Понятна ли будет фраза, сказанная без жеста: «Дочь у меня вот тут сидит»? Нет, непонятна. Где «тут»? В углу комнаты, за столом, у телевизора или еще где? Указательное местоимение требует уточнения. Но если говорящий сопровождает эти слова жестом (постучит ребром ладони ниже затылка по шее), тогда сказанное приобретает смысл, что дочь находится на полном его иждивении, непомерно обременяет его.

В русском языке существует немало устойчивых выражений, которые возникли на базе свободных словосочетаний, называющих тот или иной жест. Став фразеологизмами, они выражают состояние человека, его удивление, равнодушие, смущение, растерянность, недовольство, обиду и другие чувства, а также различные действия. Например: *опустить голову, вертеть головой, поднять голову, покачать головой, рука не поднимается, развести руками, опустить руки, махнуть рукой,*

положа руку на сердце, приложить руку, протянуть руку, погрозить пальцем, показать нос.

Знаменитый оратор древности Демосфен на вопрос, что нужно для хорошего оратора, ответил так: «Жесты, жесты и жесты!»

Не случайно, что в различных риториках, начиная с античных времен, выделялись специальные главы, посвященные жестам. Теоретики ораторского искусства в своих статьях о лекторском мастерстве также обращали особое внимание на жестикуляцию. А. Ф. Кони в «Советах лекторам» пишет:

Жесты оживляют речь, но ими следует пользоваться осторожно. Выразительный жест (поднятая рука, сжатый кулак, резкое и быстрое движение и т. п.) должны соответствовать смыслу и значению данной фразы или отдельного слова (здесь жест действует заодно с тоном, удваивая силу речи). Слишком частые, однообразные, суетливые, резкие движения рук неприятны, приедаются, надоедают и раздражают.

Как видно из цитаты, автор подчеркивает значение жеста: жест уточняет мысль, оживляет ее, в сочетании со словами усиливает ее эмоциональное звучание, способствует лучшему восприятию речи. В то же время А. Ф. Кони отмечает, что не все жесты производят благоприятное впечатление. Действительно, плохо, если говорящий дергает себя за ухо, попирает кончик носа, поправляет галстук, вертит пуговицу, т. е. повторяет какие-то механические, не связанные со смыслом слов жесты.

Механические жесты отвлекают внимание слушателя от содержания речи, мешают ее восприятию. Нередко они бывают результатом волнения говорящего, свидетельствуют о его неуверенности в себе.

В зависимости от назначения жесты подразделяются на ритмические, эмоциональные, указательные, изобразительные и символические.

Ритмические жесты связаны с ритмикой речи. Понаблюдайте за выступающими по телевидению, посмотрите, как часто говорящий в такт речи размахивает рукой.

Ритмические жесты подчеркивают логическое ударение, замедление и ускорение речи, место пауз, т. е. то, что обычно передает интонация.

Произнесите, например, пословицы:

*Говорит, что воду цедит,
Строчит, как из пулемета,*

сопровождая их ритмическими жестами.

Произнося первую поговорку, мы делаем несколько замедленное движение рукой в правую сторону. При этом и гласные звуки произносятся несколько растянуто. Во втором случае производим частые вертикальные движения ребром ладони правой руки, напоминающие рубку капусты.

Речь наша часто бывает эмоциональной. Волнение, радость, восторг, ненависть, огорчение, досада, недоумение, растерянность, замешательство — все это проявляется не только в подборе слов, в интонации» но и в жестах. Жесты, передающие разнообразные оттенки чувств, называются *эмоциональными*. Некоторые из них закреплены в устойчивых сочетаниях, поскольку такие жесты стали общезначимыми. Например: *бить себя в грудь, стукнуть кулаком по столу, хлопнуть (ударить) себя по лбу, повернуться спиной, пожать плечами, развести руками, указать на дверь*.

Скажите, можно ли выполнить приказания: «Открой то окно», «Эту книгу не бери, возьми вон ту», если они произносятся без жеста? Ответ будет один: «Нельзя!» В таких ситуациях требуется *указательный жест*. Им говорящий выделяет какой-то предмет из ряда однородных, показывает место — рядом, наверху, над нами, там, подчеркивает порядок следования — по *очереди*, через одного.

Указать можно взглядом, кивком головы, рукой, пальцем (указательным, большим), ногой, поворотом тела.

Некоторые указательные жесты имеют условный характер. Так, когда говорящий показывает себе на грудь — слева, где сердце, говоря: «У него тут (жест) ничего нет», то понятно, речь идет о бессердечном, бесчувственном человеке.

Бывают случаи, когда расшифровка жеста определяется ситуацией. Вот несколько примеров.

Идет лекция. Один из слушателей, поймав взгляд другого, показывает пальцем место на руке, где носят часы. Догадались, о чем он спрашивает? Он хочет узнать, который час.

Другая ситуация. Ассистент лектора делает ему тот же знак, но жест уже равнозначен словам: «Время истекло. Пора заканчивать лекцию».

Наконец, этот же жест может означать: «Поторопись! Настало время уходить».

Указательный жест рекомендуется использовать в очень редких, необходимых случаях, когда есть предмет (или наглядное пособие), на который можно указать.

А теперь проведем эксперимент. Задайте тому, кто находится сейчас рядом с вами или близко от вас, вопрос: «Что такое винтовая лестница и рябь на воде?» В ответ услышите: «Это лестница вот такая (делается вращательное движение правой рукой по вертикали). А рябь... (волнообразное движение рукой по горизонтали)». Задавайте этот вопрос кому угодно и сколько угодно раз, и вы убедитесь, что почти все без жеста не могут обойтись, хотя уж и не так сложно дать словарную дефиницию (толкование): *винтовая лестница — лестница, идущая спиралью, винтообразно; рябь — незначительное колебание водной поверхности, а также легкие волны от такого колебания*. Но жест нагляднее, он как бы изображает предмет, показывает его, поэтому и отдается предпочтение жесту, который называется изобразительным.

Изобразительные жесты появляются в случаях:

— если не хватает слов, чтобы полностью передать представление;

— если одних слов недостаточно по каким-либо причинам (повышенная эмоциональность говорящего, невладение собой, несобранность, нервозность, неуверенность в том, что адресат все понимает);

— если необходимо усилить впечатление и воздействовать на слушателя дополнительно и наглядно.

Однако, пользуясь изобразительными жестами, нужно соблюдать чувство меры: нельзя этими жестами подменять язык слов.

Вы, несомненно, не один раз были в театре, на концерте, смотрели выступление актеров по телевидению. Вспомните, как они жестикулируют, заканчивая выступление, прощаясь с публикой. Самый частый жест — поклоны, как символ благодарности за теплый прием, за аплодисменты. Или, стоя на авансцене, актер широко разводит руки в стороны, как бы заключая в свои объятия сидящих в зале. Используется еще такой жест: **РУКУ** (руки) прижимают к груди и низко кланяются. Этот жест

символизирует сердечное отношение, любовь актера к зрителям.

Другая картина. Передача КВН. Ведущий Александр Масляков представляет судей. Один, когда называют его, встает, поворачивается к сидящим в зале, делает кивок головой; другой поднимает обе руки вверх, соединяет ладони и покачивает руками; третий кланяется; четвертый приветливо машет рукой.

Такие жесты условны и называются они *символическими*.

Некоторые из них имеют вполне определенное значение. Например, скрещенные руки указывают на защитную реакцию. Руки, заведенные за голову, выражают превосходство. Руки в боки — символ непокорности. Обхватить руками голову — признак неприятности или беды.

Символический жест нередко бывает характерен для ряда типовых ситуаций. Так, существует жест предельности (категоричности) — сабельная отмашка кистью правой руки. Он сопровождает выражения: *Никогда не соглашусь; Никто не знал; Нигде вы не найдете; Это совершенно ясно; Абсолютно не об этом.*

Жест интенсивности — рука сжимается в кулак (вариант: два кулака). Он используется, когда говорят: *Он очень упорный; Какая она упрямая; В нем чувствуется такая собранность, активность; Честолюбив он страшно.*

Известен также жест отказа, отрицания — отталкивающие движения рукой или двумя руками ладонями вперед. Этот жест сопровождает выражения: *Нет, нет, нет! Не надо, не надо, прошу вас; Никогда, никогда туда не поеду!*

Жест противопоставления, **антонимичности** — кисть руки исполняет движение в воздухе «там» и «здесь»: *Пришли и молодые и старые; Нечего туда — сюда ходить; Одно окно на север, другое на юг. Годятся скамейки и большие и маленькие.*

Жест разъединения, расподобления — ладони раскрываются, «разъезжаются» в разные стороны: *Это совершенно разные приемы; Это надо различать; Мы это разъединили; От разошлись; Братья разъехались.*

Жест объединения, сложения, суммы — пальцы соединяются в щепоть или соединяются ладони рук: *Они хорошо срабатывались; Очень они подходят друг к другу; Мы с вами умеем находить контакты; А если вместе это положить? Давайте соединим усилия; Только объединившись, можем победить.*

Национальный характер жестов

Если изобразительный жест связан с конкретными внешними признаками, то жест-символ связан с абстракцией. Его содержание понятно только какому-то народу или определенному коллективу. Это — приветствия, прощания, утверждения, отрицания, призыв к молчанию, предвкушение приятного.

Так, русские в знак согласия покачивают головой вперед-назад, а болгары влево-вправо. О различии между жестом прощания в России и во Франции узнаем из произведения И. С. Тургенева «Новь»:

Нежданов наклонил голову, а Сипягин простился с ним на французский манер, несколько раз сряду быстро поднес руку к собственным губам и носу, и пошел далее, бойко размахивая тростью и посвистывая <.. >

О национальном характере некоторых жестов свидетельствует такой факт. В Австралии, Новой Зеландии, Великобритании два разведенных пальца (указательный и средний) с ладонью, повернутой от себя, служат знаком победы. Но если ладонь повернуть к себе, то жест равнозначен выражению «А иди ты подальше!» Жители Европы воспринимают этот жест, независимо от того, куда обращена ладонь, как знак победы. Поэтому, если англичанин сделает оскорбительный жест, то европеец может только удивиться, не понимая, на какую победу намекают. И еще. Во многих странах Европы этот жест равнозначен цифре «2». В связи с этим возможна такая ситуация. Недовольный обслуживанием англичанин, желая выразить свой гнев, показывает бармену-европейцу два пальца с повернутой ладонью к себе — знак оскорбительный, а бармен в ответ на этот жест наливает две кружки пива.

При всем разнообразии жестов, их вариативности, они проявляют устойчивость в своем воплощении. Однако бывают случаи, когда характер жеста несколько изменяется и утрачивает свою национальную окраску. Так, за последние тридцать лет жест прощания (махание кистью руки вперед-назад) заменился движением руки влево-вправо в одной плоскости с ладонью, обращенной к уходящим. Этот жест заимствован с Запада. Но Дети, когда им говорят: «Помаши тете ручкой», еще старател .- но машут так, как махали при прощании с давних пор на Руси.

Поль Солер в книге «Основы искусства речи» выделяет еще

подражательные жесты. Это жесты, которые оживляют описание. Например, лектор говорит о выступлении какого-то политического деятеля, известного ученого, художника и старается изобразить его. Другими словами, оратор перевоплощается, как актер, он изменяет и голос, и манеры, стремясь наглядно представить образ того, о ком рассказывает.

Нам кажется, в таком случае следует говорить не об особом виде жестов, а об элементах актерской игры, театрализации лекции.

Высказывания могут сопровождаться не одним, а несколькими жестами. Возьмем предложение «Меня это не касается». При слове *меня* используется указательный жест (ладонь движется к середине груди), *это* сопровождается тоже указательным жестом (рука отбрасывается вперед от себя ладонью вверх) *не касается* — символический жест (покачивание рукой из стороны в сторону).

Жесты, как и слова, бывают очень экспрессивными, придают речи грубоватый, фамильярный характер. Такими жестами, например, считаются: поднятый большой палец, когда остальные сжаты в кулак, как высшая оценка чего-либо; шелканье пальцем по шее с правой стороны — «выпить бы»; кручение пальцем около виска, что означает «из ума выжил», «разума лишился».

Заканчивая разговор о жестах, подчеркнем, что каждый из них в речи должен свидетельствовать о движении мысли и чувств оратора, являться физическим выражением его творческих усилий.

Неоправданный жест, жест ради жеста не украшает речь, «вызывает смех и унижает идею». Вот почему уже в первых руководствах по красноречию давались советы, как использовать жесты. Так, в «Теории красноречия» А. Галича (1830) сказано: «Носа и губ, языка и ушей никогда нельзя употреблять без оскорбления благопристойности», «приличие запрещает грудь и брюхо выдвигать, спину кривить, плечами подергивать», «благопристойность воспрещает театральные кривлянья».

Следует учитывать, что жестикуляция обусловлена и характером говорящего. Некоторые люди от природы подвижны, эмоциональны. Естественно, лектор с таким характером не может обойтись без жестов. Другому же, хладнокровному, спо-

койному, сдержанному в проявлении своих чувств, жесты не свойственны.

Лучшим жестом считается тот, которого не замечают, который органически сливается со словом и усиливает его воздействие на слушателей.

Государственным служащим, преподавателям, юристам, врачам, менеджерам, дилерам, продавцам, т.е. всем, кто по роду своей деятельности часто общается с людьми, важно знать, что мимика и жесты могут многое рассказать о характере человека, его мыслях, переживаниях. Например, древне китайцы, торговавшие драгоценными камнями, внимательно смотрели в глаза покупателю. Они знали, что при восторге, радости зрачки увеличиваются в четыре раза, а при раздражении, недовольстве, гневе — значительно суживаются. Опыты, проведенные с признанными игроками в карты, показывают, что им практически невозможно победить партнера, у которого темные очки.

Лидер по натуре, здороваясь, подает руку ладонью вниз, а мягкий, безвольный человек — ладонью вверх. Сжатые руки за спиной свидетельствуют об уверенности и превосходстве. Такой жест, по наблюдениям невербалистов, характерен для высших военных чинов, работников милиции, директоров, особенно когда они проходят по казарме, своим участкам, коридорам предприятий, учебных заведений. Психологи рекомендуют в стрессовой ситуации, когда приходится ждать приема у зубного врача или вызова к начальнику, перед сдачей экзамена, сделать такой жест и сразу придет уверенность в себе, пропадет страх, наступит некоторое облегчение.

Руки на бедрах — жест готовности, агрессии. Обычно он характерен для боксера, ждущего гонга, для актера перед выходом на сцену. Такая поза может сопровождаться широкой постановкой ног, а пальцы рук при этом сжимаются в кулак.

Когда человек нервничает, испытывает отрицательную эмоцию, то он инстинктивно старается оградить себя от нежелательной ситуации: скрещивает руки перед грудью. Этот жест как бы ограждает **его** от неприятностей, создает заслон. Если при таком положении пальцы оказываются сжатыми в кулак, то это знак враждебности.

В Японии при разговоре не принято смотреть друг другу в глаза, а у нас, чтобы установить хорошие отношения с собеседником, **как** считают психологи, надо смотреть на него 60—70%

времени всего разговора. Люди застенчивые, нервные, которые отводят взгляд в сторону, часто опускают глаза, не вызывают у партнера доверия.

Контрольные вопросы и задания.

- 1. Что представляет собой речевая деятельность?'*
- 2. Докажите, что речевая деятельность имеет социальный характер.*
- 3. Охарактеризуйте основные единицы речевого общения.*
- 4. Какие организационные принципы речевой коммуникации выделяют ученые?*
- 5. От чего зависит эффективность речевой коммуникации?*
- 6. Назовите и охарактеризуйте основные виды аргументов.*
- 7. Что понимается под невербальными средствами общения?*
- 8. Какие типы жестов бывают и чем они различаются?*

времени всего разговора. Люди застенчивые, нервные, которые отводят взгляд в сторону, часто опускают глаза, не вызывают у партнера доверия.

Контрольные вопросы и задания

- 1. Что представляет собой речевая деятельность?*
- 2. Докажите, что речевая деятельность имеет социальный характер.*
- 3. Охарактеризуйте основные единицы речевого общения.*
- 4. Какие организационные принципы речевой коммуникации выделяют ученые?*
- 5. От чего зависит эффективность речевой коммуникации?*
- 6. Назовите и охарактеризуйте основные виды аргументов.*
- 7. Что понимается под невербальными средствами общения?*
- 8. Какие типы жестов бывают и чем они различаются?*

ГЛАВА 5

Основы ораторского искусства

5.1. Понятие об ораторском искусстве

Термин *ораторское искусство* (лат. oratoria) античного происхождения. Его синонимами являются греческое слово *риторика* (гр. *rhētorikē*) и русское *красноречие*. Приведем словарные статьи к ним из семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка»:

Риторика — 1. Ораторское искусство, теория красноречия // Учебный предмет, изучающий теорию красноречия // Учебная книга, излагающая основы этой теории.

2. Перен. Эффектность, внешняя красивость речи, напыщенность.

3. В старину — название младшего класса духовной семинарии.

Красноречие — 1. Способность, умение говорить красиво, убедительно; ораторский талант // Искусная речь, построенная на ораторских приемах; ораторское искусство.

2. Устар. Наука, изучающая ораторское искусство; риторика.

Выражение *ораторское искусство* также имеет несколько значений. Под ораторским искусством прежде всего понимается высокая степень мастерства публичного выступления, качественная характеристика ораторской речи, искусное владение живым словом. Ораторское искусство — это искусство постро-

ения и публичного произнесения речи с целью оказания желаемого воздействия на аудиторию.

Подобное толкование ораторского искусства было принято еще в античные времена. Например, Аристотель определял риторiku как «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» [6, 19].

Эта традиция была продолжена и в русской риторической науке. Так, М. В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» пишет:

Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению [47, 91].

В «Частной риторике» Н. Кошанского читаем:

Ораторство, витийство есть искусство даром живого слова действовать на разум, страсти и волю других [40, 82].

М. Сперанский в «Правилах высшего красноречия» отмечает:

...красноречие есть дар потрясать души, переливая в них свои страсти, и сообщать им образ своих понятий [52, 82].

Перечень подобных определений можно было бы продолжить.

Ораторским искусством называют также исторически сложившуюся науку о красноречии и учебную дисциплину, излагающую основы ораторского мастерства.

Традиционно красноречие рассматривалось как один из видов искусства. Его часто сравнивали с поэзией и актерским творчеством (Аристотель, Цицерон, М. В. Ломоносов, А. Ф. Мерзляков, В. Г. Белинский, А. Ф. Кони и др.).

Однако, как справедливо отмечает Г. З. Апресян, понимание красноречия как вида искусства, а нередко и словесности никого не должно вводить в заблуждение. Исследователь анализирует, что есть общего и различного в поэзии, драматургии, актерском творчестве, с одной стороны, и в ораторском искусстве, с другой, и делает вывод, что понятие «искусство» применительно к красноречию, если и не совсем условно, все же требует ряда оговорок принципиального значения [5].

Г. З. Апресян подчеркивает тесную связь **ораторского ис-**

искусства с наукой. Он отмечает, что еще античные философы, Платон и Аристотель, рассматривали красноречие в системе знаний как способ познания и толкования сложных явлений. Позднее Ф. Бэкон в работе «Опыты» классифицировал риторику как искусство «сообщения знаний». М. Сперанский в «Правилах высшего красноречия» утверждал, что ораторское искусство должно быть доказательным, рассудительным, нести людям знания.

Что же позволяет, по мнению Г. З. Апресяна, рассматривать ораторское искусство в связи с наукой?

Во-первых, ораторское искусство пользуется открытиями и достижениями всех наук и вместе с тем широко пропагандирует и популяризирует их.

Во-вторых, многие идеи или гипотезы первоначально излагались в устной форме, в публичных речах, лекциях, научных докладах, сообщениях, беседах.

В-третьих, ораторское искусство опирается на категориальную систему соответствующих наук, что обеспечивает механизм аргументации, анализа и суждений, доказательств и обобщений.

Таким образом, в красноречии искусство и научность составляют сложный сплав относительно самостоятельных способов воздействия на людей. Ораторство представляет собой сложное интеллектуально-эмоциональное творчество публичной речи.

Многие современные исследователи рассматривают ораторское искусство как один из специфических видов человеческой деятельности.

Что обусловило появление ораторского искусства? На этот вопрос пытались ответить многие его теоретики.

Объективной основой зарождения ораторского искусства как социального явления стала насущная необходимость публичного обсуждения и решения вопросов, имевших общественную значимость. Чтобы обосновать ту или иную точку зрения, доказать правильность выдвигаемых идей и положений, отстаивать свою позицию, нужно было хорошо владеть искусством слова, уметь убедить слушателей и повлиять на их выбор.

История свидетельствует, что важнейшим условием появления и развития ораторского искусства, свободного обмена мнениями по жизненно важным проблемам, движущей силой

прогрессивных идей, критической мысли являются демократические формы управления, активное участие граждан в политической жизни страны. Не случайно ораторское искусство называют «духовным детищем демократии».

Это обнаружилось еще в Древней Греции. Наглядным примером служит сравнение двух наиболее значительных городов-государств — Спарты и Афин, имевших различное государственное устройство.

Спарта была типичной олигархической республикой. Она управлялась двумя царями и советом старейшин. Верховным органом власти считалось народное собрание, но фактически никакого значения оно не имело. Плутарх, рассказывая биографию Ликурга, легендарного законодателя, повествует о порядке проведения собраний в Спарте. Место, где проходили собрания, не имело ни укрытий, ни каких-либо украшений, так как это, по мнению правителей, не способствует здравости суждений, напротив — причиняет один только вред, занимает ум собравшихся пустяками и вздором, рассеивает их внимание.

Плутарх отмечает любопытную деталь. Когда впоследствии народ «разного рода изъятиями и прибавлениями» стал изменять утверждаемые решения, цари приняли постановление: «Если народ постановит неверно, старейшинам и царям распустить», т. е. решение принятым не считать, а уйти и распустить народ **на** том основании, что он извращает и переиначивает лучшее и наиболее полезное. Такой порядок ведения государственных дел давал возможность аристократам почти бесконтрольно решать все вопросы и не способствовал широкому участию граждан в управлении.

По-иному складывалась политическая жизнь в Афинах, которые в середине V века до н.э. стали самым крупным экономическим, политическим и культурным центром Древней Греции. Здесь был установлен строй рабовладельческой демократии. Большое значение имели три основных учреждения: народное собрание, совет пятисот и суд.

Главная роль принадлежала народному собранию (эκκλeσιeι), которое юридически обладало полной верховной властью. Через каждые 10 дней афинские граждане собирались на площади своего города и обсуждали важные государственные дела. Только народное собрание могло принять решение об объявлении войны и заключении мира, об избрании высших должност-

тных лиц, об издании различных постановлений и т. д. Народному собранию подчинялись все другие государственные органы.

Между заседаниями народного собрания текущие дела рассматривались советом пятисот (булэ). Члены совета избирались по жребию из числа граждан, имевших не менее 30 лет от роду, по 50 человек от каждого из 10 районов, находившихся на территории полиса.

Судебными делами, а также законодательной деятельностью занимался суд присяжных (гелиэя). Он был довольно многочисленным. В него входило 6 тысяч присяжных заседателей, что исключало опасность подкупа судей. Специальных государственных обвинителей в Афинах не было. Любой гражданин мог возбуждать и поддерживать обвинение. Не было на суде и защитников. Подсудимый должен был защищаться сам.

Естественно, что при таком свободном демократическом строе в Афинах гражданам часто приходилось выступать в суде или народном собрании, принимать активное участие в делах полиса. При обсуждении вопросов между партиями в народном собрании противоположными сторонами в суде нередко велась ожесточенная борьба. И чтобы успешно вести дело в суде или удачно выступать в народном собрании, надо было уметь хорошо и убедительно говорить, отстаивать свою позицию, опровергать мнение оппонента, т. е. владение ораторским искусством и умение спорить было первой необходимостью для афинян.

По свидетельству историков, казарменное спартанское государство не оставило ничего достойного своим потомкам, в то время как Афины с их демократическими спорами на площадях, в суде и на народных собраниях в короткий срок выдвинули величайших мыслителей, ученых, поэтов, создали бессмертные произведения культуры.

Как подчеркивают исследователи, наиболее активно ораторское искусство развивается в переломные эпохи в жизни общества. Оно широко применяется, когда возникает историческая потребность участия народных масс в решении важных государственных вопросов. Ораторское искусство помогает сплачивать людей вокруг общего дела, убеждая, воодушевляя и направляя их. Доказательством этого является расцвет красноречия в эпоху Возрождения, в периоды социальных револю-

ций, когда в общественное движение вовлекаются миллионные массы трудящихся. Новый всплеск общественного интереса к ораторскому искусству наблюдается в настоящее время в связи с демократическими процессами, происходящими в нашей стране.

На протяжении многовековой истории своего развития ораторское искусство использовалось в различных сферах жизни общества: духовной, идеологической, социально-политической. Наиболее широкое применение оно всегда находило в политической деятельности.

Начиная с Древней Греции, ораторство и политика были неразрывны. Так, все знаменитые ораторы Древней Греции были крупными политическими деятелями. Например, Перикл, который в течение 15 лет правил Афинами. С его именем связаны законодательные мероприятия, приведшие к дальнейшей демократизации афинского государства. По данным исследователей, высочайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла. Про Перикла говорили, что «на его устах почивала богиня убеждения», что «он пускал стрелы-молнии в души своих слушателей».

Крупным политическим деятелем был и самый замечательный оратор Древней Греции Демосфен. Древнегреческий историк Плутарх писал о нем:

Демосфен сперва обратился к искусству речи, чтоб поправить собственные дела, а впоследствии, достигши мастерства и силы, стал первым уже в состязаниях на государственном поприще и превзошел всех своих сограждан, поднимавшихся на ораторское возвышение [60, 143].

Демосфен был защитником афинской рабовладельческой демократии. В течение 30 лет с гневом и изумительным упорством произносил он речи против македонского царя Филиппа, главного врага Афин, призывая граждан прекратить между собой все раздоры и объединиться против Македонии. Речи Демосфена производили огромное впечатление на слушателей. Рассказывают, что когда Филипп получил доставленную речь Демосфена, он сказал, что если бы он сам слышал эту речь, то, вероятно, голосовал бы за войну против себя.

Демосфен, упорнейшим трудом подготовивший себя к общественной деятельности (из его биографии известно, что он

страдал многими физическими недостатками) и посвятивший все свое ораторское мастерство служению родине, сумел верно определить социальную природу ораторской речи. В знаменитой речи «О венке», в которой он выступил против представителя промакедонской партии Эсхина, Демосфен подчеркнул связь ораторского искусства с политикой:

Не слова, Эсхин, и не звук голоса составляют славу оратору, но направление его политики.

Крупной политической силой ораторское искусство было и в Древнем Риме.

Умение убеждать аудиторию высоко ценилось людьми, которые готовились к политической карьере и видели себя в будущем правителями государства. Не случайно, когда в середине II века до н.э. в Риме появились греческие риторы и открыли там первые риторские школы, в них устремилась молодежь. Но греческие риторские школы были доступны не каждому: уроки риториков обходились недешево и учиться в них можно было, только в совершенстве зная греческий язык. Практически посещать греческие школы могли только дети аристократов, которые должны были потом встать во главе государства. Поэтому правительство не чинило препятствий греческим риторам и благосклонно относилось к их школам. Но когда в I веке до н.э. открылась школа с преподаванием риторики на латинском языке, сенат заволновался. Нельзя было допустить, чтобы оружие, владеть которым до сих пор учились их сыновья, взяли в руки представители других классов. И в 92 г. издается эдикт «О запрещении латинских риторских школ». Там было записано:

Нам сообщено, что есть люди, которые ввели новый вид преподавания и к которым в школу собирается молодежь; они дали себе имя латинских риториков; юноши сидят у них целыми днями. Предки наши установили, чему учить своих детей и в какие школы желательно им ходить. Эти новшества, установленные вопреки обычаям и нравам предков, нам не угодны и кажутся неправильными [74].

Ораторская карьера в Древнем Риме была и почетной, и доходной. Один из римских историков писал:

Чье искусство по славе своей сравнится с ораторским? <...> чьи имена родители втолковывают своим детям, кого простая невежественная толпа знает по имени, на кого указывает пальцем? — на ораторов, конечно [74].

Знаменитые ораторы Древнего Рима, как и древнегреческие, были известными политическими деятелями. Так, одним из первых римских ораторов являлся государственный деятель Рима III—II веков до н.э. Марк Катон Старший. Непримирымый враг Карфагена, Катон каждую речь в Сенате заканчивал фразой, которая стала крылатой: «И все же, я полагаю, Карфаген должен быть разрушен». Это выражение употребляется как призыв к упорной борьбе с врагом или каким-либо препятствием.

Выдающимися ораторами более позднего периода были известные государственные деятели и сторонники проведения аграрной реформы — Тиберий и Кай Гракхи. Видное место среди римских ораторов занимал и Марк Антоний, римский политический деятель и полководец.

Но самым крупным политическим деятелем того времени был Марк Туллий Цицерон.

Есть два искусства, — писал Цицерон, — которые могут вознести человека на самую высшую ступень почета: одно — это искусство хорошего полководца, другое — искусство хорошего оратора.

Это изречение раскрывает взгляд Цицерона на сущность ораторства. Ораторство — это функция политики.

Как свидетельствует история, и в последующие периоды крупными ораторами становились видные политические деятели.

Следует иметь в виду, что ораторское искусство всегда обслуживало и обслуживает интересы определенных социальных классов, групп, отдельных личностей. Оно одинаково может служить как правде, так и лжи, быть использовано как в нравственных, так и в безнравственных целях.

Кому и как служит ораторское искусство — вот основной вопрос, который решался на протяжении всей истории ораторского искусства, начиная с Древней Греции. И в зависимости от решения этого вопроса определялось отношение к ораторс-

кому искусству, к науке об ораторском искусстве и к самому оратору.

Нравственная позиция оратора — это, пожалуй, самое главное в ораторском искусстве. Она важна не только для политического деятеля, но и для любого оратора, чье слово может оказать влияние на судьбу людей, помочь принять правильное решение.

Отметим еще одну особенность ораторского искусства. Оно имеет сложный синтетический характер. Философия, логика, психология, педагогика, языкознание, этика, эстетика — вот науки, на которые опирается ораторское искусство. Специалисты разного профиля интересуют различные проблемы красноречия. Например, лингвисты разрабатывают теорию культуры устной речи, дают рекомендации ораторам, как пользоваться богатствами родного языка. Психологи изучают вопросы восприятия и воздействия речевого сообщения, занимаются проблемами устойчивости внимания во время публичного выступления, исследуют психологию личности оратора, психологию аудитории как социально-психологической общности людей. Логика учит оратора последовательно и стройно излагать свои мысли, правильно строить выступление, доказывать истинность выдвигаемых положений и опровергать ложные утверждения противников.

Ораторское искусство никогда не было однородным. Исторически в зависимости от сферы применения оно подразделялось на различные роды и виды. В отечественных риториках выделяются следующие основные роды красноречия: социально-политическое, академическое, судебное, социально-бытовое, духовное (богословско-церковное). Каждый род объединяет определенные виды речи с учетом функции, которую выполняет речь с социальной точки зрения, а также ситуации выступления, его темы и цели.

К социально-политическому красноречию относят выступления, посвященные вопросам государственного строительства, экономики, права, этики, культуры, продуцируемые в парламенте, на митингах, общественных собраниях, заседаниях и т. д.;

к академическому красноречию — учебную лекцию, научный доклад, обзор, сообщение;

к судебному красноречию — речи, произносимые участии-

ками судебного процесса — прокурором, адвокатом, обвиняемым и др.;

к социально-бытовому — приветственные, юбилейные, застольные, поминальные речи и т.п.;

к богословско-церковному — проповеди, речи на соборе.

5.2. Оратор и его аудитория

Самое высшее проявление мастерства публичного выступления, важнейшее условие эффективности ораторской речи — это *контакт со слушателями*. Как говорят опытные ораторы, это заветная мечта каждого выступающего. Действительно, ведь речь произносится, чтобы ее слушали, правильно воспринимали, запоминали. Если оратора не слушают, если аудитория во время речи занимается «своими» делами, то усилия и труды выступающего пропадают даром, действенность такого выступления сводится к нулю.

По определению психологов, контакт — это общность психического состояния оратора и аудитории, это взаимопонимание между выступающим и слушателями. В результате чего возникает эта общность? Прежде всего на основе совместной мыслительной деятельности, т. е. оратор и слушатели должны решать одни и те же проблемы, обсуждать одинаковые вопросы — оратор, излагая тему своего выступления, а слушатели, следя за развитием его мысли. Если оратор говорит об одном, а слушатели думают о другом, контакта нет. Совместную мыслительную деятельность оратора и аудитории ученые называют интеллектуальным сопереживанием.

Не случайно в народе говорят: «Слово принадлежит наполовину тому, кто говорит, и наполовину тому, кто слушает».

Для возникновения контакта важно также и эмоциональное сопереживание, т. е. оратор и слушатели во время выступления должны испытывать сходные чувства. Отношение говорящего к предмету речи, его заинтересованность, убежденность передаются и слушателям, вызывают у них ответную реакцию.

Таким образом, контакт между оратором и аудиторией возникает в том случае, когда обе стороны заняты одной и той же мыслительной деятельностью и испытывают сходные переживания.

Психологи подчеркивают, что необходимым условием возникновения контакта между оратором и аудиторией является искреннее, настоящее уважение к слушателям, признание в них партнеров, товарищей по общению.

Возникает вопрос: как определить, удалось установить контакт или нет?

Внешне контакт проявляется в поведении аудитории, а также в поведении самого оратора.

Нередко во время выступления оратора в зале царит тишина. Но как различна бывает эта тишина!

Одних ораторов слушают, затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово. Эта тишина регулируется самим оратором. Шутки выступающего, его юмористические замечания вызывают движение в зале, улыбки, смех слушателей, но этот смех прекращается сразу же, как только оратор вновь начнет излагать свои мысли. Во время выступления других ораторов тоже сидят молча, но не потому, что ловят каждое его слово, а потому, что не хотят мешать выступающему. Это так называемая «вежливая» тишина. Сидеть-то сидят, не нарушая порядка, не разговаривая, но не слушают, не работают вместе с оратором, а думают о своем, мысленно занимаются другими делами. Поэтому сама по себе тишина еще не говорит о контакте оратора с аудиторией.

Главные показатели взаимопонимания между говорящими и слушающими — положительная реакция на слова выступающего, внешнее выражение внимания у слушателей (их поза, сосредоточенный взгляд, возгласы одобрения, согласные кивки головой, улыбки, смех, аплодисменты), «рабочая» тишина в зале.

О наличии или отсутствии контакта свидетельствует и поведение оратора. Если оратор говорит уверенно, ведет себя естественно, часто обращается к слушателям, держит весь зал в поле зрения, значит, он нашел нужный подход к аудитории. Оратор, не умеющий установить контакт с аудиторией, как правило, говорит сбивчиво, невыразительно, он не видит своих слушателей, никак не реагирует на их поведение.

Следует иметь в виду, что оратору порой удается установить контакт только с частью слушателей, а не со всей аудиторией. Можно сказать, что контакт — это величина переменная. Он может быть полным и неполным, устойчивым и неустой-

чивым, изменяться в процессе выступления оратора. Конечно, каждый выступающий должен стремиться установить со своими слушателями полный контакт, устойчивый от начала до конца речи. А для этого необходимо учитывать целый ряд факторов.

Бесспорно, на установление контакта оратора со слушателями влияют прежде всего актуальность обсуждаемого вопроса, новизна в освещении данной проблемы, интересное содержание выступления.

Именно интересное содержание в значительной степени определяет успех ораторской речи, является залогом установления контакта между оратором и аудиторией.

Однако в ораторской практике следует учитывать еще целый ряд моментов, требований, несоблюдение которых может свести на нет интересное содержание, снизить эффективность ораторского воздействия.

Большое влияние на установление контакта с аудиторией оказывает личность оратора, его репутация, сложившееся общественное мнение о нем. Если оратор известен как человек эрудированный, принципиальный, как человек, у которого слово с делом не расходится, человек, не бросающий слов на ветер, выступающий «не ради красного словца», то аудитория будет испытывать доверие к такому оратору.

Чтобы установить контакт со слушателями, важно учитывать особенности аудитории, в которой предстоит выступить.

Заслуженный профессор Николай Степанович, чеховский герой рассказа «Скучная история», вспоминая о своей лекторской деятельности, пишет-

Хороший дирижер, передавая мысль композитора, делает сразу двадцать дел: читает партитуру, машет палочкой, следит за певцом, делает движение в сторону то барабана, то валторны и проч. То же самое и я, когда читаю. Предо мною полтора лица, не похожих одно на другое, и триста глаз, глядящих мне прямо в лицо. Цель моя — победить эту многоголовую гидру. Если я каждую минуту, пока читаю, имею ясное представление о степени ее внимания и о силе разума, то она в моей власти.

Рассмотрим основные особенности аудитории ораторской речи. Прежде всего важно знать, однородна или неоднородна аудитория.

По каким же признакам можно судить об однородности аудитории? К ним относятся такие характеристики слушателей, как возраст, пол, национальность, уровень образования, профессиональные интересы, настроение и т. п. Понятно, чем однороднее аудитория, тем единодушнее реакция слушателей на выступление, тем легче выступать. И наоборот, разнородная аудитория обычно неодинаково реагирует на слова оратора, и ему приходится прилагать дополнительные усилия, чтобы управлять своими слушателями.

Существенный признак аудитории — количественный состав слушателей. Если вам приходилось выступать на собрании или на конференции, то вы вспомните, что приемы, используемые в той и другой аудитории, манера поведения, форма преподнесения материала, обращение к малочисленной и многочисленной аудитории были различными. Иногда интересуются, в какой аудитории легче выступать — в малочисленной или многочисленной. Каждая аудитория имеет свои особенности. Некоторые ораторы боятся большой аудитории, они начинают сильно волноваться, их охватывает, как говорят, «ораторская лихорадка», и они теряют дар речи. Малочисленной аудиторией легче управлять, но в данном случае оратор должен хорошо знать вопрос, о котором идет речь, так как вряд ли удобно читать с «листа» перед небольшим количеством слушателей.

Для аудитории характерно и чувство общности, которое проявляется в эмоциональном настрое слушателей.

Вы, вероятно, во время выступления не раз наблюдали любопытные явления. Вот, к примеру, в какой-то части зала возник легкий шум, и он очень быстро распространяется по всему помещению. Ваш сосед одобрительно кивнул выступающему головой. Это определенным образом повлияло на ваше поведение, на ваше отношение к словам говорящего. А вот прозвучала ироническая реплика, и на нее живо реагируют остальные слушатели. Влияние слушателей друг на друга особенно ярко проявляется при одобрении или неодобрении речи выступающего.

В чем же дело? Почему это происходит? Да потому, что слушатели испытывают действие различных психологических механизмов: одни слушатели бессознательно повторяют действия окружающих, другие осознанно воспроизводят образцы

поведения рядом сидящих, на третьих оказывают влияние мнение и поведение большинства присутствующих. В результате действия этих механизмов в аудитории создается общий настрой, который существенно влияет на установление контакта между оратором и слушателями. Поэтому оратору нужно учиться управлять настроением аудитории, уметь, если надо, изменить его.

На установление контакта между оратором и аудиторией влияют и некоторые особенности психологии слушателей. Слушатели предъявляют оратору особые требования: они предоставили ему в процессе общения главную роль и хотят, чтобы он оправдал ее. Поэтому важно, чтобы слушатели почувствовали уверенность в поведении оратора, увидели спокойствие и достоинство на его лице, услышали твердость и решительность в голосе. Вот что рассказывает о своем выступлении на международном конгрессе Олег Антонович Юдин, доктор биологических наук, герой романа А. Крона «Бессонница»:

Выступавшего передо мной оратора я слушал почти внимательно. Я бы солгал, сказав, будто совсем не волновался, но это было волнение хирурга перед операцией, что бы ни происходило у него на душе, руки дрожать не должны. Поэтому, когда председатель с некоторым затруднением произнес мою всю жизнь казавшуюся мне очень простой фамилию, я встал и подошел к председательскому столу так же, как привык входить в операционную, не спеша, со спокойной уверенностью в каждом движении, чтоб ни у помощников, ни у сторонних наблюдателей, спаси боже, не возник(даже тени сомнения в успехе.

Не правда ли, интересное сравнение: оратор выходит на трибуну с той же уверенностью, с какой привык входить в операционную. Даже само появление оратора оказывает психологическое воздействие на аудиторию — оно должно настроить слушателей на успех ораторской речи, ни у кого не должно возникнуть даже тени сомнения в удаче. Но оратор — такой же человек, как и все остальные. Перед выступлением у него могут возникнуть неприятности, непредвиденные осложнения, наконец, он может вдруг почувствовать недомогание. Однако аудитории нет дела до личных переживаний оратора. Значит, ему надо уметь скрыть свое настроение, на время от-

ключиться от всего, что не связано с выступлением в аудитории. А. С. Макаренко учил педагогов-воспитателей:

Настроение у вас может быть каким угодно, а голос у вас должен быть настоящим, хорошим, твердым голосом. Никакого отношения к вашему голосу настроение не имеет... Нужно сделать так, чтобы ваша физиономия, ваши глаза, ваш голос были в некоторых случаях автономными.

Рекомендации А. С. Макаренко, несомненно, полезны и для ораторов.

Особенностью психологии аудитории является то, что слушатели — это одновременно и зрители. Оратор только появляется на трибуне, а слушатели уже оценивают его, обмениваются друг с другом критическими замечаниями. Что же привлекает в ораторе зрительное внимание слушателей? Конечно, в первую очередь его внешний вид.

Одежда выступающего должна соответствовать характеру обстановки, в которой произносится речь, быть опрятной и аккуратной. А. Ф. Кони советовал лекторам:

Следует одеться просто и прилично. В костюме не должно быть ничего вычурного и кричащего (резкий цвет, необыкновенный фасон); грязный, неряшливый костюм производит неприятное впечатление. Это важно помнить, так как психологическое действие на собравшихся начинается до речи, с момента появления лектора перед публикой.

Аудитория внимательно следит также за поведением оратора во время речи. Лишние, механические движения выступающего отвлекают внимание слушателей, становятся предметом обсуждения аудитории. Обращают внимание слушатели и на позу лектора. Иные ораторы, добравшись до трибуны, ложатся на нее, раскачиваются то вправо, то влево, переминаются с ноги на ногу, топчутся на месте. Все это отрицательно действует на слушателей, не способствует установлению контакта с оратором.

Слушателям далеко не безразлично, куда смотрит оратор. Нередко можно наблюдать такую картину: делает начальник доклад, выступает на собрании и время от времени поглядывает в окно, окидывает взглядом стены, опускает глаза на пол,

поднимает их к потолку, рассматривает свои руки, т. е. смотрит куда угодно, только не на слушателей.

Бывает еще хуже: выступающий смотрит на аудиторию, как в пустое пространство, смотрит отсутствующим взглядом. Можно ли в таком случае говорить о подлинном взаимопонимании между оратором и аудиторией? Конечно, нет! Правда, зрительный контакт со слушателями вовсе не означает, что нужно все время стараться смотреть на всех и каждого. Но если во время речи медленно переводить взгляд с одной части аудитории на другую, то можно создать впечатление хорошего зрительного контакта со слушателями.

Форма преподнесения материала существенно влияет на взаимоотношения оратора и аудитории.

Однажды во время лекции по ораторскому искусству один из авторов этой книги получил записку следующего содержания:

Необходимо категорически запретить всем читать текст, кроме докладов, где заключена коллективная мысль. Надо приучить ораторов говорить с людьми от души, а не от бумаги. Без этого им ничто не поможет или, точнее, мало поможет.

Невольно возникает вопрос, а кто должен запретить читать текст речи с листа?

Обратимся к методической литературе. Ни один из авторов не рекомендует читать текст по написанному. Более того, психологи предупреждают: при чтении текста с листа в получасовом выступлении его содержание воспринимается лишь на 17%.

Вопрос «Читать или говорить?» — один из вечных вопросов истории ораторского искусства.

Традиция написания и чтения с листа ораторских речей родилась задолго до наших дней. Так, с конца V века до н.э. в Афинах появились логографы, т.е. составители речей для выступления тяжущихся сторон в суде. Они готовили речи с учетом индивидуальности «заказчика».

Самым знаменитым логографом Древней Греции был Лисий, который сочинял речи для участников многочисленных в Афинах судебных процессов.

Во Франции в XVIII веке считалось неприличным выхо-

дить на кафедру без заранее написанной речи. Текст речи обязательно читался. Таков был обычай.

А вот Петр I в 1720 году издал Указ № 740, который гласил:

Указую: господам сенаторам речь в присутствии схода держать не по писаному, а токмо словами, дабы дурь каждого всем видна была.

Издавая этот указ, великий государь преследовал, по-видимому, свои цели, но вольно или невольно документ подчеркивал действенность живого устного слова.

Интересное сравнение использовал лауреат Нобелевской премии физик Уильям Брегг, высказывая свои суждения по поводу искусства научной беседы:

Я считаю, что собрать слушателей, а затем читать им написанный материал — это все равно, что, пригласив приятеля прогуляться, спросить, не возражает ли он пройтись пешком, а самому ехать рядом с ним в автомобиле [86, 120].

Вопрос «Читать или говорить?» влечет за собой еще целый ряд вопросов.

Первый вопрос: «Чей текст читать?»

Обратимся к истории. Известно, что крупнейший русский историк профессор В. О. Ключевский называл свои лекции просто «чтением», и он, действительно, читал их по своим записям, читал медленно, тихо, спокойно. Но это были им сочиненные, им найденные, им продуманные тексты. «Властителем гибкого и покорного слова» назвал его А. Ф. Кони. Чтобы занять место в аудитории на лекции Ключевского, студенты вынуждены были отсиживать две-три предыдущие пары.

Другой известный русский историк профессор Т. Н. Грановский тщательно готовился к своим лекциям, но по записям никогда не читал. Писал он мало, и написанное, как оно ни драгоценно, не может дать нам полного представления о его ораторском мастерстве. Это был лектор-импровизатор.

Названные ораторы сами создавали тексты выступлений, выражали свои мысли, высказывали собственные суждения. Поэтому независимо от того, читали они или говорили свои речи, их было интересно слушать.

К сожалению, в жизни приходится сталкиваться с ораторами, которые просто озвучивают чужие тексты.

Об этой укоренившейся вредной практике пишет в своем романе «Белый свет» С. Бабаевский. Алексей Фомич Холмов, главный герой романа, вспоминает, как в первые годы своей работы он просиживал ночи, так как дни были заняты, чтобы написать речь или статью в газету. И какие это были замечательные статьи! А речи получались ершистые, задиристые. Тогда и на ум молодому Холмову не могло прийти, что кто-то сможет написать для него речь. Сам писал, сам говорил, где по писаному, а где и без писаного.

А потом как-то повелось, что писать стали другие. Для него писал Чижов. Находились такие товарищи, которые с трибуны читали то, что перед выступлением видели впервые. Поэтому не очень опытный трибун заикался, сбивался со слов, путал фразы. Холмову запомнился анекдотичный случай. Одному доверчивому оратору какой-то смельчак ради шутки подложил в папку не те листы. В нужных листах речь шла об улучшении заготовки кормов, а в тех, подложенных, излагались какие-то советы по женским модам. Оратор осрамился.

Второй вопрос: «Как читать свой или чужой текст?»

В книге профессора Парижского университета А. Олара «Ораторы революции», изданной в Москве в 1907 г., есть интересное описание ораторской манеры выступлений Мирабо, деятеля Великой французской революции. Приведем отрывок из этой книги:

.. действие занимало крупное место в красноречии Мирабо. Он был замечательным, восхитительным чтецом. Он умел читать все, как свое собственное произведение. Своей умелой и легкой дикцией он оживлял вялые фразы, делил на два слишком длинный период, придавал плавность тяжеловесным местам. Находясь на трибуне во время самого чтения, он экспромтом делал поправки. Не меняя стиля своих помощников, он в чтении придавал ему силу и горячность, уподобляясь тем умелым актерам, которые, оставаясь верны плохо написанной роли, придают безжизненным, тусклым фразам силу и яркость, поражающие самого автора пьесы. <.. > рассказывают, что речь о наследовании, прочитанная Мирабо в клубе Якобинцев, произвела очень сильное впечатление, между тем как эта же речь, прочитанная в Национальном Собрании Талейраном, который хотя и был хорошим чтецом, показалась бесцветной, бесстрастной. Вот, следовательно-

но, естественное объяснение загадки: Мирабо своим талантом чтеца и актера совершенно видоизменял те страницы, которые ныне нам кажутся холодными и которым он один умел придавать живость. Сотрудничество прекращается, как только он поднимается на трибуну, где он проявляет те свои дарования, которые умерли вместе с ним, которые не существовали уже даже для тех, кто на следующий день читал его речь. Современники могли поэтому забывать о роли, которую друзья оратора играли в составлении его речей. Они всегда видели и слушали самого Мирабо [т.1, 129—130].

А вот еще один любопытный факт. У. Черчилль, искушенный политик и прожженный парламентарий, в тех местах своих речей, где чувствовалась слабость аргументации, ставил на полях две буквы: S. L. (slower, louder — «медленнее, громче»).

Эти примеры красноречиво свидетельствуют, какое огромное значение в ораторской практике имеет умелое произнесение речи.

Установление контакта, овладение вниманием аудитории обеспечивает успех публичного выступления, является необходимым условием для передачи информации, оказания желаемого воздействия на слушателей, закрепления у них определенных знаний и убеждений.

В заключение подчеркнем, что ораторская практика настолько сложна, разнообразна, многогранна, что невозможно все предусмотреть заранее и дать советы и рекомендации на все случаи жизни.

Очень важно, чтобы каждый человек творчески подходил к подготовке и произнесению ораторской речи, полнее и шире использовал свои природные данные, индивидуальные возможности, умело применял приобретенные риторические навыки и умения.

5.3. Подготовка речи: выбор темы, цель речи

Довольно часто перед публичными выступлениями люди испытывают чувство неуверенности, сильно волнуются, боятся встречи со слушателями. Это сказывается и на их физическом состоянии: одних охватывает нервная дрожь, другие краснеют или бледнеют, у третьих начинает дрожать голос и т. п.

Известный русский издатель И. Д. Сытин, к примеру, стеснялся даже самой маленькой аудитории. Как рассказывают современники, выступая с ответным словом на своем юбилее, он от волнения говорил сбивчиво и непоследовательно. А ведь он был образованнейшим человеком своего времени, гордостью русской культуры, прекрасным знатоком русского языка.

Не случайно появилось даже такое понятие, как «ораторская лихорадка». Единых рецептов избавления от нее не существует, хотя в методической литературе можно найти немало интересных советов и рекомендаций.

Немецкий исследователь **Отто Эрнст** в книге «Слово предоставлено вам» называет причины возникновения скованности и страха перед публичным выступлением и предлагает пути их преодоления.

Такой причиной, по **его** мнению, бывает *чрезмерное погружение в собственные переживания*. В этом случае автор рекомендует думать о деле, сконцентрировать внимание на содержании речи.

Нередко ораторы просто недооценивают собственные возможности, поэтому им следует *заставить себя поверить, что они хорошо подготовились к выступлению и могут сообщить слушателям нечто важное и полезное*.

Некоторые ораторы волнуются из-за недостатка опыта. Им **Отто Эрнст** адресует следующий совет:

Наберитесь смелости и при удобном случае попросите **слова**; широко используйте возможности участия в различных дискуссиях: в кругу семьи после телепередач, в рабочем коллективе, на мероприятиях повышения профессиональной и политической подготовки и т. д.

Иногда ораторов смущает воспоминание о провале. Поскольку неудачи **бывают** и у опытных ораторов, следует смириться с мыслью, что какое-то из выступлений действительно может оказаться неудачным, и реагировать на это спокойно и рассудительно.

Одним словом, оратору нужна хорошая *психологическая подготовка*. Он должен уметь определенным образом настроить себя перед выступлением, научиться управлять своими чувствами и настроением.

Причиной тревожного состояния может стать и недоста-

точная подготовленность оратора к выступлению. Известный судебный деятель XIX века А. Ф. Кони писал по этому поводу:

Чтобы меньше волноваться перед выступлениями, надо быть более уверенным в себе, а это может быть только при лучшей подготовке к лекции. Чем лучше владеешь предметом, тем меньше волнуешься. *Размер волнения обратно пропорционален затраченному на подготовку труду* или, вернее, результату подготовки. Не видимый ни для кого предварительный труд — основа уверенности лектора. Эта уверенность тотчас же *повысится* во время самой **речи**, как только лектор почувствует (а почувствует он непременно и вскоре же), что говорит свободно, толково, производит впечатление и *знает* все, что осталось сказать [52, 172].

Подготовка к выступлению — очень важное и ответственное дело в деятельности оратора. И прав Д. Карнеги, утверждавший, что «многие совершают роковую ошибку, не удосуживаясь подготовить свою речь».

Подготовка к конкретному выступлению определяется видом ораторской речи, зависит от темы выступления, целей и задач, стоящих перед выступающим, его индивидуальных особенностей, от состава аудитории, в которой предстоит выступать, и т. д. Однако при подготовке к выступлению следует учитывать и некоторые общие методические установки.

Рассмотрим основные этапы разработки ораторской речи.

Подготовка к любому выступлению начинается с определения темы речи. При этом возможны различные ситуации. Иногда предлагают выступить на определенную тему, т. е. тема речи является заданной. В этом случае оратору необходимо ее конкретизировать, уточнить.

Однако нередко тему выступления приходится выбирать самим. Из чего следует исходить, выбирая тему? Прежде всего из своего личного опыта, а также знаний по выбранной теме. Кроме того, важно, чтобы тема представляла интерес для вас и ваших слушателей.

Выбрав тему, надо подумать о ее формулировке. Название речи должно быть ясным, четким, по возможности кратким. Оно должно отражать содержание выступления и обязательно привлекать внимание слушателей. Удачная формулировка темы выступления определенным образом настраивает аудиторию, готовит ее к восприятию будущей речи.

Длинные формулировки, названия, включающие незнакомые слова, отталкивают слушателей, порой даже вызывают отрицательное отношение к предстоящему выступлению. Как-то по центральному телевидению показывали **трехсерийный** фильм «Месяц длинных дней». Один из героев фильма, Павел Степанович, на вопрос, почему он не на лекции, ответил: «А меня название отпугнуло». Лекция называлась «Аутогенная тренировка». В названии темы использован научный термин иностранного происхождения, который не всем известен, поэтому не каждый поймет, что речь идет о тренировке самовнушением.

Следует избегать и слишком общих названий. Например, формулировка темы лекции «**Забота о здоровье**» может вызвать ряд вопросов. Прежде всего непонятно, о чьей заботе пойдет речь — о заботе государства, лечебных учреждений, здравоохранения, семьи или каждого человека. Возникает и второй вопрос, о чем здоровье будет рассказывать лектор — о здоровье дошкольников, школьников, студентов, рабочих, служащих, пенсионеров и т. п. Целесообразно дать более конкретные формулировки данной темы: «Группы здоровья для людей пожилого возраста», «Работа скорой помощи в нашем районе», «Профилактика заболеваний гриппом», «О вреде самолечения» и др.

Общие названия требуют освещения многих вопросов, чего не в состоянии сделать выступающий. Поэтому среди слушателей всегда будут недовольные, так как не получают ответа на интересующие их вопросы.

Для конкретизации общей формулировки темы можно прибегнуть к подзаголовкам, например: «Поговорим о себе» (для вас, молодые матери), (для вас, будущие мужья) и др.

Умение формулировать тему выступления необходимо не только лекторам, но и руководителям учреждений, президентам акционерных обществ, управляющим фирмами, директорам коммерческих структур, менеджерам, служащим и т. д.

Особое внимание следует обращать на названия при разработке повестки дня совещаний, заседаний, программ семинаров, конференций, симпозиумов. Формулировки пунктов повестки дня, темы докладов, сообщений должны ориентировать людей на участие в обсуждении конкретных проблем.

Довольно распространенным в повестке дня является пункт

«О разном», «Разное». Представляется целесообразным расшифровывать и этот пункт. Ведь порой вопрос, включенный в «Разное», бывает очень важным для кого-либо из присутствующих, и человек должен иметь возможность заранее продумать и подготовить свое выступление.

Приступая к подготовке речи, необходимо определить цель выступления. Говорящий должен ясно представлять, для чего, с какой целью он произносит речь, какой реакции слушателей добивается.

В. В. Маяковский, выступая на одном из собраний в 1929 г., говорил, что все споры и с врагами, и с друзьями о том, что важнее — «Как делать» или «Что делать», перекрываются теперь литературным лозунгом: «Для чего делать?», т. е. устанавливается примат цели и над содержанием, и над формой.

Так и оратор, готовясь к выступлению, должен установить примат цели над содержанием и формой речи. Если выступающий не подумает о назначении речи, он не добьется успеха в ее подготовке и произнесении. Например, в одной из аудиторий лектор прочитал лекцию «О вреде курения». Он имел медицинское образование и не раз выступал с подобной темой перед населением. Когда лекция была закончена, лектора спросили: «А для чего вы нам все это говорили?» Оказалось, что аудитория почти на 100 процентов некурящая, о чем выступающий знал. Лектор затруднился ответить на заданный вопрос. Значит ли это, что он не должен был выступать перед данной аудиторией с такой темой? Отнюдь нет. Надо было только с самого начала определить, для чего он в этой аудитории будет говорить о вреде курения. Или для того, чтобы сообщить слушателям новые сведения по этой теме в связи с развитием медицины, или для того, чтобы призвать слушателей вести разъяснительную работу среди своих близких и знакомых, или для того, чтобы поделиться методикой проведения подобной беседы. И в соответствии со своей целью излагать материал. Тогда у слушателей не появилось бы чувства недоумения.

В повести С. Антонова «Дело было в Пенькове» рассказывается о выступлении одного молодого лектора — Димы Крутикова.

«Дима принадлежал к тому типу ораторов, — пишет автор, — которые заботятся прежде всего о том, чтобы удивить публику своим талантом, поразить и оглушить ее своей уче-

ностью, способностью запомнить наизусть цифры, даты, фамилии и мудреные названия». Поэтому его лекции не были целенаправленными, он мало заботился о практической пользе своих выступлений. Читая лекцию о разведении кукурузы, Дима Крутиков сообщил слушателям много интересных сведений. «Он говорил, что кукурузу привезли из Америки, что еще в давние времена эта культура произрастала в Южной Америке, и в частности в государстве Перу. Тут Дима несколько отвлекся и рассказал много любопытного об ацтеках и инках. Затем он довел до сведения колхозников, что Колумб впервые увидел кукурузу на острове Куба в 1492 г., и снова лектор вынужден был отвлечься, чтобы опровергнуть распространенное мнение о том, что Колумб открыл Америку. Потратив на разъяснение этого исторического факта минут десять, Дима перескочил с каравелл испанской королевы прямо на молдавскую землю и сообщил, что в Молдавии из кукурузы готовят вкусную мамалыгу, а в Грузии — особый хлеб под названием «мчади». Тут он не удержался от искушения рассказать, как он лично в прошлом году ездил на тепलोходе «Грузия» и что интересного повидал в поездке». Однако, несмотря на обилие познавательного материала, слушатели были разочарованы и не удовлетворены лекцией. Они ждали от лектора анализа причин плохих урожаев кукурузы, надеялись получить практические советы и рекомендации по выращиванию этой культуры.

Отсутствие определенной целевой установки снизило эффективность лекции, оратор не добился желаемой реакции слушателей.

Надо иметь в виду, что выступающему следует формулировать цель речи не только для себя, но и для своих слушателей. Четкая формулировка целевой установки облегчает восприятие ораторской речи, определенным образом настраивает слушателей. Именно так и поступали выдающиеся ораторы разных времен.

Образцом четкого определения цели может служить речь крупнейшего оратора Америки Уэнделла Филлипса:

Леди и джентльмены! Меня просили рассказать об одном замечательном человеке предшествовавшего нам поколения — о великом правителе острова Сан-Доминго **Туссене-Л** увертюре, чисто-

кровном негре, в венах которого не было и капли крови белого человека. В своем выступлении я расскажу Вам кратко **его** биографию — биографию негра-военачальника и государственного деятеля. Я изложу ее в защиту той расы, представителем которой он был... Моя цель, — хотя вы можете посчитать ее нелепой, — убедить вас в том, что негроидная раса, вместо того, чтобы вызывать сожаление или заслуживать презрение, как вы обычно считаете, имеет среди народов право на место, близкое к англосаксам.

Вопросы для самоконтроля

В процессе выбора темы и определения целевой установки П. Сатпер рекомендует ораторам для контроля ставить перед собой следующие вопросы:

- 1. Действительно ли меня интересует тема или может ли она стать интересной для меня?*
- 2. Достаточно ли я знаю по этому вопросу и могу ли я заручиться достаточными данными?*
- 3. Смогу ли я уложиться в отведенное время?*
- 4. Если я хочу убедить, убежден ли искренне я сам?*
- 5. Будут ли соответствовать мои тема и цель уровню знаний, интересам и установкам слушателя?*

5.4. Основные приемы поиска материала

После определения тематики выступления, его цели следует этап поиска и отбора материала.

В методической литературе определены **основные источники**, из которых можно черпать новые идеи, интересные сведения, факты, примеры, иллюстрации для своей речи. К ним относятся:

- официальные документы;
- научная, научно-популярная литература;
- справочная литература: энциклопедии, энциклопедические словари, словари по различным отраслям знаний, лингвистические словари (толковые, иностранных слов, орфоэпические, орфографические, синонимов и др.), статистические сбор-

ники, ежегодники по различным вопросам, таблицы, библиографические указатели;

- художественная литература;
- статьи из газет и журналов;
- передачи радио и телевидения;
- результаты социологических опросов;
- собственные знания и опыт;
- личные контакты, беседы, интервью;
- размышления и наблюдения.

Чтобы выступление получилось содержательным, лучше использовать не один источник, а несколько.

При подготовке к выступлению нельзя забывать и о так называемом местном материале, т. е. имеющем отношение к жизни слушателей или того коллектива, региона, о котором идет речь. Такой материал оживляет выступление, привлекает к нему внимание слушателей, вызывает у них интерес к выступлению.

Подбор материалов для ораторской речи требует определенного времени, поэтому подготовку к выступлению по возможности надо начинать заранее.

На этом этапе подготовки к выступлению формируется необходимый для оратора навык отбора литературы. Ученые определили, какие действия способствуют образованию этого навыка. Например, психолог В. Сахаров называет следующие действия:

1. Припоминание ранее читаемой литературы по теме выступления.
2. Просмотр личной библиотеки или каталога.
3. Просмотр каталогов в библиотеке.
4. Просмотр в последних номерах журналов перечня опубликованных за истекший год статей.
5. Просмотр библиографических изданий (летописей книг, журналов и т. п.).
6. Просмотр справочников.

Систематическое повторение этих действий при подготовке к различным выступлениям поможет выработать у оратора навык отбора литературы, что в конечном счете позволит ускорить сам процесс подготовки.

Этот этап подготовки связан с работой оратора в библиотеке. Выступающему необходимо уметь пользоваться различны-

ми каталогами (алфавитным, систематическим, предметным), библиографическими изданиями, справочной литературой.

Не смущайтесь, если способы собирания материала в библиотеке и других местах сначала покажутся сложными, — наставляет П. Сопер начинающих ораторов. — Овладейте ими, вы избавитесь от больших затрат времени и от лишних хлопот. Если усвоено, как пользоваться библиотекой, вы приобрели самое важное — исследовательские навыки и неутомимое желание знать досконально все по интересующему вас вопросу. Будьте настойчивы: факты, обнаруживаемые с наибольшим трудом, несомненно, самые необходимые для ясности и убедительности речи [79].

Важнейший этап подготовки ораторской речи — **изучение отобранной литературы**. Оратору необходимо выбрать из литературы то, что можно будет использовать в речи, т. е. прочитать соответствующие разделы, сделать нужные записи, систематизировать материал и т. д.

Работая с книгой, следует прежде всего определенным образом настроить себя, дать себе соответствующую установку. Это особенно необходимо во время подготовки к лекции и докладу. Какой может быть установка во время чтения? Самой различной. Оратор может поставить перед собой задачу изучить по книге тот или иной вопрос, который предстоит освещать в выступлении; критически проанализировать содержание книги; проверить, совпадает ли его оценка какой-то проблемы с мнением автора, других авторитетных лиц; выбрать для выступления наиболее яркие факты, примеры, интересные положения и т. д. Подобные установки помогут оратору более целенаправленно работать с книгой и прежде всего определить вид чтения: сплошное, выборочное, комбинированное. При сплошном чтении книга прочитывается полностью, от начала до конца, без каких-либо пропусков. Иногда для разрабатываемой темы достаточно изучить не всю книгу, а лишь отдельные ее разделы, главы, параграфы. Такое чтение называется выборочным. Комбинированное чтение — это сплошное чтение одних частей и выборочное других.

Работу над книгой советуют начинать с предварительного знакомства с ней. Что это значит? Сначала читается титульный лист книги. На нем напечатаны название книги, которое дает представление о ее содержании; фамилия автора. Нередко

на титульном листе указывается классификационная характеристика книги (учебник, учебное пособие, справочное пособие, словарь-справочник, роман, повесть и др.), позволяющая **определить** ее назначение.

Важно обратить внимание на год издания книги. Если заинтересовавшая книга выпущена десять-двадцать лет назад, то приведенные в ней сведения могли устареть, поэтому требуется ознакомиться и с новой литературой по интересующему вопросу.

На титульном листе указывается также наименование издательства и место издания книги. Но на этом не заканчивается предварительное знакомство с книгой. Следует просмотреть оглавление книги, дающее представление об основных вопросах, которые в ней затрагиваются, обратить внимание на рисунки, схемы, таблицы.

Ознакомиться с книгой помогает и аннотация, которая помещена на обороте титульного листа или в конце книги. В ней кратко рассказывается о содержании книги, говорится о ее значении, даются сведения об авторе и т. п.

Если в книге есть предисловие и послесловие, рекомендуется прочитать их. В предисловии рассказывается история написания книги, передается ее краткое содержание, характеризуются основные проблемы. В послесловии автор подводит итоги изложенного, кратко формулирует или повторяет главные положения работы.

Таким образом, первичный просмотр отобранных книг является очень важным моментом в подготовке выступления. Он позволяет определить, какие из отобранных книг больше всего подходят для разрабатываемой темы и какие из них следует изучить более детально. Обратите внимание на мудрое утверждение известного английского философа Ф. Бэкона:

Одни книги можно лишь попробовать, другие — проглотить, и, наконец, **немногие** нужно разжевать и переварить.

Во время чтения важно уметь **осмыслить содержание прочитанного**, соединить его с теми знаниями, которые были получены ранее. Это помогает анализировать и систематизировать материал, делать необходимые выводы.

Верный признак понимания прочитанного — умение передать его содержание своими словами. Этот навык особенно

необходим для оратора, который постоянно делится своими знаниями с аудиторией, воспроизводит по памяти содержание статей, брошюр, книг. Пересказ прочитанного — своеобразная тренировка для оратора: обогащается его речь, совершенствуется лекторское мастерство.

При подготовке к лекции, докладу нужно обязательно делать соответствующие записи прочитанного. Д. И. Менделеев говорил, что *найденная, но не записанная мысль — это найденный и потерянный клад*.

Наиболее простой вид записи — это выписки. Выписывают то, что относится к изучаемому вопросу, а также материалы, которые могут быть использованы или окажутся нужными лишь впоследствии.

Каждый хорошо знаком с этим видом записи, однако далеко не всегда эти выписки делаются правильно. Нередко такие записи ведутся в тетрадах, используется та **и** другая сторона листов.

Конечно, использовать при записи обе стороны листа экономно, так как тратится меньше бумаги, но пользоваться такими выписками неудобно. Представьте себе, что на одной стороне листа у вас цитата, которую следует использовать в начале доклада, а то, что написано на обратной стороне, цитируется в середине доклада. Как в данном случае поступить? Придется одну из цитат переписать, т. е. проделать дополнительную работу. Или вы хотите прокомментировать написанное, записать какие-то свои мысли. Где это сделать, если обе стороны листа исписаны? Согласимся с тем, что выписки следует делать только на одной стороне.

Нередко не считают обязательным указывать, откуда выписан данный материал, кто автор выписанного текста. Такие записи трудно, а порой невозможно использовать в дальнейшей работе: забывается источник материала и в случае необходимости нельзя уточнить текст, в таком виде невозможно классифицировать собранный материал. Для того, чтобы выписками удобно было пользоваться, надо правильно их оформлять. Рекомендуется выписки делать на карточках. Желательно, чтобы они были одинакового размера. На каждой карточке делают не более одной записи. В верхней части карточки следует указать тему, к которой относится запись, а в нижней — подробно и в определенной последовательности записать «выходные

данные» источника, т. е. фамилию и инициалы автора, название книги, место и год издания.

Некоторые ораторы, изучая литературу, выписывают подряд все, что покажется интересным. Они тратят на это много времени, а в результате выписанный материал остается почти неиспользованным, так как не имеет непосредственного отношения к теме. Поэтому выписками не стоит увлекаться.

Чтение — это не такое простое дело, как может показаться на первый взгляд. Не случайно работа над книгой стала предметом изучения психологов. Они выработали методику работы с книгой, которая помогает лучше осмысливать и усваивать текст прочитанного.

Необходимо помнить, что чтение научной, научно-популярной литературы требует настойчивости, упорства, усидчивости.

Работать с книгой нужно систематично и последовательно, а не урывками, от случая к случаю.

Бесспорно, невозможно предложить рекомендации, в равной степени приемлемые для всех. У каждого человека в процессе жизни вырабатываются свои методы и приемы работы с книгой. Главное, чтобы они были эффективными. Биограф знаменитого французского писателя и философа-просветителя Вольтера вспоминал:

Когда он получал какой-либо новый труд, он имел обыкновенно быстро просматривать его, читая лишь несколько строк на каждой странице. Если он замечал, что в нем содержится что-либо заслуживающее внимания, он отмечал это место закладкой; кроме этого, он весьма внимательно перечитывал ее, иногда даже два раза, когда книга казалась интересной и хорошо написанной, и делал на полях заметки. Эти заметки были чрезвычайно любопытны. Вольтер обладал поразительной памятью. Сотни раз он говорил мне: «Посмотрите в таком-то сочинении, в таком-то томе, примерно на такой-то странице, нет ли там того-то! — и редко случалось, что он ошибался, хотя и не раскрывал эту книгу лет двенадцать — пятнадцать.

Чтение литературы по теме выступления, накопление карточек с интересными высказываниями, примерами, цитатами, статистическими данными — трудоемкий этап подготовки публичного выступления, требующий много времени. Но вместе с тем именно этот этап во многом определяет успех будущего

выступления: оратор получает и расширяет свои знания, связанные с предметом речи; критически осмысливает материал; выясняет основные проблемы, возникающие при освещении данной темы.

При чтении появляются какие-то сравнения, ассоциации, сопоставления с реальными процессами жизни, рождаются новые мысли. Поэтому необходимо думать над прочитанным, спорить с авторами, пытаться понять, как соотнести прочитанное с современными событиями, как и когда использовать какое-то положение, а не просто переписывать материал, компоновать его, а затем выступать.

Настоящая подготовка к выступлению заключается в том, чтобы выработать собственное отношение к предмету речи, сформулировать свои мысли по тому или иному вопросу, проанализировать свои идеи с позиций будущей аудитории.

Готовиться, — подчеркивает Д. Карнеги, — это значит думать, вынашивать мысли, вспоминать, отбирать те из них, которые привлекают, отшлифовывать их, располагать в определенном порядке [33, 305].

5.5. Начало, завершение и развертывание речи

Слово *композиция* восходит к латинскому *compositio*, которое означает «составление, сочинение».

В теории ораторского искусства под композицией речи понимается построение выступления, соотношение его отдельных частей и отношение каждой части ко всему выступлению как единому целому. Для наименования этого понятия наряду со словом *композиция* употребляются также близкие по смыслу слова *построение*, *структура*.

Когда говорится о композиции ораторской речи, то обязательно учитывается, как соотносятся между собой части выступления, какое место занимает отдельная часть по отношению ко всему выступлению.

Организация материала в речи, расположение всех частей выступления определяются замыслом оратора, содержанием

выступления. Если соотношение частей выступления нарушается, то эффективность речи снижается, а иногда сводится к нулю.

Представьте себе, что оратор должен был выступить с информационным сообщением на тему «Зимние Олимпийские игры». Естественно, что аудитория предполагала услышать рассказ о проходивших в то время Олимпийских играх, узнать о результатах последних соревнований, ознакомиться с именами новых чемпионов. Однако этого не произошло. В течение 8 минут оратор делал вступление — говорил об истории Олимпийских игр, на изложение основной темы речи ему осталось лишь 2 минуты. Понятно, что сведений о состоявшихся соревнованиях ему удалось сообщить очень мало. И хотя оратор интересно рассказывал об истории **Олимпийских** игр, слушатели остались недовольны, так как их ожидания не оправдались. Из-за неправильного построения речи, нарушения соотношения между частями выступления оратору не удалось реализовать целевую установку, выполнить поставленную перед ним задачу.

Приступая к работе над композицией речи необходимо прежде всего определить порядок, в котором будет излагаться материал, т.е. **составить план**. По определению толкового словаря русского языка, *план* — это взаимное расположение частей, краткая программа какого-нибудь изложения.

Речи, написанные без предварительно составленного плана, как показывает практика, обычно имеют существенные композиционные недостатки. Оратор, не продумавший плана выступления, нередко «уходит» от основной темы, не укладывает в отведенное для выступления время.

Для успеха речи, — писал известный русский юрист и общественный деятель А. Ф. Кони в статье «Советы лекторам», — важно *течение мысли* лектора. Если мысль скачет с предмета на предмет, перебрасывается, если главное постоянно прерывается, то такую речь почти невозможно слушать.

На разных этапах подготовки речи составляются различные по цели и назначению планы. Так, после выбора темы выступления рекомендуется составить *предварительный план* будущей речи. Для чего он нужен? Обычно каждая тема требует решения многих вопросов. Например, в выступлении на тему

об охране окружающей среды можно говорить о загрязнении воздуха, рек, морей, водоемов, об истощении почвы, об уничтожении лесов, растительности, о защите животного мира и т. д. Видите, сколько вопросов связано с данной темой. Поэтому важно сразу определить, какие конкретно вопросы вы предполагаете осветить в своей речи. Из перечисления этих вопросов и состоит предварительный план, который помогает более целенаправленно подбирать литературу и отбирать фактический материал для выступления. Конечно, в процессе изучения литературы, анализа подобранного материала план может измениться, однако он будет способствовать вашей целеустремленной работе.

Предварительный план отражает собственное решение оратором темы выступления, его личный подход к данной проблеме.

После того, как изучена литература, обдумана тема, собран фактический материал, **составляется рабочий план.**

При его написании необходимо не только выделить вопросы выбранной темы, но и отобрать из них самые существенные и основные, определить, в какой последовательности они будут изложены. В рабочий план вносятся формулировки отдельных положений, указываются примеры, перечисляются факты, приводятся цифры, которые будут использованы в речи. Составление рабочего плана помогает лучше продумать структуру выступления. Когда написан подобный план, легче определить, какие разделы оказались перегруженными фактическим материалом, какие, напротив, не имеют примеров, какие вопросы следует опустить, так как они менее существенны для раскрытия данной темы, какие включить и т. д. Это дает возможность устранить недостатки в построении речи. Рабочий план может иметь несколько вариантов, потому что в процессе работы над выступлением он уточняется, сокращается или расширяется.

Рабочий план дает возможность судить о содержании выступления, его структуре. Интересным примером в этом отношении служит любопытный документ, хранящийся в квартире-музее Н. А. Некрасова в Санкт-Петербурге, — план речи, произнесенной литературоведом В. Е. **Евгеньевым-Максимумым** 5 декабря 1946 г. при открытии этого музея:

«Мы возвращаем поэту его дом».

Значение «дома». Здесь протекала его:

- 1) поэтич. деятельность, какие произведения;
- 2) журнальная деятельность, какие журналы и сколько (1857—1877).

Здесь помещался главный штаб революционно-демократической литературы.

«Мы возвращаем поэту дом» и в более узком смысле этого слова.

Здесь проходили наиболее важные события его жизни:

- 1) отцвела и расцвела любовь;
- 2) расцвела дружба с Ч. и Д.;
- 3) великое утешение.

Видно, что в первой части речи оратор говорил о творческой, общественной деятельности писателя, во второй — о событиях его личной жизни. План в какой-то мере передает эмоциональный настрой оратора. Чувствуется, что В. Е. Евгеньев-Максимов, знаток биографии Некрасова, один из редакторов Полного собрания сочинений, инициатор **создания** мемориального музея, говорит о нем тепло, сердечно, заинтересованно.

Характерной особенностью рабочего плана, как и предварительного, является то, что он представляет ценность для самого оратора, поэтому его пунктами бывают не только законченные предложения, но и незаконченные, а также словосочетания и даже отдельные слова.

На основе рабочего плана оратору рекомендуется составить *основной план*, называющий вопросы, которые будут освещаться в выступлении. Он пишется не столько для оратора, сколько для слушателей, чтобы облегчить им процесс восприятия речи.

Формулировки пунктов основного плана должны быть предельно четкими и ясными. Этот план сообщается слушателям после объявления темы выступления или во введении при раскрытии цели речи.

Следует, однако, иметь в виду, что план речи не всегда оглашается оратором. Это зависит от вида речи, от состава и настроения аудитории, от намерений оратора. Чаще всего план сообщается в лекциях, докладах, научных сообщениях и т. п. Слушатели обычно во время таких выступлений ведут записи, и план помогает им следить за ходом изложения материала.

приветственных, воодушевляющих, убеждающих, призывающих речах сообщение плана неуместно.

По структуре планы бывают простыми и сложными. *Простой* состоит из нескольких пунктов, *относящихся к основной* части изложения темы. Простой план можно превратить в сложный, для чего необходимо его пункты разбить на подпункты.

В *сложном* плане выделяют также вступление, главную часть, заключение. При составлении плана публичного выступления необходимо соблюдать основное требование, *предъявляемое к нему*. Он должен быть логически выдержанным, последовательным, с естественным переходом от одного пункта к другому.

Стандартных, одинаковых планов даже по одной и той же теме не существует. Каждый выступающий по-разному подходит к освещению темы и составляет свой план речи. Больше того, у одного и того же оратора могут быть различные варианты плана по теме выступления.

После написания плана оратору необходимо поработать над построением отдельных частей своей речи. Как отмечают теоретики ораторского искусства, наиболее распространенной структурой устного выступления с античных времен считается трехчастная, включающая в себя следующие элементы: вступление, главную часть, заключение. Каждая часть речи имеет свои особенности, которые необходимо учитывать во время подготовки к ораторской речи. Эти особенности обусловлены спецификой восприятия речевого сообщения. Например, ученые многочисленными экспериментами доказали, что лучше всего усваивается и запоминается то, что дается в начале или в конце сообщения. В психологии это объясняется действием закона первого и последнего места, так называемого «закона края». Поэтому начало и конец речи, т. е. вступление и заключение, должны быть в центре внимания.

Рассмотрим эти составные элементы композиции.

От того, как оратор начал говорить, насколько ему удалось заинтересовать аудиторию, во многом зависит успех выступления. Неудачное начало снижает интерес слушателей к теме, рассеивает их внимание. Во вступлении подчеркивается актуальность темы, значение ее для данной аудитории, формулируется цель выступления, кратко излагается история вопроса. Перед вступлением ораторской речи стоит важная психологи-

ческая задача — подготовить слушателей к восприятию данной темы.

Известно, что слушатели бывают по-разному настроены перед началом речи, так как руководствуются разными мотивами. Одни приходят, потому что их интересует тема выступления, они хотят расширить и углубить свои знания по данной теме, надеются получить ответы на интересующие их вопросы. Другие присутствуют в силу необходимости: являясь членами данного коллектива, они обязаны быть на этом мероприятии. Первая группа слушателей с самого начала готова слушать оратора, слушатели второй группы сидят с установкой «не слушать», а заниматься «своими» делами (читать, разгадывать кроссворды и т. п.). Но ведь оратору необходимо завоевать внимание всей аудитории, заставить работать всех слушателей, в том числе и нежелающих слушать. Это, бесспорно, трудное и ответственное дело. Поэтому во введении особое внимание уделяется началу речи, первым фразам, так называемому зачину.

Опытные ораторы рекомендуют начинать выступление с интересного примера, пословицы и поговорки, крылатого выражения, юмористического замечания.

Во вступлении может быть использована цитата, которая заставляет слушателей задуматься над словами оратора, глубоко осмыслить высказанное положение.

Пробуждает интерес к выступлению, помогает внимательно слушать и рассказ о каких-либо значительных событиях, имеющих отношение к данной аудитории, к теме выступления.

Эффективное средство завоевания внимания слушателей — вопросы к аудитории. Они позволяют оратору втянуть аудиторию в активную умственную деятельность.

А. Ф. Кони учил лекторов, что первые слова должны быть чрезвычайно просты, доступны, понятны и интересны, они должны «зацепить» внимание слушателей. В статье «Советы лекторам» А. Ф. Кони приводит несколько примеров таких необычных, оригинальных вступлений и дает соответствующие пояснения к ним. Знакомство с этими примерами и комментариями представляет интерес для всех, кто учится выступать публично.

Надо говорить о Ломоносове, — пишет автор. — Во вступлении можно нарисовать (кратко — непременно кратко, но сильно!) картину бегства в Москву мальчика-ребенка, а потом: прошло много лет, в Петербурге, в одном из старинных домов времен Петра Великого, в кабинете, уставленном физическими приборами и заваленном книгами, чертежами и рукописями, стоял у стола человек в белом парике и придворном мундире и рассказывал Екатерине II о новых опытах по электричеству. Человек **этого** был тот самый мальчик, который когда-то бежал из родного дома темной ночью.

Здесь действует на внимание простое начало, как будто не относящееся к Ломоносову, и резкий контраст двух картин.

Внимание непременно будет завоевано, а дальше можно вести речь о Ломоносове: поэт, физик, химик...

Затем А. Ф. Кони приводит пример, как можно было бы начать лекцию о законе всемирного тяготения:

«В рождественскую ночь 1642 года в Англии в семье фермера средней руки была большая сумятица. Родился мальчик такой маленький, что его можно было выкупать в пивной кружке». Дальше несколько слов о жизни и учении этого мальчика, о студенческих годах, об избрании в члены королевского общества и, наконец, имя самого Ньютона. После этого можно приступить к изложению сущности закона всемирного тяготения. Роль этой «пивной кружки» — только в привлечении внимания. А откуда о ней узнать? Надо читать, готовиться, взять биографию Ньютона...

Можно привести немало подобных примеров интересных вступлений из практики выдающихся ораторов, мастеров слова, опытных лекторов. Например, известный естествоиспытатель, блестящий популяризатор научных знаний, профессор Московского университета К. А. Тимирязев в апреле 1930 г. читал лекцию в Лондонском королевском обществе. Свое выступление перед английскими академиками ученый начал так:

Когда Гулливер в первый раз осматривал Академию в Лагаде, ему прежде всего бросился в глаза человек сухопарого вида, сидевший, уставив глаза на огурец, запаянный в стеклянном сосуде. На вопрос Гулливера диковинный человек пояснил ему, что вот уже восемь лет, как он погружен в созерцание этого предмета в надежде разрешить задачу улавливания солнечных лучей и их дальнейшего применения. Для первого знакомства я должен откровенно признаться, что перед вами именно такой чудак. Более тридцати пяти лет провел я, уставившись, если не на зеленый огурец,

закупоренный в стеклянную посудину, то на нечто вполне равнозначное — на зеленый лист в стеклянной трубке, ломая себе голову над разрешением вопроса о запасении впрок солнечных лучей [59]

Развернутым сравнением, приковывающим внимание, представляющим думать, начинается и «Нобелевская лекция» писателя А. И. Солженицына:

Как тот дикарь, в недоумении подобравший странный выброс ли океана? захоронок песков? или с неба упавший непонятный предмет? — замысловатый в изгибах, отблескивающий то смутно, то ярким ударом луча, — верпит его так и сяк, верпит, ищет, как приспособить к делу, ищет ему доступной низшей службы, никак не догадываясь о высшей.

Так и мы, держа в руках Искусство, самоуверенно почитаем себя хозяевами его, смело его направляем, обновляем, реформируем, манифестируем, продаем за деньги, угождаем сильным, обращаем то для развлечения — до эстрадных песенок и ночного бара, то — запяточкой или палкою, как схватишь, для политических мимобежных нужд, для ограниченных социальных. А Искусство — не оскверняется нашими попытками, не теряет на том своего происхождения, всякий раз и во всяком употреблении уделяя нам часть своего тайного внутреннего света.

Оригинально построил начало своего выступления на международном симпозиуме и герой романа А. Крона «Бессонница»:

Я выдержал небольшую паузу. Она была нужна не только мне, но и слушателям. Они ведь еще и зрители, прежде чем слушать, они любят посмотреть на нового человека и даже обменяться с соседом критическими замечаниями насчет внешности и костюма.

— Есть что-то знаменательное, — сказал "я, — в том, что одна из первых международных встреч ученых, посвященных защите жизни, происходит в городе, начертанном на своем щите «*fluctuat pes merq̄itur*» — гордый девиз, который в наше время мог бы стать девизом всей нашей планеты.

Сведения о гербе Парижа — гонимый волнами кораблик с латинской надписью, обозначающей «колеблется, но не тонет», — я почерпнул из путеводителя. Не бог весть какое начало, но оно понравилось. Аудитория мгновенно оценила, что человек, прибывший «оттуда», свободно говорит по-французски, улыбается, шупит

и кажется, не собирается никого поучать. Мне удалось походя польстить городскому патриотизму парижан.

Чтобы найти интересное, оригинальное начало, необходимо много работать, думать, искать. Это процесс творческий, он требует немалых усилий. Например, писатель Ю. Трифонов в статье «Нескончаемое начало» рассказывает, как тяжело даются ему самые первые фразы его произведений:

Начало переделываю и переписываю множество раз. Никогда не удавалось сразу найти необходимые фразы. Бродишь будто на ощупь, с завязанными глазами, тыкаешься в одно, в другое, пока вдруг не натолкнешься на то, что нужно. Мучительнейшее время. Начальные фразы должны дать жизнь вещи. Это как первый вздох ребенка. А до первого вздоха — муки темноты, немоты.

В начальных фразах ищу музыкальный строй вещи. Какой-то особый, символический смысл для начала необязателен, хотя, разумеется, прекрасно, если он возникнет <..> можно начать просто, как бы исподволь. Но непременно должна быть найдена точная музыкальная нота, должен почувствоваться ритм целого. Если эту найдено — как за роялем, когда подбираешь по слуху, тогда дальше все пойдет правильно.

Следует иметь в виду, что каждая тема требует своего, особого начала. При этом необходимо учитывать и состав аудитории, и степень ее подготовленности.

Важной композиционной частью любого выступления является заключение. Народная мудрость утверждает: «Конец венчает дело». Убедительное и яркое заключение запоминается слушателям, оставляет хорошее впечатление о речи. Напротив, неудачное заключение губит порой неплохую речь. Вы, вероятно, не раз были свидетелями того, как выступающий, не уложившись в регламент, просто обрывает выступление, не произносит заключительных слов.

Некоторые ораторы в конце речи начинают многократно извиняться перед слушателями за то, что у них не было достаточно времени на подготовку речи, поэтому им не удалось хорошо выступить, что они, вероятно, не сообщили аудитории ничего нового и интересного и слушатели напрасно потратили время. Этого не следует делать. Плохо, если оратор заканчивает выступление шуткой, не относящейся к теме выступления.

Такое заключение отвлекает внимание аудитории от главных положений речи.

Каким же должно быть заключение? А. Ф. Кони писал:

Конец — разрешение всей речи (как в музыке последний аккорд — разрешение предыдущего; кто имеет музыкальное чутье, тот всегда может сказать, не зная пьесы, судя только по аккорду, что пьеса кончилась); конец должен быть таким, чтобы слушатели почувствовали (и не только в тоне лектора, это обязательно), *что дальше говорить нечего*.

По мнению А. Ф. Кони, конец речи должен закруглить ее, т. е. связать с началом. Он приводит пример, как можно было бы закончить речь о Ломоносове:

Итак, мы видели Ломоносова мальчиком-рыбаком и академиком. Где **причина** такой чудесной судьбы? Причина — только в жажде знаний, в богатырском труде и умноженном таланте, отпущенном ему природой. Все это вознесло бедного сына рыбака и прославило его имя.

Мы уже говорили, что в процессе восприятия ораторской речи действует «закон края» и лучше запоминается то, что дается в начале и конце сообщения. Поэтому рекомендуется в заключении повторить основную мысль, ради которой произносится речь, суммировать наиболее важные положения. В заключении подводятся итоги сказанного, делаются выводы, ставятся перед слушателями конкретные задачи, которые вытекают из содержания выступления.

Продумывая заключение, особенно тщательно поработайте над последними словами выступления. Если первые слова оратора должны привлечь внимание слушателей, то последние призваны усилить эффект выступления.

Именно такую роль играют заключительные слова в речи крупнейшего русского адвоката Ф. И. Плевако по делу люто-рических крестьян:

Нет, вы не осудите их. Мученики терпения, страстотерпцы труда беспросветного найдут себе защиту под сенью суда и закона.

Вы пошадите их.

Но если слово защиты вас не трогает, если я, сытый, давно сытый человек, не умею понять и выразить муки голодного и оф-

чаянного бесправия, пусть они сами говорят за себя и представляют перед вами.

О, судьи, их тупые глаза умеют плакать и горько плакать; их загорелые груди вмещают в себя страдальческие сердца; их несвязные речи хотят, но не умеют ясно выражать своих просьб о правде, о милости.

Люди они, человека!..

Судите же по-человечески!..

Последние слова оратора должны мобилизовать слушателей, воодушевлять их, призывать к **активной** деятельности.

Если речь заканчивается лозунгом, призывом, то слова лозунга произносятся высоким тоном, эмоционально.

Хорошо продуманное вступление и необычное заключение еще не обеспечивают успеха выступления. Бывает, что оратор оригинально начал свое выступление, заинтересовал слушателей, но постепенно их внимание ослабевает, а затем и пропадает. Перед выступающим стоит очень важная задача — не только привлечь внимание слушателей, но и сохранить его до конца речи. Поэтому наиболее ответственной является **главная часть ораторского выступления**.

В ней излагается основной материал, последовательно разъясняются выдвинутые положения, доказываются их правдивость, слушатели подводятся к необходимым выводам.

Писатель К. Федин, определяя сущность композиции художественного произведения, подчеркивал: «Композиция есть логика развития темы». Если в выступлении нет логики, последовательности развития мысли, трудно воспринимать содержание речи, следить за ходом рассуждений оратора, запомнить прослушанное. Поэтому в главной части выступления важно соблюдать основное правило композиции — *логическую последовательность и стройность изложения материала*.

Все мысли в слове должны **быть** связаны между собой так, чтоб одна мысль содержала в себе, так сказать, семя **другой**, — утверждал М. М. Сперанский в «Правилах высшего красноречия».

Другое правило в расположении мыслей, по его мнению, состоит в том, чтобы все они были подчинены одной главной:

Во всяком сочинении есть известная царствующая мысль, к сей-то мысли должно все откоситься. Каждое понятие, каждое слово,

каждая буква должны идти к сему концу, иначе они будут введены без причины, они будут излишни, а все излишнее несосно... [52, 89—90].

Действительно, очень важно расположить материал таким образом, чтобы он работал на главную идею речи, соответствовал намерениям оратора, помогал ему добиться своей цели. Причем выполнить свою задачу оратор должен уметь наиболее простым, рациональным способом, с минимальной затратой усилий, времени, речевых средств. Этого требует еще один принцип построения публичной речи, названный в методической литературе *принципом экономии*.

Продумывая структуру главной части речи, выступающий должен определить, каким методом он будет излагать материал, какие доводы возьмет для доказательства выдвинутого положения, какие ораторские приемы использует с целью привлечения внимания слушателей.

Задача оратора — умело расположить все эти компоненты, чтобы своим выступлением оказать желаемое воздействие на аудиторию.

Структура выступления зависит прежде всего от метода преподнесения материала, избранного оратором. Эти методы сформировались на базе многовековой ораторской практики, описаны в различных риторических пособиях, активно используются современными ораторами. Кратко охарактеризуем основные из них.

Индуктивный метод — изложение материала от частного к общему. Выступающий начинает речь с частного случая, а затем подводит слушателей к обобщениям и выводам. Этот метод нередко используется в агитационных выступлениях.

Дедуктивный метод — изложение материала от общего к частному. Оратор в начале речи выдвигает какие-то положения, а потом разъясняет их смысл на конкретных примерах, фактах. Широкое распространение этот метод получил в выступлениях пропагандистского характера.

Метод аналогии — сопоставление различных явлений, событий, фактов. Обычно параллель проводится с тем, что хорошо известно слушателям. Это способствует лучшему пониманию излагаемого материала, помогает восприятию основных идей, усиливает эмоциональное воздействие на аудиторию.

Концентрический метод — расположение материала вокруг главной проблемы, поднимаемой оратором. Выступающий переходит от общего рассмотрения центрального вопроса к более конкретному и углубленному его анализу.

Ступенчатый метод — последовательное изложение одного вопроса за другим. Рассмотрев какую-либо проблему, оратор уже больше не возвращается к ней.

Исторический метод — изложение материала в хронологической последовательности, описание и анализ изменений, которые произошли в том или ином лице, предмете с течением времени.

Использование различных методов изложения материала в одном и том же выступлении позволяет сделать структуру главной части речи более оригинальной, нестандартной.

Каким бы методом ни пользовался оратор в выступлении, его речь должна быть доказательной, суждения и положения **убедительными**.

Оратору необходимо не только убедить в чем-то аудиторию, но и соответствующим образом повлиять на нее, вызвать ответную реакцию, желание действовать в определенном направлении. Поэтому при работе над композицией следует продумать систему логических и психологических доводов, используемых для подтверждения выдвинутых положений и воздействия на аудиторию.

Располагая определенным образом доводы в своей речи, оратор не должен забывать о таком **важном** принципе композиции, как *принцип усиления*. Суть его заключается в том, что значимость, вес, убедительность аргументов постепенно нарастают, самые сильные доводы используются в конце рассуждения.

Публичное выступление имеет свои специфические особенности, которые необходимо учитывать, продумывая композицию основной части выступления. Каждая ораторская речь должна вызывать интерес у аудитории, стремление познать тему выступления. Только интересные, содержательные лекции, доклады, беседы слушаются с большим вниманием. «Никогда, никакими словами вы не заставите читателя познавать мир через скуку», — писал Алексей Толстой. Об этом должен помнить и оратор.

Но как бы ни интересно было выступление, внимание со временем притупляется и человек перестает слушать. В этом каждый мог убедиться на собственном опыте. Борьба с утомлением внимания — важная задача, о которой не должен забывать оратор, продумывая структуру своей речи. Поэтому выступающему необходимо знать ораторские приемы поддержания внимания у слушателей и заранее планировать их при работе над композицией публичного выступления. Составляя свою речь, оратору следует определить, какой прием использовать в том или ином месте.

Какие же ораторские приемы привлечения внимания аудитории существуют? Известный судебный деятель XIX века Пороховщиков (Сергеич) такими приемами *считает прямое требование внимания* от слушателей, *обращение к слушателям с неожиданным вопросом*. Для привлечения внимания аудитории он рекомендует ораторам *прервать речь, сделать паузу*.

Одним из интересных ораторских приемов является так называемая *тайна занимательности*. Для того, чтобы заинтересовать и заинтриговать слушателей, предмет речи сразу не называется. Вот что пишет об этом приеме П. Сергеич в книге «Искусство речи на суде»:

Перейдем к пятому приему, после которого останутся еще только два; из них последний, седьмой, — самый интересный. Пятый прием есть очень завлекательный, но вместе с тем и... Впрочем, в настоящую минуту мне кажется удобнее обратиться к шестому приему, не менее полезному и, пожалуй, сходному с ним в своем основании; шестой прием основан на одной из распространенных и чувственных слабостей человека; нет сомнения, что, задумавшись хотя бы на секунду, всякий мало-мальски сообразительный человек сам укажет его; я даже не знаю, *стоит ли* прямо называть эту уловку, когда читатель уже издали заметил, что сочинитель просто старается заглянуть изложение и подразнить его любопытство, чтобы обеспечить себе его внимание.

Возвращаясь теперь к пятому приему, мы можем сказать, что внимание слушателей получает толчок, когда оратор неожиданно для них прерывает начатую мысль, — и новый толчок, когда, поговорив о другом, возвращается к недоговоренному ранее [75].

К специальным ораторским приемам привлечения внимания аудитории можно отнести и *вопросно-ответный ход*. Ора-

тор вслух раздумывает над поставленной проблемой. Он ставит перед аудиторией вопросы и сам на них отвечает, выдвигает возможные сомнения и возражения, выясняет их и приходит к определенным выводам. Это очень удачный прием, так как он обостряет внимание слушателей, заставляет вникнуть в суть рассматриваемой темы.

Вопросно-ответным приемом в выступлениях нередко пользовался А. Н. Толстой. Так, выступая на конференции молодых писателей, А. Н. Толстой задавал вопросы слушателям, себе и тут же на них отвечал, поэтому речь **ЕГО** превращалась в диалог, живую беседу с аудиторией, например:

Писать всегда трудно, и чем труднее, тем лучше выходит. Как перелезть через эти препятствия? С уверенностью можно сказать только одно: из всех возможных решений художественной задачи нужно выбирать то, которое для вас самого интересно, которое вас наиболее увлекает.

Иными словами, каждое ваше художественное положение вы должны проверять на вашем собственном отвращении: противно вам это писать или нет? Если вам писать противно, скучно, не пишете, — это все равно получится скверно, фальшиво.

...передо мной встал грозный вопрос о том орудии, которым можно превращать глыбы жизни в ее отображения в искусстве.

...Что же это за орудие? В данном случае это язык, на котором говорит твой народ.

Тогда я впервые понял, что я русского языка не знаю. Почему я пишу фразу так, а не эдак? Выбираю те слова, а не эти? В чем законы языка? Какой здесь критерий? Красиво? Но это еще ничего не говорит — красиво! Эстетический критерий — фикция, поскольку он оторван от действительности, от жизни народа, от его истории.

Оживляют выступление *примеры из художественной литературы, пословицы, поговорки, фразеологические выражения* и т. п.

Опытные ораторы в серьезную по содержанию речь вводят *элементы юмора*. Об этом действенном приеме рассказал герой «Скучной истории» А. П. Чехова:

Читаешь четверть, полчаса, и вот замечаешь, что студенты начинают поглядывать на потолок, на Петра Игнатьевича, один ползет за платком, другой сядет поудобнее, третий улыбнется сво-

им мыслям... Это значит, что внимание утомлено. Нужно принять меры. Пользуясь первым удобным случаем, я говорю какой-нибудь каламбур. Все полтора лица широко улыбаются, глаза весело блестят, слышится недолго гул моря... Я тоже смеюсь. Внимание оживилось. Я могу продолжать.

Каждому оратору следует иметь представление и о возможных недостатках в композиции публичного выступления, чтобы избежать их при подготовке к выступлению. Основной из них — *нарушение логической последовательности* в изложении материала.

Народный артист Аркадий Райкин создал на сцене интересный образ Феде-пропагандиста, речь которого лишена элементарной логичности:

«Новому начальнику двадцать четыре года, он сорок второго года рождения, старому тоже двадцать четыре года, но он тридцать шестого года рождения... В подшефном колхозе двое наших пожинали лучшие плоды: грузили навоз. Так они вместо этого послали лошадей и председателя матом на поля, а сами пошли на танцы... Один инженер постригся в монахи и ходит в таком виде на работу... Людей нужно водить в музеи и на примере первобытного человека показывать, как мы далеко оторвались.... И вдруг неожиданно: «Перехожу к спорту».

Этот пример не нуждается в комментариях; нарушение логической связи очевидно. К сожалению, нет логической стройности нередко в речи даже профессиональных ораторов. Например, один из лекторов, говоря о языковом оформлении лекции, сказал:

Требования, предъявляемые к речи лектора, кратко можно свести к следующему:

1. Безукоризненное знание грамматики русского языка.
2. Знание литературы об ораторском искусстве, о культуре речи.
3. Владение орфоэпическими нормами (четкое произношение каждого звука, каждого слова, каждой фразы, правильная постановка ударения, безукоризненное произношение звуков и проч.).
4. Умелое использование языковых изобразительных средств.

Нарушение логики проявляется в том, что требования, о которых говорил лектор, могут быть предъявлены только к са-

тому лектору, а не к его речи, так как речь не может «безукоризненно знать грамматику», «знать литературу об ораторском искусстве» и т. д.

К недостаткам композиции *относится перегрузка текста теоретическими рассуждениями, отсутствие доказательности основных положений, обилие затронутых вопросов и проблем.*

Оратору не следует освещать много вопросов в своем выступлении. Это утомляет слушателей, лишает оратора возможности глубоко и полно рассмотреть все затронутые им вопросы. Рекомендуется предлагать вниманию аудитории не более 3—4 вопросов.

Публичное выступление не должно содержать фактов, примеров и т. п., не относящихся к обсуждаемому предмету. Необходимо, чтобы речь оратора была экономной и краткой. Но краткость речи, подчеркивал А. Ф. Кони, состоит не в краткости времени, в течение которого она произносится, а в отсутствии всего лишнего. Выступление может продолжаться часами и быть кратким, иногда же речь звучит всего несколько минут, а слушателям кажется длинной и утомительной.

К недостаткам композиции относится *шаблонное, трафаретное построение речи.*

Сатирики И. Ильф и Е. Петров в романе «Двенадцать стульев» высмеяли трафарет митинговой речи середины двадцатых годов.

В Старгороде пускали трамвай и по этому поводу организовали митинг. Первым выступил председатель Старкомхоза т. **Гаврилин**. Начал он свое выступление словами:

«Трамвай построить — это не ишака купить». Оригинальное начало вызвало смех у **Остала** Бендера. Ободренный приемом, Гаврилин, сам не понимая почему, вдруг заговорил о международном положении. Он несколько раз пыпался пустить свой доклад по трамвайным рельсам, но с ужасом замечал, что не может этого сделать. Слова сами по себе, против воли оратора, получались какие-то международные...

Так же строилась речь и других ораторов.

Представитель Маслоцентра, которого уже давно жгло, протиснулся к перилам трибуны, взмахнул рукой и громко заговорил... о международном положении! Последним выступал главный инже-

нер Треухов. Он готовился рассказать о тяжелой работе, о субботниках, о многом, что сделано и что можно еще сделать... «Треухов открыл рот и, запинаясь, говорил: — Товарищи! Международное положение нашего государства...». И дальше замямлил такие прописные истины, что толпа, слушавшая уже шестую международную речь, похолодела. Только окончив. Треухов понял, что и он ни слова не сказал о трамвае...

Конечно, авторы сгустили краски, описанный митинг воспринимается как гротеск и шутка, но можно привести и другой пример из книги К. И. Чуковского «Живой как жизнь»:

Хоронили одного старика, — пишет автор, — и меня поразило, что каждый из надгробных ораторов начинал свою унылую речь одной и той же заученной формулой:

— Смерть вырвала из наших рядов...

И мне подумалось, что тот древний надгробный оратор, который впервые произнес эту живописную фразу над каким-нибудь древним покойником, был, несомненно, человек даровитый, наделенный воображением поэта. Он ясно представил себе хищницу-смерть, которая налетела на тесно сплоченных людей и вырвала из их рядов свою добычу.

Но тот двадцатый и сотый оратор, который произносит эту фразу как привычный, ходячий шаблон, не вкладывает в нее ни малейшей эмоции, потому что живое чувство всегда выражается живыми словами, хлынувшими прямо из сердца, а не попугайным повторением заученных формул.

«Нет, — подумал я, — они не любили покойного и нисколько не жалеют, что он умер».

Конечно, не существует универсальных правил построения публичного выступления. Композиция будет меняться в зависимости от темы, цели и задач, стоящих перед оратором, от состава слушателей.

Следует помнить, что интересные, захватывающие речи — это прежде всего результат тщательно продуманного плана, удачного построения речи.

Работа над планом, композицией речи — творческий процесс. Каждая лекция, каждое выступление, если они хорошо продуманы, если они результат большой предварительной работы, отражают особенности, интересы, склонности самого выступающего.

5.6. Способы словесного оформления публичного выступления

Один из важных вопросов, возникающих при подготовке публичного выступления, — обязательно или нет предварительно составлять письменный текст речи. Это давний спор, своими корнями уходящий в глубокую древность.

Античные теоретики ораторского искусства считали писание единственно верным способом подготовки речей. Цицерон, к примеру, утверждал, что нужно как можно больше писать:

Ибо как внезапная речь наудачу не выдерживает сравнения с подготовленной и обдуманной, так и эта последняя заведомо будет уступать прилежной и тщательной письменной работе. Сверх того, кто вступает на ораторское поприще с привычкой к письменным работам, тот приносит с собой способность даже без подготовки говорить, как по писаному; а если ему случится и впрямь захватить с собой какие-нибудь письменные заметки, то он и отступить от них сможет, не меняя характера речи. Как движущийся корабль даже по прекращении гребли продолжает плыть прежним ходом, хотя напора весел уже нет, так и речь в своем течении, получив толчок от письменных заметок, продолжает идти тем же ходом, даже когда заметки уже иссякли [52, 45].

«Лишь с помощью писания можно достигнуть легкости речи», — уверял римский ритор Квинтилиан.

Многие опытные ораторы, известные политические и судебные деятели, теоретики красноречия последующих времен тоже считали, что речи должны быть предварительно написаны. Например, П. Сергеич в книге «Искусство речи на суде» писал:

Мы не будем повторять старого спора: писать или не писать речи. Знайте, читатель, что, не исписав нескольких сажен или аршин бумаги, вы не скажете сильной речи по сложному делу. Если только вы не гений, примите это за аксиому и готовьтесь к речи с пером в руке...

Существует и диаметрально противоположная точка зрения. Так, общепризнанный мастер судебной речи А. Ф. Кони говорил:

Я, никогда не писавший речей предварительно, позволю себе в качестве старого судебного деятеля сказать молодым деятелям: не пишите речей заранее, не **трапьте** времени, не полагайтесь на помощь этих сочиненных в тиши кабинета строк, медленно ложившихся на бумагу.

Правда, эти слова адресованы судебным ораторам, а вот начинающим он дает другой совет:

Еще лучше — написать речь и, тщательно отделав ее в стилистическом отношении, прочитать вслух. Письменное изложение предстоящей речи очень полезно начинающим лекторам и не обладающим резко выраженной способностью к свободной и спокойной речи.

Конечно, писать текст выступления — дело нелегкое. Поэтому многие неохотно берутся за это, убеждая себя, что речь в уме лучше, чем на бумаге. А между тем подготовка письменного текста имеет много преимуществ. Написанную речь можно проверять, исправлять. Ее можно показать товарищам, дать на просмотр специалисту, добиваясь таким образом улучшения содержания и формы изложения, а этого не достигнешь, если речь только в уме.

Написанная речь легче запоминается и дольше удерживается в памяти, нежели не оформленный в окончательном виде материал. Кроме того, написанный текст дисциплинирует оратора, дает ему возможность избежать повторов, неряшливых формулировок, оговорок, заминок, делает его речь более уверенной и т. п.

Итак, стоит прислушаться к словам тех, кто советует писать тексты речей от начала до конца в литературно обработанной форме. Сначала можно писать начерно, не обращая внимания на стилистические шероховатости, а затем переписывать, исключая все лишнее, исправляя неправильные и неточные выражения. Писать следует на одной стороне листа и не в тетради, а на отдельных листах.

После написания и отработки текста выступления оратор не должен тешить себя надеждой, что он уже готов к встрече со слушателями.

Известно, например, как тщательно готовился к своим выступлениям И. П. Павлов. Каждую свою речь он так отшлифовывал, что после выступления, по свидетельству его учеников,

ее можно было сразу сдавать в печать. Профессор Н. А. Рожанский описал встречу с И. П. Павловым незадолго перед его выступлением в обществе научного института в 1913 г.

И. П. Павлов попросил Н. А. Рожанского прочесть вслух речь, которую он должен был произнести вечером. Во время чтения И. П. Павлов внимательно следил за каждым словом, стараясь представить, как она будет восприниматься слушателями. Вечером Павлов не читал, а говорил свою речь, но, как показалось Н. А. Рожанскому, говорил почти слово в слово то, что было в написанной речи.

Безусловно, у каждого оратора свои методы работы с текстом речи. Главное, не забывать, что овладение материалом выступления — весьма ответственный этап в деятельности оратора. Иногда этот этап подготовительной работы называют *репетицией*.

Конечно, проще всего было бы выйти на трибуну и прочитать текст речи по рукописи, но такое выступление не принесет успеха оратору. Слушатели плохо воспринимают чтение текста с листа, отсутствует живой контакт между оратором и аудиторией.

Некоторые пытаются заучивать текст речи. И в отдельных случаях это оправданно. Когда приходится выступать с убеждающей речью на митинге, с приветствием на торжественном мероприятии, на банкете и т. п., неловко держать перед собой текст речи, а между тем неточно сформулированная мысль, неудачная фраза, неправильное словоупотребление могут навредить оратору. Поэтому лучше произнести заранее заготовленный и заученный текст. Если речь небольшая по объему, то это не так уж и трудно сделать, а если приходится выступать с лекцией, докладом, сообщением, то выучить текст полностью удастся далеко не каждому. Этот вид овладения материалом труден для оратора, он требует от него большого напряжения и усилий воли. У оратора могут возникнуть сложности при воспроизведении текста: провал памяти, сильное волнение, неожиданный шум в зале и т. д. Поэтому не рекомендуется дословно произносить написанный текст.

И. Андроников, известный литературовед, мастер публичной речи, в книге «Я хочу рассказать вам...» делится своими мыслями об особенностях устного выступления;

Зная заранее, о чем ты хочешь сказать, надо говорить свободно... и не пытаться произнести текст, написанный и заученный дома. Если же не облечь мысль в живую фразу, рождающуюся тут же, в процессе речи, контакта с аудиторией не будет. В этом случае весь посыл выступающего будет обращен не вперед — к аудитории, а назад — к шпаргалке. И все его усилия направлены на то, чтобы воспроизвести заранее заготовленный текст. Но при этом работает не мысль, а память. Фразы воспроизводят письменные обороты, интонации становятся однообразными, неестественными, речь — похожей на диктовку...[2].

Многие опытные ораторы советуют выступать с опорой на текст. Что это значит? Написанный текст речи следует хорошо осмыслить, проанализировать проблему, о которой будет идти речь, выделить основные смысловые части, продумать связь между ними, несколько раз перечитать текст, произнести его вслух, восстановить в памяти план и содержание.

Целесообразно соответствующим образом разметить и сам текст речи, т. е. подчеркнуть основные положения речи, пронумеровать освещаемые вопросы, выделить фамилии, названия, статистические данные, начало и конец цитат, обозначить иллюстративные примеры и т. п.

Система обозначений и выделений может быть самой разнообразной (прямая, волнистая, пунктирная линии; обведение в квадрат, кружок; римские и арабские цифры; использование цветных карандашей и фломастеров и т. п.).

Таким текстом легко пользоваться во время выступления. Достаточно опустить взгляд на страницу, чтобы восстановить ход изложения мыслей, найти нужный материал. Выступление с опорой на текст создает впечатление свободного владения материалом, дает возможность оратору уверенно общаться со слушателями.

Мечтой многих ораторов остается умение выступать перед слушателями без всяких записей. Возможно ли это?

Познакомьтесь с отрывком из статьи С. С. Смирнова «Секреты телегеничности»:

Если вы спросите, какая из моих телепередач мне особенно памятна, я вам отвечу: та передача, когда я сказал себе: «Отныне перед тобой никаких бумажек!» — и попросил оператора: «Покажите стол! Покажите ... чистый стол».

А с чего я начал? Почти с буквального текста.

Затем с конспекта.

Потом перешел к развернутому плану с выписками и подпунктами.

Затем к плану без выписок и подпунктов.

Потом я стал готовить лишь общую схему, состоящую из пяти или шести разделов.

Но и они мне мешали. Потому что я беспрестанно думал: о чем я уже сказал и о чем я еще не сказал.

И, наконец, однажды я убедил себя: «Если я знаю материал, бумажка мне ни к чему».

И первые два выступления были трудными. Но в последних передачах я отказался даже от репетиций, — теперь это лишь мысленное проговаривание материала (Журналист, 1970. №1).

Свидетельство С. С. Смирнова особенно ценно потому, что «стадии» формирования умений речи перед телевизионной камерой почти совершенно соответствуют рекомендациям, основанным на данных современной психологии и на практическом опыте многих поколений ораторов.

Эти рекомендации приводит видный ученый в области психолингвистики А. А. Леонтьев в работе «Психологические механизмы и пути воспитания умений публичной речи». Он опирается на так называемую теорию формирования умственных действий, развиваемую профессором П. Я. Гальпериным, и на теоретические и клинические исследования речевых нарушений профессора Л. Р. Лурия.

С самого начала, советует А. А. Леонтьев, надо опираться на полный текст, писать все, что собираетесь сказать.

Когда оратор привыкнет к публичным выступлениям настолько, чтобы не сбиваться с мысли под влиянием случайных факторов, можно переходить к подробному конспекту. Он отличается от текста тем, что в нем выступление закреплено не дословно; по этим «нотам» можно разыгрывать любые словесные вариации.

В конспекте, даже кратком, целесообразно оставлять некоторые текстовые моменты:

1) первую фразу или даже 2—3 фразы;

2) концовку (2—3 фразы);

3) наиболее ответственные формулировки, которые имеют

Для данного выступления особую значимость;

4) цитаты, цифровые данные, имена собственные и т. п.

Постепенно от конспекта можно перейти к плану. Его отличие от конспекта в том, что в нем не фиксируется смысловое содержание речи, а лишь дается система ориентиров для развертывания этого содержания. Важно, чтобы формулировка пункта плана вызывала у оратора достаточно четкое представление о том или ином смысловом блоке.

Высший класс умений публичного выступления — речь вообще без всякой бумажки.

Итак, назовем еще раз рекомендуемые специалистами основные формы работы над выступлением:

1. Полный текст (не для чтения, а для пересказа своими словами).

2. Подробный конспект с основными формулировками, концовкой, цитатами, числами, именами собственными.

3. Неподробный конспект с обозначением переходов от блока к блоку, цитатами и т. п.

4. План с цитатами и т. п.

5. Речь без бумажки.

Следует иметь в виду, что у оратора не всегда есть возможность для предварительной подготовки выступления. Иногда на заседаниях, совещаниях, собраниях, различного рода встречах приходится выступать экспромтом, т. е. создавать речь в момент ее произнесения. При этом требуется большая мобилизация памяти, энергии, воли. Импровизированное выступление, как правило, хорошо воспринимается аудиторией, устанавливается живой, непосредственный контакт со слушателем. Однако оратор из-за неотработанности речи не всегда успевает уложиться в отведенное ему время, меньше успевает рассказать, некоторые вопросы остаются неосвещенными.

Неизбежны какие-то отступления, вызванные новыми ассоциациями, не всегда точными бывают формулировки, возможны речевые ошибки. Поэтому не случайно французы говорят, что лучший экспромт тот, который хорошо подготовлен.

Импровизация возможна только на базе больших предварительно полученных знаний. Экспромт бывает хорош, когда он подготовлен всем прошлым опытом оратора. Он может родиться только у человека, который имеет большой запас знаний и владеет необходимыми риторическими навыками и умениями.

Прекрасным оратором своего времени был А. В. Луначарский. Его речи отличались непередаваемой легкостью, образностью, изяществом. Вот что рассказывает А. М. Арго в книге «Звучит слово» об одном из выступлений А. В. Луначарского:

В 1926 году было десятилетие со дня трагической гибели (под поездом) Эмиля Верхарна. <.. >

На радио был намечен вечер памяти Верхарна; приглашены были многие артисты московских театров; А. В. Луначарский дал согласие открыть вечер, произнести вступительное слово.

За пятнадцать минут до назначенного срока в радиостудию позвонили, что машина с артистами выехала; за пять минут до назначенного срока Анатолий Васильевич, протирая на ходу запотевшее пенсне, подымался по лестнице нового здания Телеграфа на улице Горького.

Беглый вопрос:

— Сколько времени мне предоставлено для выступления?

Редактор передачи, учитывая, что артисты уже в пути, называет оптимальный метраж для доклада — пятнадцать минут.

Через три минуты Луначарский занял место у микрофона, и через четыре минуты на пятую он уже легко и плавно говорил о Верхарне — поэте, драматурге, критике и публицисте, о его пути от фламандских напюрмортов через урбанические офорты к поэзии социализма, к борьбе за рабочее дело.

Проходит пять минут, проходит десять — машины с артистами не видать... Что там случилось? Какая беда? Редактор передачи в течение пяти минут пережил сложную гамму от легкого беспокойства до дикого ужаса! Крик! Срыв передачи! Кто виноват, он не знает, но отвечать придется ему!

И мимическим способом излагает он говорящему у микрофона Анатолию Васильевичу положение вещей: актеры, дескать, опоздали, крик налицо! Выручайте, ради всего святого, продержите еще хоть немного, хоть несколько минут!

Луначарский, ни на минуту не прерывая своего изложения, принимает позывные сигналы и продолжает, продолжает... Дальнейший разговор между ним и редактором идет в мимическом плане.

Луначарский вопросительно вскидывает брови.

Редактор радиопередачи — глаза навывкат, ужас на лице — отрицательно качает головой, рукой проводя по горлу, — зарез!

Луначарский продолжает с той же легкостью и плавностью изложение.

И так это длилось в течение добрых пятнадцати минут — народный комиссар спасал положение грудью своей прикрывая опоздание актерской группы.

Наконец брешь забита! Ликующая физиономия редактора передачи возвестила приезд артистов — положение было спасено.

То, что Луначарский в течение получаса экспромтом, кругло, изящно и доходчиво говорил с миллионной аудиторией, — это иначе как чудом ораторского искусства нельзя назвать.

Но то, что последовало за этим, было еще большим чудом: по разрешении острого момента, получив сигнал о том, что концерт обеспечен, Луначарский с тем же мастерством оратора, ни на мгновение не отвлекаясь от хода изложения, «закруглился», свел концы с концами и в одну минуту закончил свое выступление перед публикой, которая даже не подозревала, какая драма только что разыгралась в помещении радиостудии, в двух шагах от микрофона!

А. В. Луначарский был талантливым лектором-импровизатором. Один из его современников вспоминает:

Луначарский в совершенстве владел ораторским искусством. Он мог без всякой подготовки и без всякого напряжения выступать хоть три часа подряд, и ни один слушатель не в состоянии был уйти из зала. Обладая удивительной памятью, он цитировал источники, приводил множество фактов, не заглядывая ни в какие материалы.

Обычно Анатолий Васильевич перед докладом в маленьком блокнотике набрасывал карандашом несколько строк — основные **тезисы** — и в течение всего доклада два-три раза, сняв пенсне и приблизив блокнотик к глазам, заглядывал в него.

...Как-то Анатолию Васильевичу задали вопрос:

«Как вам удается так легко выступать, оперируя при этом огромным фактическим материалом?»

Он ответил, что готовился к этому всю жизнь.

Примечательны слова А. В. Луначарского! Они стали афоризмом.

Таким образом, экспромт, импровизация — это результат постоянной работы оратора над собой, итог долгих размышлений, награда за большой многолетний труд.

5.7. Логические и интонационно-мелодические закономерности речи

Чаще всего затрудненное восприятие смысла устного выступления связано не с недостатками логики мышления говорящего, но с его неумением отразить эту логику в звучащей фразе. Восприятие на слух устной речи происходит постепенно, по мере произнесения отдельных частей высказывания, что требует от выступающего особой четкости логического построения не только каждой фразы, но и всего высказывания в целом.

Для устной речи особенно важна своеобразная «дальнозоркость» — умение не только мыслить в перспективе, но и давать слушателю в каждой произнесенной фразе намек на дальнейшее развитие мысли.

Говорящий чаще всего прекрасно ощущает внутреннюю логическую структуру содержания своей темы, но далеко не всегда умеет верно оценить воспроизведение этой логики средствами живого слова, не слышит себя со стороны и не замечает логических сдвигов, происходящих в звучащей речи. В результате, адресат слышит звучащую фразу не так, как ее **намерен произнести** адресант, а так, как он ее **произнес на самом деле**.

Произвольность пауз, не связанных с необходимостью организации логической структуры содержания, а вызванных иногда простым нарушением ритма неорганизованного дыхания, случайные логические ударения, многоударность (постановка ударений не только на основных, но и на вспомогательных словах), отсутствие интонационной связи между отдельными частями фразы приводят к тому, что смысл устного рассуждения воспринимается на слух с большими затруднениями или не воспринимается совсем.

Преодолеть такой недостаток — дело непростое. Оно требует от выступающего осмысления закономерностей устной речи и специальной тренировки.

Опираясь на логические законы речи, отраженные в орфографии и пунктуации, мы можем установить некоторые общие закономерности тонирования, характерные для мелодического строя русского языка. К ним в первую очередь относятся: ло-

гическое ударение, логическая пауза, речевой такт и интонационно-мелодический рисунок знаков препинания.

Логическое ударение, в отличие от грамматического, выделяет не отдельный слог, а целое слово и может перемещаться в рамках одной и той же фразы в зависимости от цели высказывания.

Так, в простой фразе «В воскресенье днем первокурсники пойдут в цирк» в зависимости от того, что мы хотим сказать, могут быть четыре варианта логического ударения. **Мы** выделим слова «в цирк», если необходимо подчеркнуть характер зрелища: не в кино, и не в театр, а в цирк! Слово «первокурсники» станет ударным, если важно обратить внимание на то, что идут только первые курсы. Слова «в воскресенье» окажутся ударными при подчеркивании дня мероприятия, а «днем» мы выделим, желая обратить особое внимание на время и т. д.

Распространенной ошибкой при выделении ударного слова в устной фразе является голосовой «нажим» на него. Ударение не следует понимать буквально, как механическое усиление интенсивности звучания. Выделить важное по смыслу слово можно, отделив его от остальных паузой, сменив ритм фразы, изменив ее основной мелодический строй и т. п.

Трудно воспринимается речь, если в ней отсутствуют логические ударения. Но еще труднее понять фразу, в которой подчеркивается чуть ли не каждое слово.

Как же выявить логическое ударение во фразе? Безусловно, говорящему это подскажет само содержание высказывания, его смысл. Но немалую помощь может оказать и знакомство с логическими правилами устной речи. Вот некоторые из них:

1. Если во фразе имеется противопоставление, то выделяются оба противопоставляемых слова: «Они сошлись: волна и **камень**, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой» (А. Пушкин).

2. При сочетании двух существительных выделяется то, которое стоит в родительном падеже: «Демократия — это власть народа».

3. Всегда выделяются однородные члены предложения: «Они долго беседовали о литературе, театре, изобразительном искусстве».

4. Прилагательное обычно не принимает на себя ударения. Определение как бы сливается с определяемым словом, кото-

рое несколько выделяется. Если же нам нужно подчеркнуть именно определение, прибегают к **инверсии** — изменению принятого в грамматике порядка слов: «Обеды задавал он **отличные**» (И. Тургенев).

Если к слову относится несколько определений, то **они** выделяются все, кроме последнего, которое сливается с определяемым словом: «Ты один мне поддержка и опора, о **великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!**» (И. Тургенев).

5. При сравнении выделяется то, с чем сравнивается, а не предмет сравнения: «Ее любовь к сыну была подобна **безумию**» (М. Горький). **И** только в том случае, когда части сравнения удалены друг от друга, они подчеркиваются обе: «**Лед неокрепший** на речке студеной словно как тающий **сахар** лежит» (Н. Некрасов).

Необходимо следить за тем, чтобы ударение не падало на вспомогательные слова — «**как сахар**». Это встречается нередко.

6. Частицы «не» и «ни» интонационно не выделяются. Они сливаются со словом, к которому относятся, причем ударение падает на само слово: «Как ни **старайся**, ничего у тебя не **выйдет**». Речь неопытного оратора порой бывает перегружена логическими ударениями, все во фразе оказывается важным, внимание слушателя рассеивается, и он упускает то, что является на самом деле важным. Необходимо учиться не только верно расставлять логические ударения, но и снимать лишние, отделять интонационно самое необходимое по смыслу от второстепенного.

Однако бывает и так, что логические акценты расставлены верно, а фраза остается непонятной, так как звучит в едином речевом потоке, плохо воспринимаемом на слух. Устная речь требует четкой смысловой группировки слов вокруг логических центров, такой, чтобы слушатель воспринимал не отдельные слова, а смысловые блоки, куски, называемые **речевыми тактами**.

Речевые такты объединяют в себе слово или группу слов, тесно связанных между собой по смыслу. Внутри речевого такта слова произносятся как одно целое, причем центром речевого такта становится слово, несущее на себе логическое ударение.

Следует помнить, что подлежащее и сказуемое (если предложение не состоит только из этих двух слов!) всегда находятся в разных речевых тактах, т. е. отделяются паузой.

Паузы, отделяющие один речевой такт от другого, носят название логических пауз. Их назначение — не только отделять один такт от другого, но и группировать слова внутри такта в единое целое.

Возьмем для примера отрывок из «Алых парусов» А. Грина:

На носок сапога Грея легла пурпурная волна, на его руках и лице блестел розовый отсвет. Роясь в легком сопротивлении шелка, он различал цвета: красный, бледный розовый и розовый темный; густые закипи вишневых, оранжевых и мрачно-рыжих тонов, здесь были оттенки всех сил и значений, различные в своем мнимом родстве, подобно словам: «очаровательно» — «прекрасно» — «великолепно» — «совершенно»; в складках таились намеки, недоступные языку зрения, но истинный алый цвет долго не представлялся глазам нашего капитана.

Прежде чем читать этот отрывок вслух, определим, где необходимо сделать паузы, чтобы передать слушателю, какие слова в предложении по смыслу более тесно связаны между собой, объединены интонационно.

Нелепо было бы, например, сделать паузу после предложеного словосочетания *на носок* или *на носок сапога*, а затем после паузы произнести имя того, кому принадлежит сапог. Первая пауза требуется после имени героя: *На носок сапога Грея* (пауза). Далее идет *легла пурпурная волна* (пауза). Следующую часть текста можно делить по-разному. Если необходимо, по замыслу говорящего, подчеркнуть, на чем блестел розовый отсвет, тогда пауза ставится после словосочетания *на его руках* (пауза) *и лице* (пауза). Если это не столь важно, то пауза перемещается в конец словосочетания *на его руках и лице* (пауза).

Теперь разделите приведенный выше отрывок из произведения А. Грина на речевые такты. Подумайте, в каких местах текста возможны варианты речевых тактов и что в таких случаях интонационно подчеркивается?

Изменение места интонационно-логической паузы в одном и том же предложении может значительно изменить его смысл.

Например, как изменится мораль басни И. А. Крылова, если сделать паузу там, где стоит знак (//)?

А ларчик // просто открывался.

А ларчик просто // открывался.

В первом случае подчеркивается, что замок имеет нехитрое устройство. Отсюда мораль: человек иногда сам усложняет обстановку, ситуацию, отношения.

Во втором варианте главное — ларчик вовсе не был заперт. Мораль: нечего ломиться в открытую дверь.

Пауза может сделать текст нелепым. Произнесите фразу с паузой там, где указано:

От радости в зобу // дыханье сперло.

Предложение получилось нелепым, так как не радость находится в зобу, а дыханье в нем сперло:

От радости // в зобу дыханье сперло.

Перед выступлением следует разметить речевые такты, расставить логические ударения и отделить их логическими паузами, а затем соотнести их между собой по смысловой значимости, т. е. выстроить так называемую логическую перспективу речи. Она поможет воспринять мысль в целостном смысловом единстве, в динамике, развитии, облегчит восприятие каждого смыслового куска во взаимосвязи со всеми остальными, позволит осознать основную линию мысли, направляемую к единой цели рассуждения.

Однажды у старого лоцмана спросили, как может он помнить все мели, рифы, изгибы берегов на всем протяжении длинного пути?

— Мне нет дела до них, я же иду по фарватеру,— ответил лоцман.

Своеобразным фарватером мысли выступающего, позволяющим ему свободно направлять свою речь к намеченной цели, и является логическая перспектива речи, умение строить которую относится к важным элементам профессиональной техники учителя, лектора, политика, всех, кому приходится выступать перед публикой.

Известный русский оратор М. М. Сперанский требовал от

говорящего публично располагать в рассуждении свои мысли так, чтобы каждая из них содержала в себе как бы зародыш следующей.

«Порядок мыслей, входящих в слово (выступление. — *Авт.*), два главных имеет вида: взаимное мыслей отношение к себе и подчинение их целому, — писал он в «Правилах высшего красноречия». — Отсюда происходят два главных правила для расположения мыслей:

1. Все мысли в слове должны быть связаны между собой так, чтобы одна мысль содержала в себе, так сказать, семя другой. <... >

2. Второе правило в расположении мыслей состоит в том, чтоб все они подчинены были главной...<...> Во всяком сочинении есть известная царствующая мысль, к сей-то мысли должно все относиться. Каждое понятие, каждое слово, каждая буква должны идти к сему концу, иначе они будут введены без причины, они будут излишни... [52].

Далее М. М. Сперанский говорит о том, что не следует требовать того, чтобы каждая мысль непременно приводила слушателя непосредственно к основной цели. Нужно различать «главный конец» (основную цель выступления), его «сверхзадачу», от всех промежуточных, от частных задач каждой части высказывания. Нельзя требовать, замечает он, чтобы каждая из рек порознь впадала в море. «Довольно, чтоб каждая мысль текла к своему источнику и, слившись вместе с ним, уносились и была поглощаема в общем их вместилище. <... > Надобно твердо знать свою цель, надобно знать все уклонения, все тропинки, ведущие тайно к ней» [52, 90]. Сперанский предупреждает оратора, что естественная для него взаимосвязь между отдельными положениями его речи «не для всех и не всегда бывает приметна — надобно ее открыть, надобно указать путь вниманию, проводить его, иначе оно может заблудиться или прерваться» [52, 89].

На практике помогает «держаться одной нити» точное и продуманное построение логической перспективы своего выступления.

К. С. Станиславский называл логической перспективой речи «расчетливое, гармоническое соотношение и распределение частей при охвате всего целого», справедливо полагая, что без ясно видимой конечной цели и перспективы ее достижения

немыслимо произнесение не только большого текста, но и фразы, слова, даже самого простого, вроде «да» или «нет».

Отсутствие конкретной цели приводит к тому, что речевое высказывание распадается на отдельные куски, каждый из которых становится самостоятельно значимым, нарушая тем самым целостность восприятия всей мысли.

Логическая перспектива связана не только с проблемой композиции рассуждения, но, в первую очередь, с вопросом идейного осмысления его содержания, так как может быть выстроена лишь в результате точного определения основной цели высказывания, его «сверхзадачи», позволяющей всесторонне продумать соотношение всех частей рассуждения, подчинив их основной идее.

Как же строится логическая перспектива?

В процессе восприятия речевого высказывания человек далеко не всегда может уловить на слух смысловые связи и отношения, существующие между отдельными сторонами излагаемой проблемы. Это нередко связано с тем, что выступающий, мысленно создавая четкую логическую схему развития содержания рассказа, не умеет придать ей соответствующую речевую форму. Отсутствие самоконтроля за собственной речью, «домысливание» пропускаемых в устном изложении отдельных смысловых элементов рассуждения, содержание которого привычно для говорящего, — вот основные причины того, что в устной речи порой не отражается четкая и последовательная логическая структура содержания. Преодолеть этот недостаток возможно лишь отработкой определенной системы навыков, создаваемых при чтении вслух специально подобранных текстов, логический анализ которых проделан предварительно. Конечно, не следует забывать, что устная речь спонтанна и не может быть предварительно проанализирована и размечена, как это делает автор или диктор с авторским текстом, однако профессор Н. И. Жинкин приходит к выводу, что навык в интонационно-логическом анализе литературного текста и работа по выразительному чтению, несомненно, способствуют совершенствованию собственной речи.

Рассмотрим одно из возможных упражнений, воспитывающих навык создания логической перспективы.

При чтении текста глазами, «про себя», выработка логической перспективы не вызывает затруднений. Возьмем, к приме-

ру, высказывание А. М. Горького: «Можно много видеть, читать, можно кое-что вообразить, но, чтобы сделать, необходимо уметь, а умение дается только изучением **техники**». Мысль, заключенная в этой фразе, абсолютно ясна: для того, чтобы уметь, необходимо изучать технику этого дела. Слово «техника» является логическим центром высказывания, все остальные его части, соподчиняясь между собой, дополняют и развивают основную мысль.

На практических занятиях с группой студентов выяснилось, что даже при полном понимании смысла фразы передать его в звучащей речи не так просто. Аудитория не смогла с первого прочтения воспринять на слух содержание высказанной мысли. Некоторым из читавших мешала многоударность речи, привычка делать логические акценты чуть ли не на каждом слове. В их чтении фраза звучала примерно так: «Можно много видеть, можно кое-что вообразить, но, чтобы сделать, необходимо уметь, а умение дается только изучением техники». Нагромождение ударных слов затрудняло восприятие на слух логики содержания. Речь при такой манере становилась тяжелой, стучащей, каждое слово буквально «вбивалось» в сознание слушающих, важным для них становилось все, поэтому не воспринималось ничего.

У других фраза звучала при чтении приблизительно так: «Можно много видеть. Читать. Можно кое-что вообразить. Но чтобы сделать. Необходимо уметь. А умение дается. Только изучением техники». В этом случае выявилась иная ошибка. Каждая часть фразы приобретала самостоятельное значение, завершаясь интонационно точкой. Возникла интонация перечисления. Речь стала рваной, в ней потеряно ощущение движения, развития мысли.

Единство мысли оказалось скрытым от слушателя.

Третья группа ошибок была связана с отсутствием членения фразы на логические куски — речевые такты. Для нее характерно произнесение фразы единым речевым потоком с остановками лишь перед союзами: «**Можно много видеть читать, можно кое-что вообразить. Но чтобы сделать, необходимо уметь. А умение дается только изучением техники**». Нивелировка смысловых центров фразы привела к тому, что ее смысл не улавливался на слух.

Для исправления этих ошибок применяется так называемая

мый «метод логического скелетирования». Путем определения логических ударений и расстановки логических пауз фраза делится на ряд смысловых групп (речевых тактов). Логическое ударение отмечает главное по смыслу слово в каждой группе, а логические паузы соединяют слова в смысловые блоки, одновременно отъединяя их друг от друга. В результате выстраивается так называемый «логический скелет фразы»: «Можно много видеть, читать, / можно кое-что вообразить, / но, чтобы сделать, / необходимо уметь, / а умение дается / только изучением техники».

Однако работа над выявлением логики содержания на этом не заканчивается. Пока все логические ударения оказываются равнозначными, а паузы — равновеликими. Если читать эту фразу вслух, соблюдая такую разметку текста, мы получим монотонную интонацию перечисления, в результате чего мысль не получит для слушателя явного выражения. Для того, чтобы избежать монотона и облегчить для слушателя восприятие логики содержания, необходимо найти градацию логических акцентов, выявив главные и отделив их от второстепенных, иными словами, построить логическую перспективу фразы; которая в нашем примере примет следующий вид: «Можно много видеть, читать/ можно кое-что вообразить, // но, чтобы СДЕЛАТЬ, / необходимо УМЕТЬ, /а УМЕНИЕ дается/только ИЗУЧЕНИЕМ ТЕХНИКИ». Паузы различной длительности отмечаются нами вертикальными чертами. Степень значимости логического ударения — шрифтом, разрядкой, подчеркиванием. Такая разработка логической схемы развития мысли позволяет говорящему четко понимать соотношение логических акцентов, их устремление к главному слову.

Построение логической перспективы не завершает работу над текстом. Она не гарантирует говорящего от ошибок в звуковом воплощении логики мысли. Следующим этапом тренировки должно стать построение художественной перспективы звучащей речи, заключающейся в умении сознательно распределить голосовые и речевые средства, позволяющие скоординировать силу и значимость логических акцентов, найти, по выражению К. С. Станиславского,

соотношение, градацию силы, качества ударения и создать из них звуковые планы и перспективу, дающие движение и жизнь фразе [80, 125].

Техника выполнения такой перспективы основывается на правильном использовании интонации.

Интонация — сложное явление. Она включает в себя четыре акустических компонента: **тон** голоса, **интенсивность** или **силу звучания**, его **длительность** и **тембр**. Что же собой представляют слагаемые интонации?

Прежде чем ответить на вопрос, вспомним, что собой представляет звук человеческой речи.

Звук как акустическая единица также включает в себе признаки **высоты, силы, тембра и длительности**. Высота звука — количество колебаний голосовых связок. Оно измеряется в герцах в секунду: чем больше герц в секунду, тем выше звук. Сила звука, его интенсивность зависит от амплитуды колебаний голосовых связок и измеряется в децибелах. Тембр — совокупность основного тона и обертонов. Обертоны (разночастотные колебания частиц воздуха) образуются в ротовой полости. Их различие зависит от формы и объема рта, меняющихся во время артикуляции звуков. Длительность звука определяется количеством времени, необходимого для произнесения звука.

Следует подчеркнуть, что звуки и интонация состоят из одних и тех же акустических компонентов. Это объясняется тем, что образование звуков и интонации — единый артикуляционно-акустический процесс.

Теперь рассмотрим акустические компоненты интонации.

Тон

Термин *тон* восходит к греческому слову *tonos* (буквально «натянутая веревка, натяжение, напряжение»). Используется этот термин в разных науках. В физике — звук, порождаемый периодическим колебанием воздуха; в музыке — музыкальный звук определенной высоты; в живописи — оттенок цвета или светотени; в медицине — звук работающего сердца, его клапанов.

Когда говорят о тоне звуков речи, то имеют в виду высоту гласных, сонорных и звонких шумных согласных. Тон формируется при прохождении воздуха через глотку, голосовые связки, полости рта и носа. В результате колебания голосовых связок возникает основной тон звука, важнейший компонент речевой интонации.

Ученые подсчитали, что мужчины говорят на частоте 85—200 Гц, а женщины — 160—340 Гц. Это средний тон речи.

А сколько колебаний в секунду совершают голосовые связки певицы с самым высоким женским голосом (колоратурное сопрано), когда она поет на самой высокой ноте (фа третьей октавы)? Частота колебаний поразительна. Одна тысяча триста девяносто семь! Такая частота — не только дар природы, но и результат долгого изнурительного труда певицы.

С помощью изменения тона создается мелодический рисунок речи. Не только ораторы, но и каждый, кто стремится донести свои мысли до слушателя, должен уметь тонировать речь, придавать ей мелодическое разнообразие.

Большим недостатком считается монотонность. Она возникает в том случае, когда высота звука остается неизменной на всем протяжении речи.

Не украшает речь и слишком высокий или слишком низкий тон. Предельно высокий тон физически утомляет, вызывает усталость, а низкий тон зачастую раздражает, поскольку требует от слушателя большего напряжения.

Высота тона определяется состоянием говорящего, его отношением к речи, к собеседникам. Эмоциональные ораторы, увлеченные и энергичные, чаще всего говорят в повышенном тоне. Так же поступают разгневанные люди или спорящие между собой. Робкие, пассивные говорят, наоборот, низким тоном.

Задача оратора — определить диапазон своего голоса и стараться разнообразить его тональность.

Поль Сопер рекомендует проверить диапазон своего голоса по роялю или напевая гамму до, ре, ми, фа, соль, ля, си, до. Он пишет:

Определите, какая у вас средняя или наиболее подходящая высота тона. Затем попробуйте поднять ее или опустить на несколько тонов. Произнесите восклицание «А!» в медленном темпе, начиная с высокой ноты, с какой только возможно, и опускаясь до предельно низкой. Затем идите обратным порядком. Прислушайтесь к самому высокому и самому низкому звучанию. Обратите внимание, насколько диапазон в данном случае шире, чем это возможно, по мнению новичков, в речи.

Интенсивность звучания

Интенсивность звучания зависит от напряженности и амплитуды колебания голосовых связок. Чем больше амплитуда колебания, тем интенсивнее звук.

На слух различают уровень интенсивности. Он бывает низким, средним и высоким. Уровень силы звучания может не изменяться (ровный, спокойный голос), но чаще всего направление и характер интенсивности меняется: увеличивается или уменьшается и это может происходить резко или плавно.

Взаимодействие тона и интенсивности усиливает громкость речи.

Жизненная ситуация, психическое состояние человека, его воспитанность, уважительное отношение к окружающим определяют, каким тоном он будет произносить речь, вести разговор. Так, на митинге, параде, на вокзале (к примеру, когда один находится в вагоне, а другой на перроне), если собеседники разделены расстоянием, а необходимо сказать что-то важное, позволительно говорить громко. Когда же человек находится в семье или в кругу друзей, на приеме у врача, в кабинете начальника, в трамвае, в магазине или другом общественном месте, то громкая речь **будет** свидетельствовать о невоспитанности или чрезмерной нервозности, возбужденном состоянии или, наконец, о стремлении говорящего обратить на себя внимание.

Темп

Темп речи (итал. *tempo*, от лат. *tempus* — время) — скорость произнесения речевых элементов. Темп речи измеряют двумя способами: числом звуков (или слогов), произносимых в единицу времени (например, в секунду), или средней длительностью звука (слога). Длительность звуков вообще измеряется в тысячных долях секунды — миллисекундах (мс). Темп речи каждого отдельного индивидуума может меняться в широких пределах — от 60-70 мс при беглой речи до 150-200 мс при медленной. Существует также и зависимость темпа от индивидуальных особенностей говорящего [70, 556].

Нормальный темп речи русских около 120 слов в минуту. Одна страница машинописного текста, напечатанного через

1 1/2 интервала, должна читаться за две или две с половиной минуты.

Темп речи может изменяться. Это зависит от содержания высказывания, эмоционального настроения говорящего, жизненной ситуации.

Не сложно, например, определить, от чего зависит темп произнесения предложений:

— *Скорей бежим к лесу!*

— *Он идет медленно, нога за ногу заплетается.*

— *Ползет, как черепаха.*

— *Какой долгий и пасмурный день сегодня!*

Темп речи в данном случае определяется содержанием предложений. Первое призывает к скорой реакции, к быстрому действию, поэтому произнесение убыстряется. Второе и третье предложения характеризуют замедленное действие. Чтобы это подчеркнуть, говорящий растягивает произношение звуков, темп речи замедляется. В последнем предложении акцент падает на слова *долгий* и *пасмурный*. Замедление речи при произнесении позволяет как бы изобразить предмет, интонационно подчеркнуть его протяженность.

Различным будет темп речи, если фразу «Покупка мотоцикла обрадовала нас, но покупка автомобиля привела в восторг» произнести как констатацию факта и с глубоким чувством. При констатации факта предложение произносится ровным голосом. Если же говорящий стремится передать свое эмоциональное отношение, то вторую часть он произнесет повышенным тоном и в более замедленном темпе.

Вообще, чувства восторга, радости, гнева ускоряют темп речи, а подавленность, инертность, раздумье — замедляют его.

Очень медленный темп характерен также для речи затрудненной, речи тяжело больного, очень старого человека. В замедленном темпе читается судебный приговор, произносится присяга, торжественное обещание.

Темп речи имеет большое значение для успеха выступления.

Встречаются люди, которые при всех обстоятельствах говорят очень **быстро**. Именно о них сложены пословицы: «За твоим языком не поспеешь босиком», «Строчит, как из пулемета», «Тысячу слов в минуту», «Эка понесла: ни конному, ни крылатому не догнать».

Быстрая речь, особенно если это лекция, требует усиленного внимания, что вызывает утомление и желание передохнуть, т. е. перестать слушать выступающего.

Быстрая речь не всегда бывает понятной. Причины этого могут быть различными:

1. Выступающий по неопытности намечает много вопросов и считает необходимым в отведенное ему время успеть все изложить.

2. Оратор пренебрежительно относится к аудитории и стремится поскорее закончить свое выступление.

3. Иногда быстрая речь бывает обусловлена робостью выступающего, страхом перед аудиторией.

Нежелательна и замедленная речь. О ней народ говорит: «У него слово слову костыль подает», «Слово за словом на тараканьих ножках ползет», «Говорит, как воду цедит».

Замедленная речь расхолаживает слушателей, ослабляет внимание и тоже утомляет аудиторию.

Говорящему важно уметь менять темп речи. Если требуется что-то подчеркнуть, выделить (определение, выводы), то темп необходимо замедлить. Когда же речь произносится с подъемом, внутренним пафосом, темп ускоряется.

Обратим внимание еще на одно явление.

Заходит студент в деканат. Обращается к декану «Здравствуйте, Александр Александрович!»

Сосед подошел во дворе к соседу. — «Здрасьте, Альсан Альсаныч!»

Встретились два приятеля. — «Здрась, Сан Саныч!»

Чем различаются приветствия? Стилем произношения.

Когда мы находимся в официальной обстановке, выступаем перед большой аудиторией, когда хотим, чтобы все нас слышали и понимали, тогда замедляем темп речи, стараемся выговаривать каждый звук, каждое слово. Такой стиль произношения называется **полным**.

В неофициальной обстановке, в семейном кругу чаще всего используется **неполный, разговорный** стиль.

Стиль речи, а точнее ее темп, может свидетельствовать о пренебрежительном отношении говорящего к тому, с кем разговаривает. Именно это показывает И. С. Тургенев, рисуя образ генерал-майора Вячеслава Илларионовича Хвалынского:

Человек он очень добрый, но с понятиями я привычками довольно странными. Например: он никак не может обращаться с дворянами небогатыми или не чиновными, как с равными себе людьми. Разговаривая с ними (...) даже слова иначе произносит и не говорит, например; «Благодарю, Павел Васильевич», или «Пожалуйте сюда, Михайло Иваныч», а «Боллдарю, Палл Асилич», или «Па-ажалте сюда, Михал Ваныч».

И другой пример из романа «Отцы и дети». Аркадия и Базарова представили высокопоставленному чиновнику:

Мягкость в обращении Матвея Ильича могла равняться только с его величавостью.(...) Он потрепал по спине Аркадия и громко назвал его «племянничком», удостоил Базарова, облеченного в староватый фрак, рассеянного, но снисходительного взгляда вскользь, через щеку, и неясного, но приветливого мычания, в котором только и можно было разобрать, что «я...» да «ссьма».

Тембр

Последний компонент интонации — тембр. Это — дополнительная артикуляционно-акустическая окраска голоса, ее колорит.

В полости рта в результате большего или меньшего напряжения органов речи и изменений объема резонатора образуются обертоны, т. е. дополнительные тоны, придающие основному тону особый оттенок, особую окраску. Поэтому тембр называют еще «цветом» голоса.

По тембру голоса устанавливают его тип: бас, баритон, тенор, сопрано, колоратурное сопрано и др.

Тип голоса может быть общим, но у каждого человека свой тембр, как и отпечатки пальцев.

Тембр голоса может изменяться, что зависит от эмоционального состояния человека. Поэтому тембром называют также специфическую окраску речи, которая придает ей те или другие экспрессивно-эмоциональные свойства. Такое значение приобретает иногда и термин *тон*. В таком случае *тембр* и *тон* становятся терминами-дублетами.

Характер тембра настолько бывает разнообразным, а его восприятие субъективным, что ученые в описании особенностей тембра используют самые различные определения, подчеркивающие то зрительное восприятие (*светлый, темный, туск-*

лый, блестящий), то слуховое {глухой, вибрирующий, дрожащий, звонкий, крикливый, скрипящий, шепотной), то осязательное {мягкий, острый, твердый, тяжелый, холодный, горячий, легкий, жесткий, сухой, гладкий), то ассоциативное {бархатный, медный, золотой, серебряный, металлический), то эмоциональное (угрюмый, хмурый, раздосадованный, веселый, ликующий, резвый, восхищенный, насмешливый, пренебрежительный, сердитый, благодушный).

Действительно, очень трудно дать точное описание тембру, если у каждого человека своя тембровая окраска.

В мемуарах, различных воспоминаниях, в литературоведческих статьях имеется немало описаний манеры чтения своих произведений тем или иным автором, особенностей его голоса.

Так, в октябре 1966 г., по свидетельству реставратора звукозаписи Л. А. Шилова, была получена первая магнитная копия фонограммы одного из валиков с голосом А. Блока.

Через шипение, шелест, потрескивание, — пишет Л. А. Шилов, — явственно слышался человеческий голос, голос Блока. Он читал стихотворение «В ресторане». Мы слышали глуховатый голос довольно высокого тембра. Голос звучал устало, как бы равнодушно. Лишь постепенно, после десятка прослушиваний раскрылась его эмоциональная насыщенность.

Сначала захватывала музыкальная ритмичность. Я понял, что имел в виду один из современников поэта, говоривший о том, как «мучительно-хорошо» выдерживал Блок в своем чтении паузу.

Потом я услышал и те «вздрагивания» голоса, о которых знал из мемуарной литературы.

На первый взгляд противоречивые свидетельства современников: «упойтельное чтение», «бесстрастная ровность голоса в самых, казалось бы, патетических местах» — теперь объединились в моем сознании [87, 46—47].

Восторженно принимали слушатели рассказы И. А. Бунина в его исполнении. У него был великолепный голос. Он с удивительным мастерством, используя все разнообразие и богатство русской интонации, передавал тончайшие нюансы мысли, создавая звуковые портреты своих героев; то замедляя, то убыстряя речь, повышая и понижая голос, рисовал картины природы. Он завораживал всех своими непередаваемыми интонациями.

А вот К. Г. Паустовский имел негромкий, хрипловатый, иногда даже скрипучий голос. И хотя читал он свои произведения «без выражения», неторопливо, ровным голосом, без усиления и уменьшения его звучания, слушатели сидели, затаив дыхание, старались не пропустить ни одного слова.

Кому довелось слышать выступление К. И. Чуковского, тот никогда не забудет его молодой, высокий, удивительно звонкий голос. Чуковский имел свою манеру говорить — живую, полную юмора и какого-то юношеского задора. Создавалось впечатление, что он не читает произведение, а ведет доверительную беседу. Высокий, стройный, удивительно обаятельный, он умел с первых слов очаровать, покорить всех.

Однако, как бы ни разнились голоса людей, как бы ни различалась их манера интонировать свою речь, есть какие-то общие для всех интонационные правила, есть типичные интонационные конструкции. Иначе невозможно было бы общаться, невозможно было бы понять друг друга.

Семь интонационных конструкций

Представьте: вам передали записку. В ней написано: «Мы пойдем завтра на речку», но никакого знака препинания в конце предложения нет. Как в таком случае понять, то ли приглашают, то ли спрашивают? Если спрашивают, то о чем? О том, *кто* пойдет или *куда* пойдет, а может быть, *когда* пойдет? Но если написавший произнесет это предложение вслух, по интонации сразу можно понять, повествует он или спрашивает. И о чем спрашивает. Отсюда можно заключить, что в языке существуют определенные типы интонации. И удивительно то, что ни до школы, ни в школе интонации специально не обучают, а все мы, говорящие по-русски, умеем пользоваться ею. Знание интонации для говорящего можно считать врожденным навыком.

Понятно, конечно, что лингвисты, которые занимаются фонетикой, исследуют интонацию, особенно ее синтаксическую функцию. В этом должен разбираться и каждый, кто заинтересован в успехе своего выступления, т. е. понять, что происходит с тоном голоса, как он изменяется, каков его интонационный рисунок при произнесении повествовательных и вопросительных предложений. Но прежде, чем говорить об этом, необходимо сделать несколько уточнений.

Повествовательные и вопросительные предложения сами по себе могут иметь различную интонацию. Все зависит от того, что они выражают: удивление, неуверенность, предположительность, несогласие или просто говорящий не понял и переспрашивает. Это свидетельствует о разнообразии и богатстве русской интонации, но соответственно и усложняет ее изучение.

Возникает еще один вопрос: неужели во всех случаях характер предложения, т.е. повествовательное оно или вопросительное, определяется только интонацией? Или в русском языке есть наряду с интонацией какие-то дополнительные средства?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, сравним две онегинские строфы. В них умышленно в конце некоторых фраз или их частей вместо знаков препинания поставлены круглые скобки. Постарайтесь определить, в каких случаях безошибочно угадывается, вопросительное это или повествовательное предложение, и что подсказывает, с какой интонацией его следует произнести?

XLIV (Глава восьмая)

Тогда — не правда ли () — в пустыне,
 Вдали от суетной молвы,
 Я вам не нравилась... Что ж ныне
 Меня преследуете вы ()
 Зачем у вас я на примете ()
 Не потому ль, что в высшем свете
 Теперь являться я должна,
 Что я богата и знатна,
 Что муж в сраженьях изувечен,
 Что нас за то ласкает двор ()
 Не потому ль, что мой позор
 Теперь бы всеми был замечен,
 И мог бы в обществе принести
 Вам соблазнительную честь ()

XLIII (Глава четвертая)

В глуши что делать в эту пору ()
 Гулять () Деревня той порой
 Невольно докучает взору
 Однообразной наготой.
 Скакать верхом в степи суровой ()

Но конь, притупленной подковой
 Неверный зацепляя лёд,
 Того и жди, что упадет.
 Сиди под кровлею пустынной,
 Читай: вот Прадт, вот W.Skott.
 Не хочешь () — поверяй расход,
 Сердись, иль пей, и вечер длинный
 Кой-как пройдет, а завтра то ж,
 И славно зиму проведешь.

Убедились, что при отсутствии знаков препинания не всегда легко определить, с какой интонацией следует произнести текст?

В первой онегинской строфе частица *ли*, вопросительные слова *что, зачем, не потому ли* служат ориентирами, требуют вопросительного знака в конце предложения. Во второй строфе только логика изложения может подсказать интонацию и тут можно ошибиться. Если предположить, что А. С. Пушкин, задав вопрос «В глуши что делать в эту пору?», советует *гулять, скакать верхом в степи суровой, читать*, тогда это повествовательные предложения и на месте скобок ставятся точки. У А. С. Пушкина стоят не точки, а вопросительные знаки. Это вопросы-переспросы, вопросы, выражающие удивление. Вот как можно распространить текст, восполнив пропущенное, но подразумеваемое: — *В глуши что делать в эту пору? — Можно гулять. — Гулять? — Можно скакать верхом. — Скакать верхом в степи суровой?*

Характер интонации, как видите, определяется замыслом пишущего или говорящего.

При всем разнообразии интонаций их можно объединить в наиболее характерные для русского языка типы. Для этого прежде всего необходимо найти в выражении центр — основной ударный слог. Например, во фразе «Мальчик взял книгу» примем за центр слово *взял*. Все, что находится перед центром, называется **предцентровой** частью, а то, что после центра — **постцентровой**. **Предцентровая**, центр и **постцентровая** части образуют интонационную конструкцию — ИК (произносится ИКа).

Не обязательно все составляющие интонационную конструкцию должны быть представлены в речевом такте. Например: *Вечер! Где? Здесь*. ИК этих фраз состоит из одного цент-

ра. *Вечер наступил. Где книга? Здесь лежит.* — ИК имеет центр и постцентровую часть. *Вот и вечер. Книга где? Лежит здесь.* — ИК состоит из предцентральной части и центра.

Есть еще одна особенность, которую также необходимо учитывать, когда определяется тип интонации, в результате чего изменяется структура ИК. Например, если интонационно выделить первое слово, тогда оно будет центром, а остальные слова образуют постцентровую часть. Если же интонационно подчеркивается последнее слово, тогда предложение состоит из центра и предцентральной части. Ср.: **Толик** *взял книгу* и *Толик* **взял** книгу.

Для определения типа ИК важно также различать, как изменяется основной тон: повышается он или понижается. Тон произнесения гласных может быть ровным (—), нисходящим (∩), восходящим (∪), нисходяще-восходящим (∩∪), восходяще-нисходящим (∪∩). По изменению тона можно судить о цели высказывания и о субъективном к нему отношении говорящего.

В русском языке выделяется семь типов ИК. Рассмотрим их.

В повествовательном предложении при выражении завершенности предцентровая часть произносится в среднем тоне, на гласном центра тон понижается, постцентровая часть звучит ниже среднего. Представим это схематично:

ИК-1

_____ ∩ _____
КАКИЕ У НИХ ОБЫ ЧАИ.

У **вопросительных предложений, обращений** предцентровая часть также произносится в среднем тоне, а постцентровая — ниже среднего, на гласном центра движение тона ровное или нисходящее, но в отличие от ИК-1 усилено словесное **удачение** (оно на схеме обозначено жирной чертой).

ИК-2

КАКИЕ У НИХ О БЫ ЧАИ?

Если приходится повторить вопрос или произносится **воп-**

росительное предложение без вопросительного слова и только интонация определяет его характер, тогда используется ИК-3.

ИК-3

КАКИЕ У НИХ О БЫ ЧАИ?

ТО ЛИК ВЗЯЛ КНИГУ?

ТОЛИК ВЗЯЛ КНИГУ?

В чем отличие ИК-3? Только в том, что на гласном центра тон резко повышается. Интонация в данном случае позволяет говорящему подчеркнуть то, что его интересует: или **кто** взял, или **взял ли**, или **что** взял.

При выражении **сопоставительного вопроса**, а также **вопроса с оттенком требования** интонация имеет свои особенности: на гласном центра тон понижается, затем повышается (нисходяще-восходящая интонация), предцентровая часть произносится средним тоном, а в постцентральной — высокий уровень тона держится до конца конструкции.

ИК-4

\ У НИХ? КАКИЕ У НИХ ОБЫЧАИ?

ВАШ АД РЕС?

ВАША ФА МИ ЛИЯ?

В экспрессивных предложениях, когда дается высокая оценка, выражается восхищение, а также в вопросительных **предложениях с вопросительным словом** используется ИК-5, имеющая сложный рисунок. ИК-5 имеет два центра. В первом идет повышение тона, во втором — понижение. Между центрами тон выше среднего, а в постцентральной — ниже среднего.

ИК-5

_____ (_____) _____
КА КИ Е У НИХ О БЫ ЧАИ!

КА КА Я ПРЕ КРА СНАЯ ПОГОДА!

НАСТО Я ЩАЯ ВЕ СНА!
_____ (_____) _____
ЗА ЧЕМ ЛО ВИТЬ БАБОЧЕК?

Когда же мы недоумеваем, когда хотим подчеркнуть высокую степень признака, действия, состояния, тогда на гласном центра тон повышается и его высокий уровень сохраняется до конца конструкции.

ИК-6

_____ / _____ - _____
КА КИ Е У НИХ ОБЫЧАИ? (недоумение)

_____ /
КАКИЕ У НИХ О БЫ ЧАИ! (оценка)

_____ /
СКОЛЬКО ПИ СЕМ ПРИСЛАЛИ!

КАКОЙ ВКУ СНЫЙ ПИРОГ!

И последнее. В русском языке нередко одну и ту же мысль можно выразить по-разному. Например:

Никаких обычаев у них нет.

Какие у них обычаи?

Смысл у приведенных предложений один и тот же, а интонация различна. В первом случае констатируется факт, во втором выражается экспрессивное отрицание. При произнесения первой фразы используется ИК-1:

НИКАКИХ О БЫ ЧАЕВ У НИХ НЕТ

Интонация второго предложения иная: на гласном центра

тон резко повышается, гласный заканчивается смычкой голо-
совых связок (смычка обозначается пересечением линий), и это
отличает ИК-7 от ИК-3.

ИК-7

КА КИ Е У НИХ ОБЫЧАИ!

Обратите внимание на то, что при описании каждой конст-
рукции приводится фраза с одинаковым синтаксическим пост-
роением и лексическим составом. Это не случайно, так как на-
глядно показывает, какими возможностями обладает звучащая
речь, когда только благодаря интонации передается столько раз-
личных оттенков мысли. Если же учесть, что предложение
можно произнести с различной эмоциональной окраской (со-
чувствуя, сожалея, негодуя, восторгаясь), то количество вари-
антов высказывания значительно увеличится.

Интонация играет значительную роль в устной речи.

Литературовед, мастер устного рассказа, И. Андроников
писал:

...интонация... не только ярко выражает отношение говоряще-
го к тому, о чем идет речь, но одним и тем же словам может
придать совершенно различные оттенки, бесконечно расширить их
смысловую емкость. Вплоть до того, что слово обретет прямо об-
ратный смысл. Скажем, разбил человек что-нибудь, пролил, за-
пачкал, а ему говорят: «Молодец!» Опоздал, а его встречают сло-
вами «Ты бы еще позже пришел!» Но раздраженно-ироническая
интонация или насмешливо-добродушная переосмысливает эти
слова <...> простое слово «здравствуйте» можно сказать ехидно,
отрывисто, приветливо, сухо, мрачно, ласково, равнодушно, заис-
кивающе, высокомерно. Это простое слово можно произнести на
тысячу разных ладов. А написать? Для этого понадобится на одно
«здравствуйте» несколько слов комментария, как именно было про-
изнесено это слово [2, 413].

Диапазон интонаций, расширяющих смысловое значение речи,
можно считать беспредельным. Не будет ошибкой сказать, что
истинный смысл сказанного заключается постоянно не в самих
словах, а в интонациях, с какими они произнесены.

Интонация передает смысловые и эмоциональные разли-
чия высказываний, отражает состояние и настроение говоря-
щих, их отношение к предмету беседы или друг к другу.

Вспомним роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Пер-

вый разговор Стивы Облонского с женой после того, как она узнала о его измене.

— Долли! — сказал он тихим, робким голосом. Он втянул голову в плечи и хотел иметь жалкий и покорный вид, но он все-таки сиял здоровьем и свежестью. <.. >

— Что вам нужно? — сказала она быстрым, не своим, грудным голосом.

— Долли! — повторил он с дрожанием голоса. — Анна придет нынче.

— Ну что же мне? Я не могу ее принять! — вскрикнула она.

— Но надо же, однако, Долли...

— Уйдите, уйдите, уйдите! — не глядя на него, вскрикнула она, как будто крик этот был вызван физической болью. <.. >

— Уйдите, уйдите отсюда! — закричала она еще пронзительнее, — и не говорите мне про ваши увлечения, про ваши мерзости!

— Но что ж... Ну что ж делать? — говорил он жалким голосом, сам не зная, что он говорит, и все ниже и ниже опуская голову.

— Вы мне гадки, отвратительны! — закричала она, горячась все более и более. — Ваши слезы — вода! Вы никогда не любили меня; в вас нет ни сердца, ни благородства! Вы мне мерзки и гадки, чужой, да, чужой! — с болью и злобой произносила она это ужасное для себя слово *чужой*.

Передавая интонацию речи героев, писатель раскрывает их внутреннее состояние, их переживания: чувство вины Степана Аркадьевича (*жалким голосом, с дрожанием голоса*); обиду, отчаяние его жены (*с болью и злобой*). Душевное напряжение обманутой Долли проявляется в темпе речи, влияет на тембр ее голоса (*сказала быстрым, не своим, грудным голосом*). Раздражение, безысходное горе повышает высоту и интенсивность звучания (*вскрикнула, закричала еще пронзительнее*). У Стивы, наоборот, сознание своей вины и желание примирения заставляет его снизить высоту и интенсивность звучания (*сказал тихим, робким голосом*).

По интонации героев произведения читатель понимает, в каком состоянии они находятся, какие чувства охватили их.

Интонация отличает устную речь от письменной, делает ее богаче, выразительнее, придает ей неповторимый, индивидуальный характер.

Известен, например, такой случай. Академик А. Е. Ферс-

ман, минеролог, один из основоположников геохимии, сделал доклад о Дмитрие Ивановиче Менделееве. Прочитируем академика Б. М. Кедрова, присутствовавшего на этом докладе:

Получив слово, Ферсман встал, поклонился, начал говорить, произнес первые слова об оценке Энгельсом научного подвига Менделеева. А потом... Потом вдруг исчезли слова. Произносившиеся фразы звучали, словно переложенные на музыку, сливались в общий аккорд, который, казалось, заполнил собою весь зал. Притихшие люди, потолок и стены, стол президиума и сам докладчик исчезли, остался только голос, рисующий одну картину за другой. Это была подлинно поэтическая импровизация. Мысли оратора, да еще так ярко преподнесенные слушателям, буквально рождались на их глазах. <.. > Докладчик кончил. В зале царил тишина, и все сидели словно зачарованные, ошеломленные необычностью речи, которая была похожа на стихи.

Выступление А. Е. Ферсмана решено было опубликовать. Б. М. Кедрову принесли дешифрованную стенограмму.

Я стал ее читать, — вспоминает Б. М. Кедров. — Слова были те же, но — серые, обыденные. Вот что значит — лишение слова звуковой формы, где все зависит от интонации, от ударения. На бумагу всего этого перенести нельзя, вся их музыкальность пропадает. И мне стало грустно (Природа. 1983. № 11).

О том, что интонация отличает устную речь от письменной, пишет ученый-лингвист А. Б. Шапиро:

...в устной речи мы делаем много таких пауз, повышений и понижений тона, замедлений и убыстрений темпа речи, изменений тембра голоса и т. п., которые никогда не отмечаются и не могут отмечаться в письменном тексте уже по одному тому, что для этого потребовалось бы огромное количество разнообразных знаков, — наверное, не меньше, а возможно и больше, чем их требуется для музыкальных текстов [84, 178].

Необходимо сказать и о синтаксической функции интонации. Она указывает:

- конец фразы;
- ее законченность или незаконченность;
- к какому типу относится предложение, содержит оно вопрос, восклицание или повествование.

В письменной речи о синтаксической роли интонации читатель узнает по знакам препинания.

Прямое назначение *знаков препинания*, — считает К. С. Станиславский, — группировать слова фразы и указывать речевые остановки или паузы. Они различны не только по продолжительности, но по *характеру*. Последний зависит от той интонации, которая сопровождает речевую остановку. Иначе говоря, каждый знак препинания требует соответствующей ему, характерной для него *интонации*. [80, 131].

Каков же характерный мелодический рисунок каждого из знаков препинания?

Точке присуща интонационная фигура звукового понижения основного тона — своеобразного падения звука. Для того, чтобы точка зазвучала активнее, определеннее, необходимо большее повышение звука перед **завершающим словом**. Это увеличит амплитуду звучания, и голосовой удар на понижении прозвучит энергичнее.

Не все точки имеют одинаковую интонационную структуру. Если последующая фраза тесно связана по смыслу с предыдущей, развивает и дополняет ее, точка не должна зазвучать с такой активностью, амплитуда не будет столь велика, понижение звучит слабее. Лишь завершающая точка получает наибольшую звуковую определенность: голос опускается «на дно», утверждая законченность мысли. Такое различие интонационной структуры по силе звучания носит название градации точки.

Запятая, наоборот, характеризуется повышением звука, который завершается своеобразным «голосовым загибом», обрывающим звук и предупреждающим, как поднятая вверх рука, о том, что мысль не завершена. Этот обрыв повышающейся интонации заставляет слушающего внутренне ожидать ее завершения, а продолжение фразы, начавшееся с той же звуковой ступени, на которой прозвучала эта «запятая», психологически соединится для него с ее началом.

Двоеточие интонационно подготавливает слушающего к продолжению мысли, в его интонации ощущается движение, развитие, передаваемое легким звуковым толчком.

Вопросительный знак требует резкого и быстрого подъема звука на вопросительном слове, которое сопровождается харак-

терной фигурой так называемого «кваканья». Высота и скорость подъема, форма звуковой фигуры создают градацию вопроса.

Восклицательный знак начинается с быстрого и энергичного звукового подъема, после чего голос резко падает книзу. Чем выше взлет и резче падение, тем интенсивнее звучит восклицание.

Особый интонационный рисунок каждого знака препинания, градация силы и характера логического ударения, темп и ритм смены речевых тактов позволяют четче вылепить звуковой образ мысли, сделать так, чтобы она легко воспринималась на слух.

Характеристика устной речи будет неполной, если не сказать еще об одной ее особенности — о паузе.

Редко кто из говорящих задумывается над тем, что такое пауза, для чего она нужна, какие паузы бывают. Считается, что пауза особой роли в речи не играет, что ее никто не замечает, что она нужна исключительно для вдыхания воздуха в легкие.

А почему же тогда, если наш собеседник во время разговора вдруг делает паузу, мы испытываем чувство волнения: что это с ним произошло? не приступ ли? или он на что-то обиделся? или засомневался в правоте моих слов? И с нетерпением ждем, когда последует продолжение разговора.

Действительно, пауза (лат. *pausa* от греч. *pausis* — прекращение; остановка) — временная остановка звучания, в течение которой речевые органы не артикулируют и которая разрывает поток речи. Пауза — это молчание. Но и молчание может быть выразительным и значимым. Даже наука такая есть — паузология. Первый паузолог США профессор О'Коннор считает, что паузы могут сказать о человеке не меньше, чем слова, что в разговоре на них уходит 40—50% времени.

Не случайно, говоря о первом спектакле в Московском Художественном театре, о том, как играли актеры и как принимали их зрители, В. И. Немирович-Данченко вспоминает и о... паузах. Он подчеркивает, что они в речи актеров были «не пустые, а заполненные дыханием этой жизни и этого вечера; паузы, в которых выражалось недоговоренное чувство, намеки на характер, полутона».

Тонкий знаток сценического искусства, прекрасно знающий возможности живого устного слова с его разнообразием интонаций и пауз, Немирович-Данченко понимал, что паузы бывают разные. Он писал: «паузы не пycтые, а заполненные».

Что же имел в виду В. И. Немирович-Данченко, противопоставив «пустые» паузы «заполненным»? Какие паузы он считал «пустыми»? В письме К. С. Станиславскому читаем:

Прежде всего роль знать, как «Оте наш», выработать беглую речь, не испещренную паузами, беглую и легкую. Чтобы слова лились из Ваших уст легко, без напряжения.

Вот, оказывается, в чем причина «пустых» пауз в сценической речи. Это — плохое знание текста роли, когда актер постоянно думает о том, что дальше следует говорить.

«Пустые» паузы встречаются и в обыденной обстановке. Есть люди очень ограниченные, их интеллект слабо развит, они почти ничего не читали, мало что знают. Когда они вступают в разговор, то речь их бывает «испещрена» паузами, ничего не значащими, не несущими никакой информации. Такие паузы не создают комфорта при общении, они затягивают разговор, а некоторых собеседников даже раздражают.

Кто-нибудь из читателей может возразить: «Но ведь человек, когда говорит, должен думать, что и как сказать. Для этого необходимо время, вот он и делает паузы. Разве это плохо?»

Конечно, нет! С пустой паузой, порожденной отсутствием мысли, не следует смешивать паузы **хезитации**, т. е. паузы обдумывания, размышления.

Чаще всего паузы хезитации встречаются в речи людей, обсуждающих политические, социальные, научные проблемы, когда у выступающих еще не сформировалось окончательное мнение по обсуждаемой проблеме, они ищут решение вопроса, вслух обдумывают его. Паузы помогают говорящим оформить свои мысли и предложения, находить лучшую, наиболее точную и ясную форму изложения. Паузы размышления возникают в любом месте высказывания и отражают колебания при выборе возможных речевых средств. Их могут заменять сочетания слов: «пожалуй», «точнее сказать...», «лучше сформулировать так...», «правильнее будет...», «нет, не так надо сказать...» После этих оговорок дается новая формулировка мысли. Паузы хезитации уместны и необходимы.

В теории публичной речи, кроме интонационно-логической, выделяют еще психологическую паузу. В чем ее суть? Чем она отличается от логической? К. С. Станиславский на эти вопросы отвечает так:

в то время как логическая пауза механически формирует такты, целые фразы и тем помогает выяснить их смысл, психологическая пауза дает жизнь этой мысли, фразе и такту, стараясь передать их подтекст. Если без логической паузы речь безграмотна, то без психологической она безжизненна.

Логическая пауза пассивна, формальна, бездейственна; психологическая — непременно всегда активна, богата внутренним содержанием.

Логическая пауза служит уму, психологическая — чувству

Знаете ли вы, как высоко ценится психологическая пауза?

Она не подчиняется никаким законам, а ей подчиняются все без исключения законы речи.

Там, где, казалось бы, логически и грамматически невозможно сделать остановки, там ее смело вводит психологическая пауза. Например: представьте себе, что наш театр едет за границу. Всех учеников берут в поездку, за исключением двух. — Кто они? — спрашиваете вы в волнении у Шустова. — Я и... (психологическая пауза, чтобы смягчить готовящийся удар или, напротив, чтобы усилить негодование)... и... ты! — отвечает вам Шустов.

Вам известно, что союз «и» не допускает после себя никаких остановок. Но психологическая пауза не стесняется нарушить этот закон и вводит незаконную остановку [80, 102—103].

Помимо пауз хезитации, логических и психологических выделяются еще интонационно-синтаксические паузы. Они соответствуют знакам препинания в письменной речи и различаются длительностью. Самая короткая пауза — на месте запятой, а самую длинную требует точка. Интонационно-синтаксической паузой отделяются в звучащей речи однородные члены предложения, вставные конструкции, обращения; пауза заполняет то место в предложении, где подразумевается пропуск слова.

Есть еще две разновидности пауз.

Представим себе такую картину: идут вступительные экзамены. Абитуриенты пишут диктант. Преподаватель читает текст медленно, повторяет части предложения и, повторяя, делает паузы. Что это за паузы? Как они называются? Какова их функция?

Прежде чем ответить, приведем другой случай. У причала стоит туристический пароход «Капитан Сутырин». Пассажиры стоят на палубе, провожающие на пристани. Все спешат ска-

зять друг другу слова, которые кажутся самыми важными, самыми нужными. «Я... тебя прошу... будь осторожен...» «Что?.. Не... пони...маю...!» «Будь... осто... рожен... Понял?!»

Еще одна картина. На плацу маршируют новобранцы. Раздается команда: «На ле... во! Шагом... марш!»

Паузы... паузы... паузы!

Чем они вызваны? Ситуацией. Какова их функция? Надо, чтобы абитуриенты успели написать текст диктанта, чтобы в шуме и на далеком расстоянии люди услышали и поняли друг друга, чтобы новобранцы успели подготовиться выполнить команду. Поскольку паузы вызваны той или иной ситуацией, они называются **ситуативными**.

Последняя разновидность — **паузы физиологические**. Они появляются, когда не хватает воздуха в легких, особенно при одышке, или когда поражена центральная нервная система и в результате **забывается** нужное слово, трудно выразить какую-нибудь мысль. Хорошо, если человек обходится без таких пауз!

В заключение разговора о паузах приведем слова К. С. Станиславского: «Пауза — важнейший элемент нашей речи и один из главных ее козырей».

Так будем внимательны к паузам, научимся пользоваться ими!

Из истории изучения интонации

Можно ли сомневаться в том, что интонация присуща речи с начала ее зарождения? Думаем, что нет. А вот на вопрос, когда на нее обратили внимание, когда она стала объектом научного изучения и почему, ответить без знания истории науки трудно.

Интонация заинтересовала прежде всего теоретиков ораторского искусства еще в античные времена. Оратор должен уметь говорить четко, ясно, чтобы все понимали, о чем он ведет речь. Кроме того, оратор должен воздействовать не только на разум, но и на чувства слушателей, должен уметь завоевать их симпатию, склонить на свою сторону, вызвать нужную ему реакцию. Он должен знать, как это сделать, какие средства звучащей речи необходимо для этого использовать. Вот почему ораторы Древней Греции и Древнего Рима, закладывая основы ораторского искусства, писали и об интонации.

В их трудах, дошедших до нас, описана речевая мелодия, определено ее отличие от музыкальной, охарактеризованы ритм,

темп, паузы, говорится о важности разделения потока речи на смысловые части. Можно, действительно, сказать, что интонацией стали интересоваться со времен легендарного Ромула, основавшего Рим.

Проблема интонации привлекла теоретиков публичной речи и в средние века. Но для нас больший интерес представляют работы, появившиеся в России в XVIII столетии. Именно в это время формулируются основные теоретические положения ораторского искусства, которые остаются актуальными и в наши дни. Одним из таких теоретиков был М. В. Ломоносов. Часть четвертая его «Краткого руководства к риторике» называется «О произношении». Здесь он пишет о том, что произношение «имеет великую силу», поэтому «кто подлинный ритор быть желает, тот в приличном слову произношении должен часто упражняться и наблюдать следующие правила».

Каковы же они? М. В. Ломоносов советует:

Слово произносить должно голосом чистым, непрерывным, не грубым, средним, т. е. не очень кричным или весьма низким, равным, т. е. не надлежит вскрикивать вдруг весьма громко и вдруг книзу опускаться, и, напротив того, неприлично произносить одним тоном, без всякого повышения или понижения, но, как произносимый разум требует, умеренно повышать и понижать должно и голос. В вопрошениях, в восклицаниях и в других сильных фигурах надлежит оный возносить с некоторым стремлением и отрывом. В истолковании и в нежных фигурах должно говорить равнее и несколько пониже; радостную материю веселым, печальную плачевным, просительную умильным, высокую великолепным и гордым, сердитую произносить гневным тоном. И словом, голос свой управлять должен ритор по состоянию и свойствам предлагаемой материи.

Используя термин *голос*, М. В. Ломоносов имеет в виду интонацию. Он обращает внимание оратора на изменение тона, его повышение или понижение, на силу звучания, пишет об особенностях интонации вопросительных и восклицательных предложений, о тембре при передаче различных эмоций. В следующем параграфе речь идет о членении высказывания на смысловые отрезки, о паузах, которые оформляют это деление, и наконец, о темпе речи. Прочитируем М. В. Ломоносова:

Каждый период должно произносить отдельно от прочих, т.е.,

окончив оный, несколько остановиться; части его, разделенные двоеточиями и запятыми, отделять малою переменою голоса и едва чувствительною остановкою; каждое речение, склад и литеру выговаривать чисто и ясно и в один дух излишне не захватывать, ибо сие понуждает часто в непристойном месте остановиться или, несколько складов не договоря, пропустить. Ненадобно очень спешить или излишнюю протяжность употреблять, для того что от первого слова бывает слушателям невнятно, а от другого скучно

В XVIII—XIX веках с развитием театрального искусства интонацию начинают рассматривать как важный элемент сценической речи. Для актера, как и для оратора, звучащая речь — основное средство передачи мыслей, чувств, средство воздействия на зрителей, поэтому актер должен уметь использовать все возможности языка, знать его законы.

Специалисты по выразительному чтению, актерскому мастерству, сравнивая сценическую речь с обыденной, определили особенности ее интонации. На примере анализа художественного произведения они показали, какую функцию выполняет интонация, каковы ее составляющие, с какой интонацией следует читать то или иное произведение.

Особое внимание уделялось связи пунктуации с характером произношения текста, подчеркивалось, что знаки препинания определяют место пауз и их длительность, указывают границы речевых отрезков, требуют повышения или понижения тона. Важно знать, что уже в то время правильно определили зависимость интенсивности произношения от логического ударения, от порядка слов в предложении, от того, к какой части речи принадлежит слово, каким членом предложения является и какое место в нем занимает.

Теоретические высказывания о характере русской интонации и советы по практическому ее использованию в сценической речи обобщил и развил дальше К. С. Станиславский. В сочинениях «Работа актера над собой», «Работа актера над ролью», «Моя жизнь в искусстве» он неоднократно обращается к вопросу о звучащей речи, высказывает ряд интересных суждений и всегда облакает их в живую, красочную, увлекательную форму. Читать его сочинения — одно удовольствие. Многое иначе начинаешь воспринимать и понимать. Вот, например, как он описывает нашу речь, наше произношение:

Я понял еще, что все люди как в жизни, так и на сцене говорят ужасно. <.. >

Мы не чувствуем своего языка, фраз, слогов, букв и потому легко коверкаем их: вместо буквы Ш произносим ПФА, вместо Л говорим УА. Согласная С звучит у нас, как ЦС, а Г превращается у некоторых в ГХА. Прибавьте к этому оканье, аканье, шепелявость, картавость, гнусавость, взвизгивание, писки, скрипы и всякое косноязычие. Слова с подменными буквами представляют мне теперь человеком с ухом вместо рта, с глазом вместо уха, с пальцем вместо носа.

Слово со скомканным началом подобно человеку с расплюсченной головой. Слово с недоговоренным концом напоминает мне человека с ампутированными ногами. <.. >

Когда у некоторых людей от вялости или небрежности слова слипаются в одну бесформенную массу, я вспоминаю мух, попавших в мед; мне представляется осенняя слякоть и распутица, когда все сливается в тумане.

Аритмия в речи, при которой слово или фраза начинается медленно, а в середине вдруг ускоряется, для того чтоб в конце неожиданно точно шмыгнуть в подворотню, напоминает мне пьяного, а скороговорка — пляску святого Вигта [80, 56].

Проводя эксперименты со своим голосом, следя за его изменениями в результате специальных упражнений, внимательно прислушиваясь к интонации драматических и оперных актеров, беседуя с мастерами сцены об их работе над голосом, Станиславский пришел к выводу: характер интонации, окраска голоса зависят как от звучания **гласных**, так и **согласных**. Он любил повторять фразу: «Гласные — река, согласные — берега». Пение с рыхлыми согласными, по образному выражению Станиславского, уподобляется реке без берегов, превратившейся в разлив с болотом, с топью, в которых вязнут и тонут слова.

Разрабатывая теорию интонации, он стремился осмыслить роль и функцию согласных в звучащей речи, их отличительные физиологические и акустические особенности. Так, о сонорных и звонких шумных согласных пишет:

В этих звуках ясно различаешь тянущуюся ноту гортанного происхождения, которая поет почти так же, как гласные. Разница лишь в том, что звук не выходит наружу сразу и **беспрепятственно**, а задерживается зажимом в разных местах, от которых и получает соответствующую окраску. Когда же этот зажим, задерживающий гортанные звуковые накопления, лопается, то звук вылетает нару-

жу. Так, например, при *Б* накапливаемое гортанное гудение задерживается сжатием обеих губ, которые дают звуку характерную для его окраску. После разжатия зажима происходит лопание, и звук свободно вылетает наружу [80, 62].

По глубокому убеждению Станиславского, чтобы овладеть в совершенстве интонацией, необходимо знать, при каком положении рта, губ, языка они образуются, т. е. знать устройство речевого аппарата, его резонаторов. И не только знать его устройство, но и четко представлять, какой оттенок приобретает звук в зависимости от того, в какой полости он резонирует, куда направлен. Например, специалисты по вокалу считают, что звук, который «кладется на зубы» или посылается «в кость», т. е. в череп, приобретает металл и силу, звуки, которые попадают в мягкие части нёба или в голосовую щель, резонируют, как в вате.

А губы? Насколько важна для образования звуков хорошо развитая их артикуляция? Вот какой, по словам Станиславского, она бывает у натренированного артиста:

...я внимательно следил за его губами. Они напоминали мне тщательно пришлифованные клапаны духового музыкального инструмента. При их открытии или закрытии воздух не просачивается в щели. Благодаря этой математической точности звук получает исключительную четкость и чистоту. В таком совершенном речевом аппарате артикуляция губ производится с невероятной легкостью, быстротой и точностью.

Затем Станиславский сравнивает с артикуляцией своих губ:

У меня не то. Как клапаны дешевого инструмента плохой фабрики, мои губы недостаточно плотно сжимаются. Они пропускают воздух, они отскакивают, у них плохая шлифовка. Благодаря этому согласные не получают необходимой четкости и чистоты.

Заканчивается рассуждение о роли артикуляции губ словами:

Когда вы это поймете так же, как теперь понял это я, вы сами сознательно захотите заняться и развить артикуляцию губного аппарата, языка и всех тех частей, которые четко вытачивают и оформляют согласные [80, 65—66].

Конечно, не у каждого человека бывает сильный, гибкий, с

большим диапазоном голоса. Он может быть хриплым, гнусавым, очень слабым, блеклым, невыразительным. Станиславский предупреждает, что некоторые недостатки вокала неисправимы, таково их природное свойство или результат болезни голоса. Но чаще всего голосовые изъяны можно устранить с помощью правильной постановки звука, а при болезни — с помощью лечения. В любом случае надо использовать все средства, чтобы быть всегда «в голосе», т. е. «чувствовать, что можешь управлять своим звуком, что он повинуется тебе, что он звучно и сильно передает все мельчайшие детали, переливы, оттенки творчества».

Как же этого добиться? Ведь каждый человек, будь он актер, преподаватель, политик, юрист, священник, бизнесмен, врач или кто-то другой, должен научиться владеть и управлять своим голосом.

Известная французская актриса Марина Влади вспоминает, как В. Высоцкий готовился к выступлениям:

Тело свое ты разогреваешь перед каждым спектаклем, делая специальную гимнастику актера... Тебе такая гимнастика просто необходима. В «Гамлете» ты теряешь за один спектакль два-три килограмма. В «Жизни Галилея» — еще больше, потому что четыре часа ты не покидаешь сцену. Именно благодаря этим упражнениям твой знаменитый голос, хриплый, когда ты поешь, становится по-настоящему ясным и сильным на сцене. Я не помню, чтобы у тебя хоть раз совершенно пропал голос, а ведь это — постоянный страх артистов.

Примечателен и такой факт. Станиславский, приступив к занятиям по исправлению своей речи, дал обет:

Буду все время, постоянно следить за собой и за постановкой голоса! Превращу жизнь в сплошной урок! Таким путем я разучусь говорить неправильно.

Не следует ли и всем нам прислушаться к этому совету?

Контрольные вопросы и задания

1. Раскройте содержание понятия «ораторское искусство». Назовите основные особенности ораторского искусства как социального явления.

2. *Расскажите об основных факторах, влияющих на установление контакта между оратором и слушателями.*
3. *Охарактеризуйте этапы подготовки ораторской речи.*
4. *Что такое «композиция речи»? Дайте характеристику ее основных элементов.*
5. *О каких методах изложения материала и приемах привлечения внимания вы узнали в этой главе?*
6. *Что понимается под логическим ударением, речевым тактом, интонацией? Какие виды пауз существуют? Назовите основные интонационные конструкции.*
7. *Каков интонационно-методический рисунок знаков препинания в русской устной речи?*

ГЛАВА 6

Официально - деловая письменная речь

6.1. Из истории русского делового письма

Русская официально-деловая письменная речь имеет многовековые традиции и глубокие исторические корни. Знакомство с ее историей позволит лучше понять причины и закономерности формирования особого стиля языка, обслуживающего сферу официально-деловых отношений, выявить особенности национальной культуры русского делового письма, его интернациональные свойства.

Первые письменные документы, дошедшие до наших дней, свидетельствуют о том, что уже в X веке в Древнерусском государстве практиковалось составление официальных документов. В этот период в основном документируются правовые отношения (жалованные и вкладные грамоты, завещания), создаются также документы, фиксирующие конкретные частные правоотношения (заемные, закладные кабалы, фиксирующие заем денег; полные грамоты, составляемые при продаже в рабство; отпускные грамоты и т. д.).

Накопление опыта официально-делового письма выразилось в появлении устойчивых образцов обращений и завершений в текстах документов, формуляров, т. е. устойчивых типовых форм отдельных наиболее распространенных документов, из которых составлялись своеобразные пособия по делопроизводству — «формулярники». В этот период складывались традиции русской системы делопроизводства, обработки и хране-

ния документов. Отдельные нормы работы с документами находили закрепление в законодательстве. Таким образом, вырабатываемые практикой традиции постепенно становились нормами обычая, закладывая основу будущей системы делопроизводства.

Существенной вехой в развитии русского официально-делового письма стало приказное делопроизводство (первые государственные учреждения назывались приказами) XV—XVII века. В этот период шло формирование русского централизованного государства, закладывались основы государственного аппарата, системы государственного делопроизводства. Официально-деловое письмо этого периода приобрело уже такие важные признаки документа, как устойчивые текстовые формулировки, определенное расположение материала, устойчивые информационные элементы (реквизиты, языковые формулы), расположенные в определенной последовательности.

Как правило, документ начинался с обращения, даты или обозначения автора и адресата документа. Так, например, царские указы грамоты начинались указанием автора и адресата (от кого — кому): «От царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великой и Малой и Белой России самодержца, боярину нашему и воеводам князю Якову Куденетовичу Черкасскому. ..»; «... князю Ивану Алексеичу с товарищами...». Челобитные и отписки начинались с обращения: «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великой и Малой и Белой России самодержцу, бьет челом сирота твой **Ивашко** Михайлов...»; « Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси бьет челом холоп твой...». При обращении к великому князю служилые люди подписывались холопами, посадские люди и крестьяне — сиротами; духовные лица — богомольцами. В заключительной части указной грамоты обозначалась дата ее составления и место, где она была написана. «Писан в царствующем граде Москве в наших царских палатах. Лета 1166 года, марта в 16 день».

Таким образом, в приказной период постепенно складывается система делопроизводства центральных и местных учреждений, создаются устойчивые формы документов и приемы их составления.

На смену приказному делопроизводству пришла система коллежского делопроизводства. Генеральный регламент, утвер-

жденный Петром I в 1720 г., ввел систему делопроизводства, получившую название «коллежской» по названию учреждений нового типа — коллегий. Этим законодательным актом делопроизводственная деятельность окончательно закрепляется за самостоятельным подразделением — канцелярией.

В коллежском делопроизводстве возникло большое число новых документов. Официально-деловая письменная речь пополнилась значительным количеством новых слов и терминов иноязычного происхождения, что объясняется стремлением Петра I приблизить русское официально-деловое письмо к западным образцам. В этот период вошли в оборот такие слова, как *администратор, актуариус, ассессор, аудитор, бухгалтер, губернатор, инспектор, маклер, министр* и др. Появились и новые названия документов: *векселя, облигации, реляции, мемории, рапорты, журналы, протоколы, корреспонденция, инструкция* и др. Существенные изменения в петровское время претерпевает и форма документов. Появляются «генеральные формуляры» — образцы, по которым следовало составлять документы. Самостоятельным элементом формуляра становится наименование документа. Кроме реквизитов, выделившихся из текста, появляется ряд реквизитов, отражающих различные стадии процесса документирования или стадии обработки документов: подписи, отметки о согласовании, регистрационные индексы и др. Губернская реформа Екатерины II завершила петровские преобразования государственного аппарата России, внесла единообразие в устройство губерний, разграничив места административные, судебные и финансовые. Губернские учреждения были подчинены непосредственно Сенату. Этот иерархический порядок взаимоотношений учреждений сохранялся в течение всего XIX века, в определенной степени он присутствует и в современном делопроизводстве.

В начале XIX века в недрах коллежской системы зародилась новая система управления — министерская, просуществовавшая до начала XX в. Ее главная особенность — единоначалие, придавала системе управления гибкость и оперативность. Законодательным актом «Общее учреждение министерств», изданным в 1811 г., вводилось единообразие в систему делопроизводства министерств: от создания документов до их архивного хранения.

XIX век отмечен появлением обширной делопроизводственной литературы, в частности, письмовников — сборников образцов документов, а также научных исследований в области русского официально-делового письма. Большое теоретическое значение в этот период имели работы Н. В. Варадинова. Говоря о цели теоретических исследований в этой области, он отмечал, что «... издание однообразных форм деловых бумаг и теоретических... правил будет, может быть, иметь следствием введение единообразия, а с тем вместе и упрощение делопроизводства нашего...». К предмету теоретического делопроизводства Н. В. Варадинов относил «наружные свойства» деловых бумаг, такие, например, как титулы и формулы обращения к разным особам, части деловой бумаги (формуляр документа), порядок написания текста, а также выделял разные типы деловых бумаг с точки зрения их внешней формы (1. Сношения. 2. Реестры, журналы, протоколы, ведомости, описи, отчеты. 3. Официальные письма. 4. Записки. 5. Выписки). К внутренним свойствам он относил стиль («слог») документов и особенности написания (орфография), принятые в деловых бумагах.

С течением времени (примерно к середине XIX века) сложился новый порядок изложения дела в форме краткой записи — изложения только самого существа вопроса. В делопроизводстве министерств появляются бланки учреждений с угловым расположением реквизитов. Состав реквизитов бланка и их расположение было практически таким же, как и в современных документах.

Советский период российской истории связан с заменой существовавшего государственного аппарата. Остро встал вопрос о приведении делопроизводства в соответствие с вновь создававшимися госструктурами, о выработке новых требований к языковым формам официально-делового письма. При всем разнообразии видов и форм документов, реально циркулирующих в советских учреждениях, продолжали оставаться неупорядоченными по форме и содержанию потоки документации. К концу 20-х гг. встала проблема их унификации и стандартизации. Государственным институтом техники управления (ИТУ), образованным в 1926 г., был создан Кабинет стандартизации, который разработал стандарты служебных писем, телеграмм, телефонограмм, протоколов, извещений и др. Важ-

ным этапом в развитии проблем делопроизводства является проект «Общих правил документации и документооборота» (1931 г.). В нем аккумулирован передовой практический опыт, накопленный к этому времени различными ведомствами и организациями, обобщены исследования отечественных и зарубежных ученых. Предполагалось ввести «Общие правила» в качестве типовых и единых для всех учреждений. Однако «Правила» не были окончательно доработаны и утверждены. ИТУ ликвидировали в апреле 1932 г.

Рост интереса к проблемам управления и его документационного обеспечения отмечается в 60-е гг. Однако по сравнению с мировыми достижениями в области информационных технологий, кибернетики, математических методов управления в отечественной науке наметилось отставание, которое выявилось особенно остро в 80—90-е гг. Тем не менее в практике унификации и стандартизации документов были достигнуты большие результаты: создана Единая государственная система документации (ЕГСД), общесоюзные классификаторы, изданы ГОСТы на управленческие документы, унифицированные системы документации (УСД). Авторы Единой государственной системы документации обобщили передовой опыт своего времени и предложили оптимальную технологию выполнения управленческих операций и их документирования. Однако элементы новых информационных технологий в ЕГСД представлены не были. Этот пробел отчасти восполнен в новой редакции Государственной системы документационного обеспечения управления (ГСДОУ), утвержденной в 1988 г. [53, 10—42].

Развитие бизнеса и коммерции в последнее десятилетие XX века в нашей стране в значительной мере изменило не только форму, но и содержание делового общения, в том числе письменного, потребовало создания новых типов деловой корреспонденции (рекламные деловые письма, резюме, письма-представления и др.), речевых моделей, уместных в новых ситуациях общения. Сегодня увеличивается и количество поводов для составления и отправления деловых писем, жанровое разнообразие деловой корреспонденции. Все это, однако, не предполагает отказа от богатейшего опыта письменной деловой речи, накопленного предыдущими поколениями.

6.2. Интернациональные свойства официально-деловой письменной речи

Формирование официально-деловой письменной речи во всех языковых культурах обусловлено развитием государственности, аппарата управления и связано с необходимостью документально закреплять правовые отношения юридических и частных лиц. Интернациональные свойства делового письма — следствие универсальности задач, которые оно призвано решать, а именно — служить инструментом делового общения, языковым средством фиксации (документирования) управленческой, деловой, служебной информации. К служебной информации предъявляются общие требования: **достоверность** (объективность), **актуальность** (необходимость, новизна, своевременность), **убедительность** (аргументированность), **полнота** (достоаточность информации).

Документирование — регламентированный процесс записи информации на бумаге или ином носителе, обеспечивающий ее юридическую силу. В деловом общении документирование имеет особое значение. Действительно, ссылка на какую-либо устную договоренность или распоряжение может быть опровергнута или подвергнута сомнению, но если данная договоренность или распоряжение имеют форму документа, то ссылка на него обоснована юридически. Правила документирования устанавливаются правовыми актами каждого государства или вырабатываются традицией.

Итог документирования — создание документа. В социальном плане любой официальный документ полифункционален, т. е. одновременно выполняет несколько функций, что и позволяет ему удовлетворять различные человеческие потребности. Среди функций документа выделяют общие и специальные. **Общие функции документа:**

— **информационная:** любой документ создается для сохранения информации;

— **социальная:** документ является социально значимым объектом, поскольку порожден той или иной социальной потребностью;

— **коммуникативная:** документ выступает в качестве сред-

ства связи между отдельными элементами общественной структуры, в частности между учреждениями;

культурная: документ — средство закрепления и передачи культурных традиций, этапов развития цивилизации. Так, например, в научно-технической документации находят отражение уровень научного и технического развития общества.

Специальные функции документа:

— **управленческая:** документ является инструментом управления; этой функцией наделены так называемые управленческие документы (плановые, отчетные, организационно-распорядительные документы и др.), специально создаваемые для целей управления;

— **правовая:** документ является средством закрепления и изменения правовых норм и правоотношений в обществе. Правовую функцию выполняют законодательные и правовые нормативные акты, а также документы, приобретающие правовую функцию на время. Так, для использования в качестве судебного доказательства это может быть любой документ;

— **функция исторического источника:** документ выступает в качестве источника исторических сведений о развитии общества [53, 66].

Указанные функции имеют интернациональный характер и определяют общие для разных языковых культур требования к документу. Так, например, юридическая сила документа обеспечивается комплексом **реквизитов** — обязательных элементов оформления документа. К ним относятся: наименование автора документа, адресата, подпись, дата, номер документа, гриф утверждения, печать и др. Совокупность реквизитов и схема их расположения на документе составляют **формуляр документа**. Однако формуляр регламентирован стандартами, принятыми в той или иной стране. Например, если письмо адресовано зарубежным партнерам, наименование организации-адресанта в документах на иностранные языки не переводится и печатается на бланке латинским шрифтом. В России современные требования к оформлению организационно-распорядительной (административной) документации зафиксированы государственным стандартом (ГОСТ Р 6.30 — 97 «Унифицированные системы документации. Система организационно-рас-

порядительной документации. Требования к оформлению документов»).

Мировой опыт официальной переписки показывает, что при всех особенностях и специфике национальных школ делового письма неизменными остаются основные требования к структурному построению, смысловому наполнению и языковому оформлению деловых бумаг. Эти требования складывались исторически и обусловлены **особенностями делового общения**.

Официальность и регламентированность деловых отношений, т. е. их подчинение установленным правилам и ограничениям, предполагают соблюдение норм делового этикета. В деловом письме регламентированность отношений между адресантом (автором письма) и адресатом (получателем) выражается с помощью речевых этикетных формул обращения и прощания, а также соблюдением общей тональности послания в рамках корректности и учтивости. В деловой письменной речи не допускаются ирония, сарказм, оскорбления. Этикетные формулы не только придают письму необходимый тон вежливости и почтительности, но и свидетельствуют о характере взаимоотношений между отправителем и получателем корреспонденции (официальные, полуофициальные, дружеские отношения).

Немаловажным аспектом делового общения являются вопросы **этики** отношений между деловыми партнерами. В деловой переписке этика отношений проявляется в необходимости соблюдения ряда требований, предъявляемых как к адресанту, так и к адресату. Так, составителям деловых писем **не рекомендуется:**

— побуждать адресата к спешке при вынесении решения словами «Срочно», «Незамедлительно», «В возможно более короткие сроки». Более приемлемыми являются формулы типа «Прошу Вас ответить до такого-то числа», «Убедительно прошу Вас сразу же сообщить о своем решении»;

— навязывать адресату ожидаемый исход освещаемого в письме вопроса, например: «Прошу изучить и решить вопрос положительно» или «Прошу утвердить эту кандидатуру»;

— намекать получателю письма на его мнимую невнимательность, вводя в заключительный текст письма следующую формулировку: «Предлагаю внимательно изучить...»;

— начинать послание с констатации отказа, в тех случаях,

когда выполнение просьбы или поручения не представляется возможным. Вначале следует изложить мотивацию принятого решения и дать понять, что при определенных обстоятельствах к рассмотрению вопроса можно вернуться [64, 22—23].

Для получателя официальной корреспонденции обязательным требованием, с точки зрения этических норм, является оперативный и четкий ответ организации-отправителю в виде ответного письма или послания, переданного с помощью других средств связи. Задержка или отсутствие ответа может рассматриваться как нежелание сотрудничать и привести к разрыву деловых отношений.

Безусловным нарушением этических норм деловой переписки, выражением неуважения, является форма ответа, при которой письмо-запрос, письмо-предложение возвращается адресанту с размещенной на нем ответной информацией. Так, например, приведенное ниже письмо-запрос вернулось к адресантам с ответной информацией, написанной на нем же от руки.

(Письмо приводится без реквизитов):

Для решения вопроса применения в наших изделиях термостата с интегрированным датчиком температуры «Schroff» (номер заказа...) прошу Вас сообщить дополнительные характеристики на него, отсутствующие в каталоге:

— температурный режим эксплуатации, а именно: возможно ли применение термостата при начальной (до прогрева) температуре окружающей среды от минус 50°С;

— выдерживает ли термостат условия транспортировки от минус 60°С до плюс 65°С (в нерабочем состоянии);

— класс защиты IP;

— материал корпуса термостата.

Прошу Вас также сообщить, изготавливаются ли фирмой «Schroff» кондиционеры типа,.. имеющие дополнительный режим работы «ОБОГРЕВ» при отрицательных температурах.

Главный инженер

А.В.Смирнов

Степень защиты — IP20. Обогрева нет. При понижении температуры возможна потеря эластичности пластика.

Материал: полипропилен.

Подпись.